

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность
История Журнал филологических
и историко-культурных
исследований
№ 3 2020

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

Главные редакторы:

С. А. Семячко и Д. О. Цыпкин

Адрес редакции:

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Сайт: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>

e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2020

© Журнал «Словесность и история», составление, 2020

© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2020

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

ⁱ Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 3 2020

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

Editors in Chief:

S. A. Semiachko and D. O. Tsyppin

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© 2020 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
© 2020 Journal "Texts and History" (compilation)
© 2020 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- В. Е. Ветловская.** Источники и литературный контекст романа Достоевского «Бедные люди» 7
- В. А. Фатеев.** А было ли «почвенничество»?
Пolemические заметки 32
- Д. В. Руднев.** Предшественники А. С. Шишкова
в Морском кадетском корпусе 63
- Е. М. Букреева, О. Л. Фетисенко.** Портреты
К. Н. Леонтьева в собрании Государственного
исторического музея 78
- Е. Р. Обатнина.** Писатель на фоне сменовеховства:
Ремизов и Пришвин. 91
- М. Н. Власова.** Тайны судьбы (сюжет о гадании
у церковного замка) 112

Публикации и сообщения

- Е. И. Гончарова.** Василий Розанов и Анатолий
Александров (из переписки 1892 г.) 143
- В. Н. Быстров.** «Всё это было так недавно...».
Стихотворение Вл. В. Гиппиуса «России» 180

Хроника

- Л. В. Павлова, И. В. Романова.** «Авраамиевская
седмица» (Смоленск, 19 сентября 2020 г.) 192
- Список сокращений 202
- Наши авторы. 203

CONTENTS

Articles

- Valentina E. Vetlovskaya.** Sources and Literary Context of Dostoevsky's Novel *Poor Folk*. 7
- Valery A. Fateev.** Did the Native Soil Movement Really Exist? (Polemical Notes) 32
- Dmitrii V. Rudnev.** Predecessors of A. S. Shishkov at the Naval Cadet Corps 63
- Elena M. Bukreeva, Olga L. Fetisenko.** Portraits of Konstantin Leontiev in the Collection of the State Historical Museum. 78
- Elena R. Obatnina.** The Writer in the Landscape of the *Smenovekhovstvo*: Remizov and Prishvin 91
- Marina N. Vlasova.** Mysteries of Fate: Fortune Telling at the Church Lock 112

Notes and Publications

- Elena I. Goncharova.** Vasily Rozanov and Anatoly Aleksandrov: Personal and Literary Dialogue in the 1892 Correspondence 143
- Vyacheslav N. Bystrov.** "It Was All So Recent...": The Poem "To Russia" by Vladimir Gippius 180

Conference Notes

- Larisa V. Pavlova, Irina V. Romanova.** "Avraamievskaya Sedmitsa" (September 19, 2020, Smolensk) 192

List of Abbreviations 202

Our Authors 203

В. Е. Ветловская

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Резюме

Статья посвящена проблемам литературного самоопределения Ф. М. Достоевского в исходной точке творческого пути. Она продолжает разговор, начатый автором в работах, опубликованных в журнале «Русская литература» за 2013 г.: 1) Достоевский в 1840-е годы: Литературные связи и отражения; 2) Ф. М. Достоевский в 1840-е годы: Литературные переключки в «Бедных людях». В настоящей статье расширяется круг произведений, соотносящихся с первым романом Достоевского. Задача исследования — выявить на конкретном материале связи молодого писателя с писателями-современниками и его место в литературном процессе.

Метод исследования — сравнительный анализ повторяющихся элементов повествования. Рассказ М. И. Воскресенского «Замоскворецкие Тереза и Фальдони» (1843), послуживший, по мнению некоторых исследователей, объектом пародии в «Бедных людях», переключается, как показывает автор статьи, с романом Достоевского лишь именованиями героев (главных — в одном случае, второстепенных — в другом). Они отсылают к популярному сентиментальному роману Н. Леонара (1783), без всякого одобрения пересказанному еще Н. М. Карамзиным. Но по своей незначительности (в отношении содержания, как и во всех прочих отношениях) рассказ Воскресенского не заслуживал даже насмешки. И, надо заметить, нет ни одного мотива, который, принадлежа исключительно и только этому рассказу, позднее был бы воспроизведен Достоевским. Иное дело — роман Дюма «Шевалье д'Армантель» (газетная публикация 1841–1842 гг., отдельное издание — 1843 г.). Перипетии сюжета этого романа, главные действующие лица, до известной степени их характеры, некоторые подробности происходящих с ними событий, безусловно, отразились в «Бедных людях». Но и здесь нельзя говорить о пародии. Достоевский выбрал роман знаменитого француза лишь

для того, чтобы в противовес благодушному романтизму, благодаря сопоставлениям и контрасту, изложить свой взгляд на мир и новые принципы искусства – зарождающийся реализм с его неприкрашенной «правдой жизни», суровой и часто трагической действительностью.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский, М. И. Воскресенский, Александр Дюма, «Бедные люди», «Замоскворецкие Тереза и Фальдони», «Шевалье д'Арманталь», эстетические принципы искусства

Valentina E. Vetlovskaya

SOURCES AND LITERARY CONTEXT OF DOSTOEVSKY'S NOVEL *POOR FOLK*

Abstract

The article considers literary self-definition of Fyodor Dostoevsky at the starting point of his career as a writer. Its purpose is to reveal connections of the young author with contemporary writers and his place in the literary process on the basis of specific texts. The article continues the research presented in two articles published in 2013 and examines a wider range of texts related to Dostoevsky's first novel, *Poor Folk*.

By applying the principles of comparative analysis to the repeated narrative elements, the author of the article shows that Mikhail Voskresensky's story "Zamoskvoretskie Tereza i Faldoni" (1843), which is considered to be parodied in *Poor Folk*, has just one common feature with Dostoevsky's novel: names of one main and one secondary character. The names refer to a popular sentimental novel by Nicolas Germain Léonard (1783), retold with disapproval by N. M. Karamzin, while Voskresensky's story was unworthy even of caricature for the insignificance of its content and its poetics. It should also be noted that not a single motif that exclusively belongs to this story was reproduced by Dostoevsky at any time later. The situation is quite different in the case of Alexandre Dumas's novel *The Conspirators (Le Chevalier d'Harmental)*, published in a newspaper in 1841–1842 and as a separate edition in 1843. The novel's plot twists, main characters, some features of their personalities and some details regarding what happens to them are reflected in *Poor Folk*. But this was not done for reasons of parody. Dostoevsky chose the novel by the famous Frenchman only to promote his own world view and the new principles of art – the nascent realism with its unadorned "truth of life", harsh and often tragic reality in contrast to the benevolent romanticism.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Vissarion Belinsky, Mikhail Voskresensky, Alexandre Dumas, *Poor Folk*, "Zamoskvoretskie Tereza i Faldoni", *Le Chevalier d'Harmental*, aesthetic principles of art

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-7-31

В постраничных примечаниях к роману «Бедные люди» в первом и втором академических изданиях Ф. М. Достоевского по поводу прозвищ «людей», прислуживающих в комнатах, где обитает Макар Алексеевич Деушкин, дается отсылка к популярному роману Н.-Ж. Леонара (1744–1793)

«Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе» (1783, русский перевод М. Т. Каченовского 1804 и 1816 гг.), а также к рассказу М. И. Воскресенского «Замоскворецкие Тереза и Фальдони» [Воскресенский, 1843а, 1843б], добродетельные герои которого и уподоблены, и противопоставлены персонажам Леонара [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 480, 783–788; Достоевский, 2013, с. 686].

О романе Леонара с историей несчастных Терезы и Фальдони, без всякого сочувствия пересказанной Н. М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника» (1791–1792, 1794–1795) [Карамзин, 1984, с. 208–209], и о рассказе М. И. Воскресенского с его благополучным финалом, увязав их с «Бедными людьми», в свое время писал В. В. Виноградов [Виноградов, 1976, с. 163, 167–168]¹. Позднее, отослав к ранней публикации работы В. В. Виноградова, на эти же источники романа Достоевского, включая Н. М. Карамзина, указал М. С. Альтман [Альтман, 1975, с. 158–159, 264–265]. Вслед за своим предшественником исследователь особо подчеркнул тот факт, что темы и образы Леонара с течением времени и на русской почве (у Воскресенского в меньшей мере, у Достоевского — в несравненно большей) претерпевают трансформацию, лишаящую их возвышенного ореола. В романе Достоевского, пишет М. С. Альтман, «Тереза — „худая, как общипанный, чахлый цыпленок“, а Фальдони — „чухна какая-то, кривой, курносый, грубиян“, и они не только друг в друга не влюблены, но постоянно „чуть не дерутся“ (...) В такой трансформации образов, а также в том, что Тереза и Фальдони (...) у Достоевского уже не герои произведения, а слуги героев, В. В. Виноградов правильно усматривает симптомы перехода от сентиментальных тем и героев к темам и героям натуральной школы» [Альтман, 1975, с. 159]². Ср.: «Общая сентиментальная канва романа определяет и названия действующих лиц (...) В них с резкой и преднамеренной подчеркнутостью символизирован литературный сдвиг старых сентиментальных тем и героев, которые должны, как *Тереза* и *Фальдони*, пойти в услужение *героям* и общим тенденциям поэтики „натуральной школы“. Ведь недаром Тереза и Фальдони, имена которых, по словам предисловия к переводу этого романа, „были для любимейших наших писателей украшением их сочинений“, сделаны слугами, исполняющими поручения Макара Девушкина» [Виноградов, 1976, с. 163]³.

¹ Работа впервые опубликована в начале 1920-х гг. См. [Виноградов, 1976, с. 493, коммент.].

² Цитаты из Достоевского см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 23].

³ Здесь и далее курсив в цитатах авторский.

Однако, по мнению М. С. Альтмана, в «Бедных людях» Достоевский «пародирует не только роман Леонара, но в некоторой степени и рассказ М. Воскресенского. В этот рассказ (...) вплетен сюжет, многими чертами предвосхищавший первый роман Достоевского. Не только быт действующих лиц, но и дом, где проживают герои рассказа Воскресенского, очень сходны с бытом героев романа Достоевского и местожительством Девушкина и Доброселовой», хотя заметно и важное отличие: у Воскресенского «Тереза» и «Фальдони» (Клавдинька и Антон), несмотря на разные жизненные перипетии, остаются влюбленными друг в друга, а у Достоевского, как сказано, они «чуть не дерутся» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 23; Альтман, 1975, с. 159]. Но указанное отличие ничего не меняет: ведь контрастные мотивы так же говорят о близости к источнику, как и мотивы, демонстрирующие сходство.

Нет сомнения в том, что Достоевский читал рассказ Воскресенского, в который «вплетен сюжет», перекликающийся с «Бедными людьми». М. С. Альтман не уточняет, какой сюжет он имеет в виду, но, скорее всего, тот, о котором писал В. В. Виноградов. Он представляет собой типичную схему сентиментального повествования. Следовательно, он повторяется и не привязан к тому или иному конкретному произведению. Речь идет об истории молодой девицы, лишившейся отца и матери, а вместе с ними и средств к существованию. В сироте принимает участие какая-нибудь дальняя родственница (или особа, назвавшаяся таковой), она дает бедняжке кров и пищу, т. е. становится ее опекуной. Спустя недолгое время благодетельница и опекунша сбрасывает маску и выступает в роли сводни, продающей юную и наивную подопечную какому-нибудь сластолюбивому проходимцу, который обычно старше героини и годится ей в отцы, едва ли не в деды. Дальнейшая судьба обманутой и соблазненной жертвы может быть дурной (если падшая и покинутая девица гибнет, опускаясь ниже и ниже, на самое дно) либо счастливой (если виновник ее позора раскаялся и законным браком искупил свой грех). В. В. Виноградов приводит примеры таких историй из переводных (роман Дюкре дю Мениля) и отечественных (рассказ А. Вилламова в «Финском вестнике») сочинений и продолжает: «Подобная же ситуация вплетена в рассказ М. Воскресенского „Замоскворецкие Тереза и Фальдони“ (...) Клавдинька, не зная ни отца, ни матери, живет у принявшей в ней участие Олимпиады Дмитриевны Косточкиной. Та продает ее барону Нигиль», и лишь случайно преступный сговор и замысел мошенников, губящий Клавдиньку, не увенчался успехом [Виноградов, 1976, с. 168].

Типичная схема сентиментального сюжета отнюдь не противоречит возможной действительности, поэтому ничто не мешало Достоевскому во-

плотить эту схему, подчиняясь жестким правилам реализма и «натуральной школы». С присущей ему силой дарования и художественным мастерством он использовал оба способа разрешения центральной коллизии — дурной (история матери студента Покровского, в недалекой перспективе — история Саши, двоюродной сестры Вареньки) и счастливый (история самой Вареньки, соединившейся брачными узами со своим обидчиком). При этом счастливый исход здесь не лучше дурного, поскольку для героини, как ясно, он равен смертному приговору.

Но, решая свои идейные и художественные задачи, Достоевский не пародировал рассказ Воскресенского. Ведь этот рассказ сам по себе уже и был пародией — настолько фантастичны и нелепы подробности в изображении небывалой «мещанской» любви со всеми сопутствующими ей подвигами и сантиментами (великодушием, ревностью, отчаянием и т. д.). Другое дело, что эта пародия, как и всё, что явилось на свет из-под пера этого плодовитого сочинителя, была бездарной.

Характерны, например, в этом смысле путешествия друг к другу любящих героев по карнизу третьего этажа высокого дома в ночном мраке, чтобы воспользоваться для свидания окном вместо запертой двери: «Услышав, что возлюбленная его заперта и желала бы кой о чем переговорить с ним, он (Антон. — *В. В.*), не колеблясь ни минуты, вскочил на окно, потом спустил ногу свою наружу, встал на довольно широкий карниз, обводивший собою весь дом и, так сказать, отделявший второй этаж от третьего, попробовал ногами, довольно ли крепок и надежен этот карниз, и, по-видимому, уверившись в том, чего хотелось, начал — о ужас! — путешествовать по нем кругом до окна своей возлюбленной, хватаясь руками то за впадины в окнах, то за самую стену!!! Безумец! Отчаянный! Чего ты делаешь? Куда ты? Взгляни, под тобою мрачная бездна... Малейшая неосторожность, кружение головы, порыв ветра, и тебе придется пролететь с этой трехэтажной высоты и выдавить с размаха собственною тяжестью тела себе довольно глубокую могилу на грязном дворе; где твой рассудок, удержиись, безрассудный! Посмотри к тому же, какая тёмнеть (так! — *В. В.*) на дворе... Но не так любят у нас за Москвою рекою, как на других улицах и в других городах» [Воскресенский, 1843b, с. 154]. Клавдинька приходит в ужас, увидев любимого перед своим окном, но требует, чтобы он немедленно отправился обратно. Разумеется, той же дорогой [Воскресенский, 1843b, с. 154]. Вскоре она сама проделывает тот же путь, в том же глубоком мраке, чтобы спасти Антона, который, не видя возможности соединиться с любимой, решил кончить жизнь самоубийством: «...наша героиня (...) во мраке ночи в белом, развевавшемся от ветра капоте кралась по карнизу, как белая кошка, цепляясь то за про-

стенки, то за закраины окон... Снизу страшно было взглянуть на нее — еще страшнее закричать. Потому что, кажется, от малейшего содрогания она потеряла бы равновесие и рухнула снежною глыбою на землю». Но «вот уже она дошла до заветного окошка, вышибла стекло, отперла и распахнула раму, прыгнула в комнату... Уф! Теперь у ней и у меня отлегло от души...» [Воскресенский, 1843b, с. 156]. В конце концов все разрешается как в сказке — свадьбой героев и их материальным успехом.

Сближая рассказ Воскресенского с «Бедными людьми», М. С. Альтман, а за ним и И. Д. Якубович находят сходство в описании места действия там и тут. «Следуя требованиям и примерам натуральной школы и физиологического очерка, — объясняет И. Д. Якубович, — Воскресенский подробно описывает дом, где живут его герои, — дом, который „снизу доверху набит, как Ноев ковчег, разнородными обитателями“. Вспомним, что Девушкин, рассказывая Вареньке о своем новом жилье (квартире, в которую он переехал. — *В. В.*), восклицает: „...порядку не спрашивайте — Ноев ковчег!“» [Якубович, 2001, с. 82]⁴. Комментарий романа Достоевского во втором академическом издании, упомянув «Ноев ковчег», отсылает к статье И. Д. Якубович и указанной в ней параллели с рассказом о «замоскворецких Терезе и Фальдони» [Достоевский, 2013, с. 682].

Не лишним было бы подчеркнуть, что образ Ноева ковчега, использованный Воскресенским и Достоевским (как и фразеологизм «каждой твари по паре», восходящий к тому же библейскому источнику), имели и имеют самое широкое хождение. В статье В. Г. Белинского «Петербург и Москва», ближайшей по времени к роману Достоевского и опубликованной в начале альманаха «Физиология Петербурга» (1845), этот образ служит общей характеристике петербургских домов: «Дома в Петербурге, как известно, огромные. Петербуржец о погребе не заботится: если не женат, он обедает в трактире; женатый, он все берет из лавочки. Дом, где нанимает он квартиру, сущий Ноев ковчег, в котором можно найти по паре всяких животных (...) Главное удобство в квартире, за которым гонится петербуржец, состоит в том, чтобы ко всему быть поближе — и к месту своей службы, и к месту, где все можно достать и лучше и дешевле. Последнего удобства он часто достигает в своем Ноевом ковчеге, где есть и погребок, и кондитерская, и кухмистер, и магазины, и портные, и сапожники, и все на свете» [Белинский, 1991, с. 24]⁵.

⁴ Цитаты см.: [Воскресенский, 1843a, с. 128]; [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 16].

⁵ Отсылку к статье Белинского см. в работе: [Топоров, 1995, с. 352–353]. См. также: [Тихомиров, 2016, с. 176–177].

Этот же образ Ноева ковчега встречаем в «Очерках Боза» Диккенса («Сэвен-Дайелс», 1835) при описании лавок старьевщиков в одном из районов лондонской нищеты: «Лавки старьевщиков, скупающих всякую рухлядь, тряпки, кости, ржавую кухонную посуду, соперничают в чистоте с закусками кролиководов и продавцов птиц, напоминающими Ноев ковчег, с той только разницей, что ни одна здравомыслящая птица, будучи выпущена отсюда, разумеется, никогда уже не вернется назад» [Диккенс, 1957, с. 129]⁶.

Более показательна и важна для сюжета, чем Ноев ковчег, особенность домов у Воскресенского и Достоевского, построенных так, что их герои могут видеть друг друга из окон своих квартир. «Даже и такая деталь, — пишет М. С. Альтман, — что из окон той половины дома, где проживает герой рассказа Воскресенского, можно, если только занавеска не опущена, «глазами хозяйничать» в другой половине дома, где проживает героиня рассказа, — и эта деталь, вплоть до занавески, повторяется и обыгрывается в романе Достоевского» [Альтман, 1975, с. 265]. И. Д. Якубович пишет: «...Влюбленные (Воскресенского. — В. В.) живут в одном доме, „построенном в виде литеры П (...) так что из окон одной половины можно глазами всегда хозяйничать в другой, если только окно не завелось занавескою“, и Антон Пружинин (...) переглядывается со своей Клавдинькой, поливающей на окошке цветы. Сравним в „Бедных людях“: „просыпаюсь (...) вдруг, невзначай, подымаю глаза (...) Вижу, уголочек занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с бальзаминном точнехонько так, как я вам тогда намекал; тут же показалось мне, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали“» [Достоевский, 1972—1990, т. 1, с. 13; Якубович, 2001, с. 83]⁷.

Надо сказать, что полупрозрачная кисейная занавеска в рассказе Воскресенского не слишком мешает влюбленным: хуже, когда в зимние месяцы ее заменяет мороз, плотно покрывающий изморозью стекла окон [Воскресенский, 1843а, с. 132]. Гораздо важнее сами окна. Через них герои переглядываются; посылают, ухищряясь, друг другу поцелуи; разговаривают и даже, при крайней необходимости, ходят друг к другу в гости. Мотив «занавески», и именно «уголка занавески», которого нет у Воскресенского, указывает на героев другой любовной истории. Ведь узкий двор дома, построенного

⁶ «Очерки Боза» были хорошо известны Достоевскому. Некоторые их сюжетные элементы, характеры, отдельные мотивы отразились в «Бедных людях». См.: [Катарский, 1966, с. 360 и сл.]; [Ветловская, 2017, с. 332 и сл.]

⁷ В цитатах из Воскресенского вкратце исправлены выше опечатки: нужно «завелось» (от *завести*, т. е. отвести в сторону, взяв за угол) вместо «завесилось» и «Пружинин» вместо «Пружинкин».

«в виде литеры П», или очень узкая улица позволяют молодым людям знакомиться и общаться не только в Москве или в Петербурге, но, например, и в Париже.

Такая ситуация изображена в романе Александра Дюма «Шевалье д'Арманталь», одном из самых занимательных, по мнению автора, его произведений [Вановская, 1962, с. 435]. В 1841—1842 гг. он печатался частями в газете «Siècle» («Век»), а в 1843 г. вышел отдельным изданием. Роман был сочинен уже знаменитым к тому времени Александром Дюма-старшим вместе с неудачно начавшим творческую карьеру Огюстом Маке. Как пишет автор статьи о Дюма и его литературных «неграх», обоюдная польза от такого содружества «была налицо: Огюст Маке великолепно придумывал сюжетные ходы и сочинял диалоги, тогда как Александр Дюма умел адаптировать литературные произведения под требования издателей. Первым их совместным проектом стал роман „Шевалье д'Арманталь“. Сначала соавторы планировали разместить на титульной странице романа две фамилии, но издатель заявил, что произведение, изданное под именем одного Александра Дюма, принесет больше денег. Решили, что официально автором произведения будет значиться Дюма, а Маке получит крупную денежную компенсацию. С тех пор так и повелось: романы сочиняли вдвоем, а в качестве автора на титульном листе красовалось имя одного Дюма. По такому сценарию были созданы „Д'Артаньян и три мушкетера“, „Граф Монте-Кристо“ и другие популярные произведения тандема. Впоследствии соавторы рассорились, даже судились. Они продолжили было свой творческий путь поодиночке. Но ни один из них на этом пути не преуспел» [Соколов, 2019].

Для русских писателей и критиков автором знаменитых романов был один Дюма. Некоторое время они вообще, по-видимому, не догадывались, что на популярного французского романиста работала гвардия поденщиков. Так, упрекая русских писателей в малой производительности, В. Г. Белинский в рецензии на «Одесский альманах на 1840 год» писал: «Литераторы наши вообще не отличаются плодовитостью и многописанием: какой-нибудь Дюма в год напишет больше, нежели иной русский литератор в целую жизнь свою» [Белинский, 1976—1982, т. 3, с. 374]. Позднее критик к такому сравнению уже не прибегал. В 1840-х гг., когда разгорелся скандал по поводу методов работы Дюма, у писателя оказались и обвинители, и защитники. Среди последних — Д. В. Григорович, который был знаком кое с кем из окружения Дюма, а позднее и с ним самим: «Г-н Оже принадлежал к группе сотрудников Дюма: гг. маркизу де Шервиль, Бенедикту Ревуаль, Маке и другим, доказывавшим только размер таланта их патрона, умевшего придать их рукописям огонь, живость, интерес; работая уже от себя собственно, со-

трудники эти оказывались крайне бесцветными и не имели никакого успеха» [Григорович, 1961, с. 75]⁸.

Белинский относился к Дюма более чем сдержанно. Под горячую руку он называл его «жалкой посредственностью» [Белинский, 1976—1982, т. 2, с. 422] и редко удостаивал щадящей и тем более — положительной оценки. Как правило, критик упоминал его имя через запятую, в обойме имен современных французских писателей, получивших известность в читающей публике, и почти никогда — отдельно. Правда, в эту обойму представителей «неистойвой словесности», новейших романтиков, а вместе с тем и второсортных талантов, он включал и Гюго, и Бальзака, и Жорж Санд: «...к неистовым принадлежат Гюго, Дюма, Бальзак и пр.» [Там же, с. 335]. Характеризуя эту «компанию неистовых гениев, известных под фирмою *La jeune France*» [Там же, с. 581], Белинский писал: «Всё, что есть отвратительного в человеческой природе, все ее уклонения, всё, что есть ужасного в гражданском обществе, все его противоречия — всё это они *отвлекли* от природы человека и от гражданского общества, и ряд чудовищно нелепых романов, повестей и драм наводнил весь белый свет. Евгений Сю просто-напросто объявил, что на этом свете быть честным и добрым значит метить прямо на виселицу или на колесо, а быть мерзавцем и извергом есть верное средство наслаждаться всеми благами мира сего. Гюго объявил себя защитником всех гонимых, то есть физических и моральных чудищ (...) Бальзак проповедует, что быть бедным — все равно что заживо попасть в ад, и что быть счастливым и блаженным — значит иметь кучу денег и право ставить перед своей фамилиею частицу *де*. Дюма возвестил миру, что любить женщину значит быть готовым каждую минуту задушить, зарезать ее (...) Жорж Санд приглашает людей к естественному состоянию, почитая гражданские установления и особенно брак главною причиною человеческих бедствий. Разврат, кровосмешение, разбой, отцеубийство, детоубийство, братоубийство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, резня, тюрьмы и дома разврата — сделались любимыми пружинами для возбуждения эффекта» [Там же, с. 338—339].

Но параллельно с произведениями «неистойвой словесности», постепенно набирая силу, в европейском искусстве сказались новые тенденции. Общее увлечение Вальтером Скоттом дало другое направление умам, и эффект от назойливых и уже надоевших картин преступлений и распутства сменился интересом к судьбам и нравам людей прошедших эпох. «Вальтер Скотт, — писал Белинский, — создал, изобрел, открыл, или, лучше сказать, *угадал*

⁸ См. также разговор на эту тему А. Я. Панаевой с секретарем Дюма во время пребывания Дюма в России: [Панаева, 1972, с. 228].

эпопею нашего времени — *исторический роман*. По его следам пустились многие люди, озаменованные печатю высокого таланта и даже гения...» [Белинский, 1976—1982, т. 1, с. 357]. Английский автор, по словам критика, «был литературным Колумбом и открыл для жаждущего вкуса новый, неисчерпаемый источник изящных наслаждений, который дал искусству новые средства, облек его в новое могущество, разгадал потребность века и соединил действительность с вымыслом», т. е. с возможностью ее адекватного воплощения в художественной форме [Там же, с. 431]. Исторический роман вышел на первый план, и «корифеи беспутной французской литературы» [Белинский, 1976—1982, т. 2, с. 358] тоже сменили эстетические ориентиры. Дюма, чутко улавливавший читательские симпатии, просто не мог не работать в историческом жанре. Это не составляло для него особого труда, поскольку он любил историю, неплохо знал ее, хотя и не без изъяснов, и с удовольствием знакомился с мемуарами и архивными документами. Всё это отразилось в романе «Шевалье д'Арманталь» и последовавших за ним знаменитых романах — «Три мушкетера» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845), «Королева Марго» (1845), «Граф Монте-Кристо» (1845—1846) и др. С историей, казалось бы, было сносно. Хуже было с вымыслом, так как Дюма отдавал ему предпочтение и приплетал к историческим реалиям всевозможные фантазии — вымышленные факты, запутанные интриги, невероятные события, чудеса и трюки. Приключенческий элемент господствовал на страницах его литературных изделий. Дюма был убежден, что для читателя его фантазии будут гораздо занимательнее обычной, а иногда и опостылевшей прозы жизни. Занимательность рассказа у него стояла на главном месте.

В какой-то мере он был прав. Достоевский, при всех оговорках, ценил в романах Дюма эту черту и в начале 1860-х гг. готов был рекомендовать его сочинения для детей и народного чтения, справедливо полагая, что они развивают воображение и приучают к книге, а навык чтения со временем разовьёт и вкус, и более серьезные запросы. Ссылаясь на собственный опыт, он вспоминал, с каким удовольствием солдаты в казармах читали и слушали Дюма и с каким удовольствием он читал им сам, заодно отвечая на возникавшие у них вопросы [Достоевский, 1972—1990, т. 19, с. 53—56]. Но, разумеется, Достоевский никогда не преувеличивал значения такой литературы. Дюма с его «разнузданной фантазией» и такими же «эффектами» в своих историко-приключенческих романах оставался для русского писателя сочинителем «сказок» и «знаменитым сказочником», и только [Там же, с. 151, 152]. Правда, он все-таки защищал его от русской критики, которая «смотрит на А. Дюма как на что-то уж очень дурное. Знаменитый благер

(т. е. болтун. — В. В.) имеет некоторые особенности, которыми многое выкупается, и совершенно презрительный тон относительно его не совсем уместен» [Там же, с. 152].

Белинский, в 1840-х гг. горячо ратовавший за правду жизни и едва зародившийся реализм, был более суров, хотя и он не мог не сознавать достоинств изобретательного француза. Иначе откуда бы явилось у Дюма все-таки кое-какое «дарование» в указанной критиком градации талантов? Ср.: «Не только люди с замечательным дарованием, как Эжень Сю, или с каким-нибудь дарованием, как Александр Дюма, даже люди вовсе без дарования, как (...) Поль Феваль, продают по контрактам свое вдохновение, или свой задор, свой талант, или свою бездарность, словом, свою деятельность на столько-то лет такому-то журналу» [Белинский, 1976—1982, т. 8, с. 241]. Тем не менее в глазах Белинского, как и Достоевского, Дюма был лишь «сказочником» и беспардонным пустословом, способным не задумываясь ради вздорных измышлений пожертвовать исторической, да и всякой правдой: «...если г. Александр Дюма давно уже отрекся начисто от здравого смысла, как унижительной для гения препоны, то что ему после этого история — к черту ее!..» [Там же, с. 249]. Критик писал это в 1847 г., когда Дюма уже выпустил в свет свои самые знаменитые романы и когда его фантазии успели набрать тоже фантастические обороты. В начале 1840-х гг. дело обстояло еще не так плохо.

Исторической основой романа «Шевалье д'Арманталь» стал так называемый заговор Селламара (1718), продержавшийся в тайне всего несколько месяцев и очень быстро раскрытый. Он был направлен против племянника Людовика XIV, Филиппа Орлеанского, который после смерти короля должен был по праву рождения занять (и вскоре действительно занял) пост регента при малолетнем Людовике XV. Придворная клика во главе с маркизой де Ментенон, фавориткой старого короля, желая удержать власть в своих руках, продвигала на этот пост незаконного сына Людовика XIV, герцога дю Мен. Для достижения этой цели клика не брезговала ничем — даже предательством интересов Франции (их представлял законный регент, Филипп Орлеанский) в пользу Испании, интересы которой должен был обеспечить испанский посол, принц Селламар. На испанские деньги фрондеры и собирались осуществить свои планы. Планы провалились, но благодаря мудрости и дальновидной политике регента Филиппа, озабоченного исключительно судьбой государства, дело кончилось благополучно для всех участников событий, включая заговорщиков.

Почти все герои романа — реальные лица, принцы и пэры, герцоги и графы, разные «контессы-дюшессы», которые, как подозревает в «Бедных

людях» Макар Алексеевич, не только не заметили бы заплатки на сапогах бедного чиновника или сами сапоги, но даже и тех, кто их носит, даже и в том случае, если бы им о них рассказали: «Ну что тогда б было, когда бы все узнали, что вот у сочинителя Девушкина сапоги в заплатках! Какая-нибудь там контесса-дюшесса узнала бы, ну что бы она-то, душка, сказала? Она-то, может быть, и не заметила бы; ибо, как я полагаю, контессы не занимаются сапогами, к тому же чиновничьими сапогами (...) да ей бы рассказали про всё, свои бы приятели меня выдали. Да вот Ратазьев бы первый выдал...» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 54]. Однако главные герои Дюма, шевалье д'Арманталь, молодой человек знатной фамилии, случайно оказавшийся не только замешанным в заговор, но и на самом вершине его, и его возлюбленная, Батильда дю Роше, — вымышленные персонажи. Не выбиваясь из общего круга приятной автору благородной публики, они ведут романтическую линию, объединяющую в одно целое отдельные сюжетные звенья. Именно с этой линией соотнесены некоторые обстоятельства и подробности событий, изображенные в «Бедных людях».

Завязка любовной истории начинается с того, что молодой человек в целях конспирации переезжает из центра Парижа в «глухой и отдаленный квартал», где поселяется под видом буржуа, явившегося из провинции, чтобы получить какую-нибудь должность в министерстве [Дюма, 1962, с. 56, 69]. Единственное, что не нравится аббату Бриго (одному из посвященных в заговор), это внешность переодетого героя, взявшего на себя чужую роль: аббат «предпочел бы, чтобы шевалье был не так хорош собой, но с этим ему пришлось примириться, как с непоправимой бедой» [Там же, с. 69]. Комната, которую снял герой, была на пятом этаже дома, расположенного на очень узкой улице, так что «в случае преследования» герой мог бы «при помощи доски, перекинутой из его окна в окно противоположного дома, перебраться на другую сторону» [Там же, с. 72]. Но для этого шевалье следовало установить добрососедские отношения с жильцами напротив. Поначалу этому мешали занавески, плотно закрывавшие их окна. Когда они раскрылись, молодой человек разглядел чрезвычайно скромную, но опрятную комнату с пальями, открытым клавесином и несколькими постелями на стенах. Хозяйки не было дома, вместо нее была старая женщина, занимавшаяся уборкой, и хорошенькая левретка.

В ожидании известий, от которых зависели его действия, а также для того, чтобы познакомиться с соседкой и скоротать время, шевалье обзаводится клавесином и рисовальными принадлежностями. Его музыкальные упражнения вскоре произвели должное впечатление, и «посреди одной из его самых изумительных трелей он увидел, как на другой стороне улицы

нежные пальчики слегка приподняли занавеску, мешавшую узнать, откуда доносится эта необычная мелодия» [Там же, с. 77]. С этого момента занавески — открытые, закрытые, приоткрытые, приоткрытые, приспущенные, приподнятые (в отличие от тускло мелькнувшего мотива в рассказе Воскресенского) — выполняют важную функцию, служа героям ориентиром в обстоятельствах их новой жизни, времени и пространстве: «Д'Арманталь узнал (...) что есть люди, которые ложатся в постель в тот час, когда он обычно сиделся в карету, чтобы начать свои визиты. Это наблюдение дало ему богатую пищу для размышлений о странных нравах того обездоленного класса общества, который не знает ни Оперы, ни званых ужинов, ночью спит, а днем бодрствует. Он подумал, что надо побывать на улице Потерянного Времени (где теперь живут он и его соседка. — *В. В.*), чтобы увидеть подобные вещи, и дал себе слово позабавить друзей, когда он сможет рассказать им об этом» [Там же, с. 77]. Одно «доставило ему удовольствие: его соседка бодрствовала, как и он, что указывало на ее духовное превосходство над вульгарными обитателями улицы Потерянного Времени. Д'Арманталь все еще думал, что люди бодрствуют только потому, что не хотят спать, или потому, что хотят развлекаться. Он забывал о тех, кто бодрствует по необходимости. В полночь свет в комнате напротив погас...» [Там же, с. 77]. Очень скоро через окно и приоткрытые занавески шевалье разглядел свою прелестную соседку, чья «аристократическая красота, грация и безупречное воспитание» некоторое время были для него «непостижимой загадкой» [Там же, с. 115]. Увлеченный юной красавицей (ее, как выяснилось, звали Батильдой), герой продолжает за ней следить: «Шевалье уселся в глубине своей комнаты, взял ящик с пастелью и начал рисовать прелестную сценку, открывавшуюся его взору (читающую возле подоконника Батильду и левретку, устроившуюся у ее ног. — *В. В.*), потому что угол оконной занавески был словно невзначай приподнят» [Там же, с. 119]. Занавески и до и после этого эпизода играют назначенную им роль: «Если бы неделю назад кто-нибудь сказал шевалье, что такая простая вещь, как открытое окно, может заставить учащенно забиться его сердце, он бы, конечно, расхохотался. Однако теперь дело обстояло именно так» [Там же, с. 115–116].

Угол занавески поднимается с одной и другой стороны. Спустя недолгое время «Батильда посмотрела в окно и увидела д'Арманталя, который, приподняв край занавески, глядел на нее с такой любовью, что она, забыв обо всем, ответила ему нежным взглядом» [Там же, с. 277].

Но тогда, при начале знакомства, шевалье, продолжая наблюдение, обнаружил, что комната соседки напротив сообщается с маленькой мансардой на занятой садом террасе этажом выше. Садовником и хозяином мансарды

был немолодой человек с «добродушным толстым лицом», самого «прозаического» поведения и вида, ничем не отличающийся от прочих «вульгарных обитателей улицы Потерянного Времени» [Там же, с. 93, 77]. Этот обыватель, судя по всему, «являя столь полный и странный контраст с девушкой, тем не менее был, очевидно, либо ее отцом, либо ее возлюбленным, либо ее мужем» [Там же, с. 93]. Но любое родство юной девушки, «самого прелестного и совершенного создания», с такой неказистой особой «с его заурядным лицом, вульгарными манерами и той неизгладимой печатью пошлости, которой отмечены некоторые люди», болезненно задевало «врожденный аристократизм д'Арманталя» [Там же, с. 100—101]. Шевалье вздохнул с большим облегчением, когда узнал, что этот господин не был ни мужем, ни отцом, ни даже «дядюшкой» красавицы: «Ха-ха, „дядюшка“! Седьмая вода на киселе, а не дядюшка!» [Там же, с. 110]. Жан Бюва (так звали старика) был опекуном юной Батильды.

История Бюва и Батильды возвращает читателя к описанной В. В. Виноградовым типичной схеме сентиментально-романтического повествования. С необходимыми поправками (место, время, обстоятельства действия) она соотносится с историей Макара Алексеевича Девушкина и Вареньки Доброселовой после того, как Варенька, оставив сводню-опекуншу, перешла под покров другого дальнего родственника и нового опекуна. «Отеческая приязнь одушевляла меня, — объясняет он, — (...) ибо я занимаю у вас место отца родного, по горькому сиротству вашему (...) Уж как бы там ни было, а я вам хоть дальний родной, хоть, по пословице, и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник, и теперь ближайший родственник и покровитель; ибо там, где вы ближе всего имели право искать покровительства и защиты, нашли вы предательство и обиду» [Достоевский, 1972—1990, т. 1, с. 19—20].

Бюва не то что «седьмая вода на киселе», — он вообще не родственник Батильды. Будучи благородного происхождения, Батильда дю Роше еще в младенчестве осталась сиротой. Ее отец, адъютант герцога Филиппа Орлеанского и храбрый офицер, погиб в одном из сражений; о чем из особого уважения к его заслугам известил молодую вдову сам герцог: «Сударыня, ваш муж погиб за Францию и за меня. Ни Франция, ни я не можем вернуть вам его. Но, если вам когда-нибудь что-либо понадобится, помните, что мы у вас в долгу» [Дюма, 1962, с. 148]. Некоторое время больная чахоткой и убитая горем вдова, оставшаяся с дочерью без средств, пыталась, ссылаясь на это письмо, получить пенсию за погибшего мужа. Однако в этом не преуспела: ей каждый раз обещали помощь, но лишь после возвращения герцога во Францию, а герцог, занятый в военных кампаниях, не возвращался.

Наконец чиновники, к которым взывала вдова на протяжении нескольких месяцев, «успели забыть» не только подвиги адъютанта, «но даже имя дю Роше», и хотя письмо герцога, однажды снова предъявленное, «как обычно, произвело впечатление», просительнице снова отказали, предложив «запасть терпением» [Там же, с. 150].

Бедная женщина, поначалу владевшая вместе с мужем первым этажом большого дома, вынуждена была, сокращая расходы, перебираться с этажа на этаж, в более дешевые и менее удобные квартиры и комнаты, пока не оказалась в маленькой мансарде «напротив той, где жил Бюва» [Там же, с. 150]. К этому времени она распродала почти все, что имела. Бюва горестно следил за всеми переездами и распродажами и даже хотел помочь несчастной из своих скромных сбережений, но не знал, как это сделать, поскольку «вместе с нищетою Клариссы (так звали вдову. — В. В.) росла ее гордость» [Там же, с. 150]. Они были знакомы давно. При «ничтожности ума» Бюва был наделен «добротой сердца» [Там же, с. 139], а кроме того, он был обязан покойному мужу Клариссы. Тот, пользуясь своим влиянием, в свое время устроил Бюва, обладавшего взамен других способностей лишь незаурядной способностью к письму и каллиграфии, государственным служащим (писцом в отдел рукописей королевской библиотеки) с приличным окладом, так что Бюва заметно повысил свой социальный статус и мог забыть о частных уроках, которыми ранее зарабатывал на жизнь, обучая детей письму [Там же, с. 144–145, 140, 141]. Теперь, обеспеченный пожизненным жалованьем, он «всецело отдался изготовлению книжных ярлыков», хотя в виде исключения научил чистописанию маленькую Батильду [Там же, с. 145].

Когда настали самые черные дни, Бюва был рядом с быстро угасавшей больной. Он даже тайно заплатил хозяину за ее жалкое жилище, нанял и щедро расплатился с сиделкой, вызвав у глазающей на все это публики «всевозможные предположения, не делающие чести умирающей» [Там же, с. 155], затем похоронил ее на свой счет и взял к себе ее маленькую дочку, оставшуюся круглой сиротой [Там же, с. 155–158]. Такова была предыстория этого опекуна.

Надо сказать, уходя несколько в сторону, что картина последних дней и часов умирающей Клариссы, так же как и ее убогого жилища, написана Дюма почти в реалистическом ключе и с истинным блеском. Она приковывает к себе внимание. Различными мотивами по сходству и противоположности с ней явно соотносится описание смерти Мармеладова и Катерины Ивановны в «Преступлении и наказании». Пропустим посещение доктора и священника, отметим другие характерные детали, ведущие к шемящей

душу концовке: «Кларисса все еще была в беспамятстве, и сиделка тотчас же приступила к исполнению своих обязанностей, поднеся ей за неимением нюхательной соли уксуc (...) На следующее утро больной стало еще хуже. Кларисса уже никого не узнавала, кроме дочери, которую уложила рядом с собой в постель (...) Бюва спросил у сиделки, не нужно ли что-нибудь больной. Сиделка покачала головой и сказала: „К чему бросать деньги на ветер. И так эти негодяи-аптекари зарабатывают слишком много“» [Там же, с. 155–156].

Как бы ни хотелось Бюва остаться у постели больной, он не мог, при его усердии, пропустить службу, разве что по причине собственной смерти. Когда же он раньше, чем обычно, пришел домой, его соседка уже умерла. Ее комната была заперта. Отдавая Бюва ключ, привратница сказала, что мебель из этой комнаты, «вплоть до детской кроватки», хозяин уже увез: «Ваша соседка, господин Бюва, была небогата, наверняка она кругом должна. А зачем хозяину все эти дразги? Вот он и вывез мебель в счет платы за квартиру (уже оплаченную Бюва. — В. В.). Что ж, это справедливо, господин Бюва. А бедняжке мебель теперь не нужна» [Там же, с. 157]. Ушла и сиделка. За запертой дверью с умершей матерью оставался только ее ребенок, которого никто не догадался забрать.

Бюва «дрожащими руками (...) с трудом вставил ключ в замок и распахнул дверь. Кларисса лежала на снятом с кровати соломенном тюфяке посреди совершенно пустой комнаты. Угол простыни, наброшенной на нее, был откинут, — очевидно, это сделала маленькая Батильда, чтобы увидеть лицо своей покойной матери» [Там же, с. 157]. Бюва унес девочку к себе, заявил полицейскому комиссару о смерти госпожи дю Роше и распорядился насчет похорон. «Вернувшись домой, он повстречал привратницу, и та передала ему бумагу, обнаруженную в руке покойницы. Бюва развернул бумагу и увидел, что это письмо герцога Орлеанского. Оно было единственным наследством, которое бедная мать оставила своей дочери» [Там же, с. 157–158]. Как это письмо оказалось в руке умиравшей в беспамятстве Клариссы, так же неясно, как и «похвальный лист» рядом с покойной Катериной Ивановной в комнате Сони, где Катерина Ивановна, тоже умершая от чахотки, ранее никогда не бывала: «И каким образом этот „похвальный лист“ очутился вдруг на постели, подле Катерины Ивановны? Он лежал тут же, у подушки; Раскольников видел его» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 334]. Ясно другое. Подробность, удачно найденную Дюма для заключения патетической сцены, Достоевский запомнил на всю жизнь и спустя десятилетия воспроизвел на свой лад в одном из самых знаменитых своих романов. «Похвальный лист» рядом с Катериной Ивановной, отошедшей в мир иной, подытоживает всю

ее горемычную жизнь. Он становится чем-то вроде насмешливо-скорбной эпитафии на могиле тяжких невзгод и несбывшихся упований⁹.

У Дюма письмо герцога Орлеанского, это весьма сомнительное наследство, оставляет пусть слабую, но надежду на лучшее будущее, надежду, которая, согласно сказочному канону, осуществляется вполне и даже с фантастическим излишком. Письмо спасло от казни шеваляе д'Арманталя, вернуло дворянское достоинство и наградило богатством Батильду, успевших соединиться узами законного брака как раз накануне этой благополучной развязки. Не был обойден автором и папаша Бюва. Старик получил всё жалованье, которое ему задолжала королевская библиотека в то время, когда он продолжал служить, не имея за это ни су ввиду скудости казны и чьей-то забывчивости. Теперь он мог насладиться безбедным существованием, чтобы в положенный срок научить письму юного отпрыска счастливого семейства д'Арманталей.

Но мы забежали далеко вперед. Вернемся, чтобы отметить, не слишком вдаваясь в анализ, перекликающиеся ситуации и отдельные мотивы в романах Достоевского и Дюма. Напомним общее положение: не обремененный особыми дарованиями, но добрый и сострадательный чиновник не первой молодости, занимающийся письмом и перепиской, оказывается опекуном девушки, которая заметно превосходит его в образовании и развитии (у Дюма это никак не сказывается на их отношениях). Было так: взяв к себе маленькую Батильду, Бюва снял квартирку с двумя комнатами, кухней и чуланом и договорился с знакомой ему служанкой Нанеттой (в «Бедных людях» ее роль играет Федора), чтобы она переехала к ним ухаживать за девочкой и прислуживать ему самому. Решив дать Батильде образование, соответствующее ее благородному происхождению, он нанял ей учителей, на что положил половину своего жалованья, а другую половину стал откладывать ей на приданое. Бюва рассудил, что жалованье, получаемое им благодаря погибшему адъютанту, принадлежит его дочери, а что касается «расходов на питание, оплату квартиры, на одежду для девочки и для него самого, а также на жалованье Нанетте», то «на это он заработает уроками чистописания или перепиской бумаг. Правда, ему придется вставать в пять утра и ложиться в десять вечера», зато он продлит свой день на несколько часов [Дюма, 1962, с. 160]. Это продолжалось год за годом к общему удовольствию и без всякого ущерба для самочувствия Бюва, в отличие от Макара Алексеевича, оказавшегося в подобной ситуации: «И как же мне досадно было, голубчик мой, что милovidного личика-то вашего я не мог разглядеть хорошенько.

⁹ О «похвальном листе» героини см. также: [Тихомиров, 2016, с. 84–85].

Было время, когда и мы светло видели, маточка. Не радость старость, родная моя! Вот и теперь всё как-то рябит в глазах; чуть поработаешь вечером, попишешь что-нибудь, наутро и глаза раскраснеются, и слезы текут так, что даже совестно перед чужими бывает. Однако же в воображении моем так и засветлела ваша улыбочка, ангельчик...» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 13]. Слабым зрением, мешающим разглядеть хорошенькое личико, у Дюма наделен не переписчик, а заказчик, нуждающийся в его услугах. Это аббат де Шолье, который отдает в переписку свои стихи: «Аббат де Шолье был одним из лучших клиентов Бюва. Он не раз посещал его дом, так как очень полюбил Батильду. Бедный аббат был почти слеп, но все же не настолько, чтобы не оценить прелестное лицо Батильды, хотя он и видел его словно сквозь туман. Аббат де Шолье сказал как-то Батильде (...) что его утешает только одна мысль: именно так, в дымке, людям являются ангелы» [Дюма, 1962, с. 176]. Заметим попутно: литературной клиентуре Бюва соответствует в «Бедных людях» литературное окружение Макара Алексеевича, и среди прочих — сочинитель Ратазьев, которому Макар Алексеич тоже «кое-что переписывает» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 51].

Когда королевские финансы запутались окончательно, король перестал платить своим служащим. Бюва вынужден был тронуть свои сбережения и еще раз сменить жилье, поселившись в квартире с мансардой, где д'Арманталь, заглядывая в окно на другой стороне улицы, и увидел Батильду. Переезду была рада вышедшая из детского возраста Батильда, так как, в отличие от папаша Бюва, туповатого и простодушного, она чувствовала неловкость, проживая рядом с мужчиной, который не был ей ни отцом, ни мужем. Кроме того, ее смущали пересуды. Соседи недоумевали, почему Бюва, не раз имея случай жениться, не воспользовался этой возможностью, «так что кумушки (...) первыми завопили о его безнравственности» [Дюма, 1962, с. 164]. В связи с этим автор замечает: «Бедный Бюва! Если о чьей-нибудь душе можно было сказать, что она чиста и невинна, то в первую очередь о душе Бюва, — десять лет он прожил в комнате, смежной с комнатой Батильды, и ни разу даже во сне ему в голову не приходила дурная мысль» [Там же, с. 164]. Правда, позднее, оказавшись в королевском дворце, «на самой мягкой и покойной постели», он все-таки погрузился в не слишком добродетельное забытие, но оно не имело никакого отношения к Батильде и «было единственное игривое сновидение, посетившее стыдливого Бюва за всю его целомудренную жизнь» [Там же, с. 374, 377]. Мысль о невинности и целомудрии Бюва как примечательном качестве героя Дюма повторяет. У Достоевского она выражена в фамилии Макара Алексеевича (Девушкин), но применима к нему не без оговорок. Как раз с игривых («приятных, острых,

затейливых») мечтаний героя [Достоевский, 1972—1990, т. 1, с. 14] и начинается его «роман» с Варенькой, и все это до той поры, не очень далеко отстоящей от начала, когда Макар Алексеевич ввиду сразивших его мрачных обстоятельств «всей игривости чувств лишился» [Там же, с. 67]. Варенька эту «игривость» никак не разделяет, она вызывает у нее неприятие, а затем вполне понятное раздражение.

У Дюма опекун и возлюбленный разведены, это разные персонажи. И характерно, что нежные отношения Батильды и д'Армантала (о них не могут не знать соседи) никого не смущают, начиная с Нанетты, которая даже помогает влюбленным. Быть может, потому, что они (но никак не Бюва!) в известном смысле действительно друг другу родня. В записке, брошенной в окно Батильды д'Арманталем в начале их знакомства, герой, прося молитв, объясняет: «Говорят, вы сирота. У меня тоже нет родителей. Значит, перед Богом мы брат и сестра» [Дюма, 1962, с. 175]. В «Бедных людях» дети одного Отца, несмотря ни на какие различия, — опекун и бедная Варенька. Это выражено одним мотивом — отчествами героев (Алексеевич, Алексеевна). В таком случае ясно, что детьми одного Отца являются вообще все люди, любых сословий и состояний.

Пересуды по поводу Бюва и Батильды продолжались и после их переезда: «...нечего было и ожидать, чтобы слухи, которые начали преследовать Бюва и Батильду еще на старой квартире, заглохли в новом квартале, где они теперь поселились» [Дюма, 1962, С. 165]. А поскольку между простовато-вульгарным опекуном и изящной, аристократической подопечной была слишком яркая разница, то «соседки стали поглядывать на Батильду с презрением, а мужчины — называть Бюва „счастливым пройдохой“» [Там же, С. 165]. Но это никак не сказывалось на отношениях тех, кого порочили грязные сплетни. Бюва их просто не замечал, а Батильда если и замечала, то этого не выказывала и по-прежнему предупредительно-заботливо относилась к «папочке». Иначе в «Бедных людях». Макар Алексеевич боится сплетен и страдает от них еще до того, как они возникли: «Что же это вы пишете, родная моя? Как же я к вам приду? Голубчик мой, что люди-то скажут? Ведь вот через двор перейти нужно будет, наши заметят, расспрашивать станут, — толки пойдут, сплетни пойдут, делу дадут другой смысл» [Достоевский, 1972—1990, т. 1, с. 21] и т. д. в том же роде. Своим недалеким и неосторожным поведением герой лишь провоцирует недобрые пересуды: «Матушка моя, какую они (Ратазев и компания. — В. В.) насмешку подняли! Величали, величали нас, хохотали, хохотали, предатели! Я вошел к ним и уличил Ратазеева (...) А Ратазеев отвечал мне (...) что я конкетами разными занимаюсь; говорит, — вы скрывались от нас, вы, дескать,

Ловелас; и теперь все меня Ловеласом зовут...» [Там же, с. 79]. Позднее, когда обстоятельства Макара Алексеевича благодаря его превосходительству несколько поправились, Макар Алексеевич помирился с Ратазяевым, и тот все с той же издевкой (непонятной бедному герою) его «утешил»: «Читал мне новое сочинение. А что тогда Ловеласом-то он меня назвал, так это всё не брань или название какое неприличное: он мне объяснил. Это слово в слово с иностранного взято и значит *проворный малый*, и если покрасивее сказать, политературнее, так значит *парень — плохо не клади* — вот! а не что-нибудь там такое (...) Я-то, неуч, сдуру и обиделся. Да уж я теперь перед ним извинился...» [Там же, с. 95].

Конечно, сплетни задевают и Вареньку, осложняя ее и без того тяжелое положение. Но она, щадя своего покровителя, об этом не пишет и только в очень горькую минуту, удерживая Макара Алексеевича от запоя, в который тот с горя пустился, признается: «Макар Алексеевич! что это с вами? Ну, боитесь ли вы Бога! Федора сказала, что уже теперь не будет вам более помогать, да и я тоже вам денег давать не буду. До чего вы меня довели (...) Вы думаете, верно, что мне ничего, что вы так дурно ведете себя; вы еще не знаете, что я из-за вас терплю! Мне по нашей лестнице и пройти нельзя: все на меня смотрят, пальцем на меня указывают и такие страшные вещи говорят; да, прямо говорят, что *связалась я с пьяницей*. Каково это слышать!» и т. д. [Там же, с. 80]. Однако в сравнении с той бедой, которая постигла Вареньку под покровительством Анны Федоровны, гнусной сводни, все дурные толки, связанные с ее нынешним опекуном, до поры до времени отступают для нее на второй план. Но только до поры до времени. Ситуация стремительно ухудшается, убеждая героиню в скорбной мысли, что Макар Алексеевич при ее слабости и недугах ей совсем не опора, что надежды на него — пустая химера. В конце концов это ведет к непоправимой трагедии для них обоих. Скорая и страдальческая смерть Вареньки и Макара Алексеевича, не выраженная ни одним прямым мотивом, разумеется сама собой: это единственно возможный исход из последовательности изображенных автором событий и вовлеченных в них характеров.

Отметим еще одну параллель в романах Достоевского и Дюма. Она касается перелома в сюжетном ходе рассказа. Когда средства того и другого опекуна истощились (У Макара Алексеевича их не было на деле с самого начала), им обоим начинают помогать их подопечные. Причем о нехватках опекунов девушкам сообщают их служанки. Варенька пишет: «...рассказы Федоры объяснили мне всё. Но зачем же было так отчаиваться и вдруг упасть в такую бездну, в которую вы упали, Макар Алексеевич? (...) Теперь же, когда я узнала, что у вас вовсе не было никаких денег, что вы, случайно

узнавши о моем бедственном положении и тронувшись им, решили издержать свое жалованье, забрав его вперед, и продали даже свое платье, когда я больна была, — теперь я, открытием всего этого, поставлена в такое мучительное положение, что до сих пор не знаю, как принять всё это и что думать об этом» [Там же, с. 63–64]. Из заработанных ею крайне скромных средств она пытается возместить Макару Алексеевичу его убытки [Там же, с. 68, 75, 80 и др.].

Когда опекун Батильды, в свою очередь, понял, что вскоре останется без гроша, он настолько помрачнел, что его воспитанница, не слыша от него никаких разъяснений, «обратилась к Нанетте. Служанка (...) в конце концов все рассказала. Тогда Батильда вполне оценила бескорыстную преданность и деликатность Бюва. Она узнала, что Бюва, решив сохранить свое жалованье ей на приданое и на оплату учителей, ежедневно работал с пяти утра до восьми, а по вечерам с девяти часов до полуночи». И «несмотря на эту непрерывную работу, ему предстояло вскоре признаться Батильде в том, что им надо отказаться от всех расходов, кроме самых необходимых» [Дюма, 1962, с. 166]. Экономя, Батильда исключает услуги учителей, а ее работа (шитье, вышивание и особенно ее картины, понравившиеся одному из торговцев) находит хороший спрос и неплохо оплачивается [Там же, с. 166 и сл.]. Поэтому, несмотря на грустные стенания Бюва, что, потеряв жалованье, он не сможет своей перепиской дать Батильде подобающее ей воспитание и условия жизни [Там же, с. 169–170], их тягостное существование, грозящее нищетой, все-таки приходит в некоторую норму.

Очень скоро ситуация меняется к лучшему, неожиданно и радикально. Вышло так, что среди испанских бумаг, переданных Бюва для переписки, случайно оказался документ на французском языке, в котором содержались планы государственного переворота и имена заговорщиков. Значение этого документа Бюва при всем своем простодушии сумел осмыслить и после некоторых колебаний и страхов передал бумаги кому следует. Сам того не сознавая, Бюва попал в герои и стал «спасителем Франции» [Там же, с. 299 и сл., 367 и сл.]¹⁰. В награду, не без огорчительных и забавных проволочек, Бюва с лихвой вернул себе все, что раньше утратил. А Батильде, которая, тоже с приключениями, добралась до герцога Орлеанского и минуя чиновников вручила ему наконец свое «завещание», удалось воспользоваться

¹⁰ В действительности Бюва, который относится к числу реально существовавших исторических персонажей, не был так прост, как его изображает Дюма. Писателю оказались неизвестными факты, обнаружившиеся гораздо позже выхода в свет его романа и освещающие фигуру переписчика иным светом. См. об этом: [Вановская, 1962, с. 439].

этой встречей с феерическим успехом для себя и для своего, казалось бы, обреченного избранника. Одним словом, все были довольны и счастливы.

Обозначенные здесь переключки и параллели могут служить дополнением в комментарий к роману «Бедные люди». Но сами по себе они не заслуживают подробного анализа. Совершенно очевидно, что для Достоевского они играли подсобную роль и были, вместе и порознь, чем-то вроде легко узнаваемой читателем отсылки к целому — к чужой художественной системе, построенной на определенных эстетических принципах (а именно — принципах романтизма) и передающей взгляд на мир благодушно и беззаботно настроенного автора.

Конечно, «Бедные люди» ни в коем случае не пародия на роман Дюма, хотя иногда у Достоевского заметна легкая ирония по отношению к «источнику». Еще менее позволительно говорить о каком бы то ни было влиянии и развитии (пусть самом своеобразном) того, что было сказано предшественником, и устанавливать «династические» связи, о которых насмешливо писал Белинский в одной из полемических статей: «...у вас довольно сбивчивые понятия о влиянии одного поэта на другого: вы непременно хотите сделать из них династию, так что, по вашей теории, Мильтона родил Шекспир, Байрона и В. Скотта Милтон...» [Белинский, 1976–1982, т. 2, с. 280]. Роман Дюма для начинающего писателя — просто удобный способ, чтобы в сопоставлении и противопоставлении заявить о возможности (а на данном этапе литературного движения — и необходимости) принципиально нового понимания задач искусства и самой действительности.

К этому времени Достоевский успел переболеть увлечением романтиками и, внимательно изучив Пушкина, Гоголя, Бальзака¹¹, оценить бесспорные достоинства утверждающегося реализма. Взяв ту же, что у Дюма, банальную сентиментально-романтическую схему, он решил показать читателю не утешительную идиллию, сочиненную воображением и фантазиями, а то, что могло бы произойти и произошло бы в подобной ситуации на самом деле, — настоящую, разрывающую душу трагедию. Много лет спустя он вспоминал: «И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. (...) вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники (...) И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе

¹¹ Опыт перевода «Евгении Гранде» тоже сделал свое дело. См. об этом: [Достоевский, 2013, с. 783–788, коммент.].

с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся их история» [Достоевский, 1972—1990, т. 19, с. 71].

Писателю уже тогда было ясно, что ничье воображение, ничьи затейливые фантазии не способны превзойти фантастику самой реальности. «Никакая фантазия, — убежденно писал он позднее, — не может выдержать сравнения с действительностью» [Достоевский, 1972—1990, т. 24, с. 75]. В «Дневнике писателя» за 1876 г. он передал свой разговор с М. Е. Салтыковым-Щедриным на эту тему. «Что бы вы ни изобразили, — говорил Щедрин, — всё выйдет слабее, чем в действительности». Достоевский согласился: «Этo я знал еще с 46-го года, когда начал писать, а может быть и раньше (...) Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, — и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: *на чей взгляд и кто в силах?*» [Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 144]. В отличие от Дюма и тех, у кого «все явления жизни проходят в самой трогательной простоте и до того понятны, что и думать не о чем» [Там же, с. 144], простая история титулярного советника и оскорбленной девочки Достоевского так поразила, что, вглядываясь в нее, он нашел в ней глубину, сопоставимую с глубиной Шекспира.

Литература

- Альтман, 1975 — *Альтман М. С.* Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
- Белинский, 1976—1982 — *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976—1982.
- Белинский, 1991 — *Белинский В. Г.* Петербург и Москва // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 14—37.
- Вановская, 1962 — *Вановская Т.* Роман А. Дюма «Шевалье д'Арманталь» // Дюма А. Шевалье д'Арманталь. М.: Детгиз, 1962. С. 431—444.
- Ветловская, 2017 — *Ветловская В. Е.* Блуждающие мотивы реалистической прозы: Повторы и трансформации // Русская классика: Сб. ст. к 85-летию со дня рождения и 60-летию науч. деятельности чл.-кор. РАН Н. Н. Скатова. СПб.: Росток, 2017. С. 331—352.
- Виноградов, 1976 — *Виноградов В. В.* Школа сентиментального натурализма: Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Виноградов В. В. Избранные труды: Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 141—187.
- Воскресенский, 1843а — *Воскресенский М.* Замоскворецкие Тереза и Фальдони // Литературная газета. 1843. № 7. С. 127—134.
- Воскресенский, 1843б — *Воскресенский М.* Замоскворецкие Тереза и Фальдони // Литературная газета. 1843. № 8. С. 147—158.
- Григорович, 1961 — *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1961. 216 с.

- Диккенс, 1957 — *Диккенс Ч.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1. 754 с.
- Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Достоевский, 2013 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013. Т. 1. 816 с.
- Дюма, 1962 — *Дюма А. Шевалье д'Арманталь.* М.: Детгиз, 1962. 445 с.
- Карамзин, 1984 — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 718 с. (Литературные памятники).
- Катарский, 1966 — *Катарский И. М.* Диккенс в России: Середина XIX века. М.: Наука, 1966. 428 с.
- Панаева, 1972 — *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М.: Художественная литература, 1972. 486 с.
- Соколов, 2019 — *Соколов Д.* Александр Дюма: Скандал века с литературными неграми // Тайны XX века. 2019. № 44. URL: <https://www.bagira.guru/litterateur/aleksandr-dyuma-skandal-veka-s-literaturnymi-negrami.html>
- Тихомиров, 2016 — *Тихомиров Б. Н.* «Лазарь! гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.
- Топоров, 1995 — *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
- Якубович, 2001 — *Якубович И. Д.* Поэтика романа «Бедные люди» в свете европейской традиции эпистолярного романа: Н. Леонар — Пушкин — Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 80–96.

References

- Al'tman, M. S. (1975). *Dostoevskii. Po vekham imen.* Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 280 p.
- Belinskii, V. G. (1976–1982). *Sobranie sochinenii*, 9 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Belinskii, V. G. (1991). 'Peterburg i Moskva', in: *Fiziologiya Peterburga.* Moscow: Nauka, 14–37.
- Dickens, Ch. (1957). *Sobranie sochinenii*, 30 vols. Moscow: Goslitizdat. Vol. 1. 754 p.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*, 30 vols. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskii, F. M. (2013). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*, 35 vols. St. Petersburg: Nauka. Vol. 1. 816 p.
- Dumas, A. (1962) *Chevalier d'Harmental.* Moscow: Detizdat. 445 p.
- Grigorovich, D. V. (1961). *Literaturnye vospominaniya.* Moscow: Goslitizdat. 216 p.
- Karamzin, N. M. (1984). *Pis'ma russkogo puteshestvennika.* Leningrad: Nauka. 718 p.
- Katarskii, I. M. (1966). *Dickens v Rossii. Seredina XIX veka.* Moscow: Nauka. 428 p.
- Panaeva (Golovacheva), A. Ya. (1972). *Vospominaniya.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 486 p.
- Sokolov, D. Alexandre Dumas: 'Skandal veka s literaturnymi negrami', *Tainy XX veka*, 2019, 44. URL: <https://www.bagira.guru/litterateur/aleksandr-dyuma-skandal-veka-s-literaturnymi-negrami.html>
- Tikhomirov, B. N. (2016). "Lazar'! gрядi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii.* St. Petersburg: Serebryanyi vek. 560 p.

- Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe*. Moscow: Progress-Kul'tura. 624 p.
- Vanovskaya, T. (1962). 'Roman A. Dumas *Chevalier d'Harmental*', in: Dumas, A. *Chevalier d'Harmental*. Moscow: Detizdat, 431–444.
- Vetlovskaya, V. E. (2017). 'Bluzhdayushchie motivy realisticheskoi prozy. Povtory i transformatsii', in: *Russkaya klassika. Sbornik statei k 85-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchnoi deyatel'nosti chlena-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Nikolaya Nikolaevicha Skatova*. St. Petersburg: Rostok, 331–352.
- Vinogradov, V. V. (1976). 'Shkola sentimental'nogo naturalizma. Roman Dostoevskogo *Bednye lyudi* na fone literaturnoi evolyutsii 40-kh godov', in: Vinogradov, V. V. *Izbrannyye trudy. Poetika russkoi literatury*. Moscow: Nauka, 141–187.
- Voskresenskii, M. (1843). 'Zamoskvoretskie Tereza i Fal'doni', *Literaturnaya gazeta*, 7, 127–134; 8, 147–158.
- Yakubovich, I. D. (2001). 'Poetika romana *Bednye lyudi* v svete evropeiskoi traditsii epistol'nogo romana: N. Léonard — Pushkin — Dostoevskii', in: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 16, 80–96.

В. А. Фатеев

А БЫЛО ЛИ «ПОЧВЕННОЧЕСТВО»? Полемиические заметки

Резюме

В статье рассматриваются мировоззренческие и эстетические основания литературно-философского направления второй половины XIX в., получившего позже название «почвенничество». Существует мнение, будто три основных «почвенника» — Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов — настолько разошлись между собой по взглядам, что целесообразнее рассматривать идеи и творчество каждого из них в отдельности. Известный достоевсковед В. Н. Захаров утверждал в статье «Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема» (2012), что настоящим почвенником был лишь Ф. М. Достоевский, который впервые изложил программу нового направления в объявлении о подписке на журнал «Время» (1860). По мнению Захарова, в этой программной статье, как и в дальнейшем, Достоевский, в отличие от других, ненастоящих «почвенников», будто бы лишь «встроившихся в фарватер» направления, часто употреблял метафору «почва» как идеологему. По существу, исследователь поддержал точку зрения, что расхождения между почвенниками носили непреодолимый характер. Однако в таком случае вполне можно подвергнуть сомнению само существование почвенничества как единого направления. В данной статье доказывается, что идеологемой «почва», которую на самом деле широко использовали и другие ведущие представители этого направления, далеко не ограничиваются признаки «почвенничества». Несмотря на действительное существование между Достоевским, Григорьевым и Страховым идейных разногласий, можно найти в их взглядах гораздо больше общего. Всем им было присуще положительное отношение к духовной самобытности и народности русской литературы, опора на органические начала жизни и творчества, высокая оценка значения Пушкина, а также неприятие теоретизма, аристократических и нигилистических тенденций. В статье показано, как сближавшие всех трех писателей почвеннические идеи вырабатывались при совмест-

ной работе в журналах «Время» и «Эпоха», а затем проявлялись также в журнале «Заря» под редакцией Страхова и в журнале «Гражданин» в период редакторства Достоевского, как и в знаменитой «Пушкинской речи» великого писателя.

Ключевые слова: почва, почвенники, почвенничество, славянофильство, западничество, нигилизм, Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, журналы «Время», «Эпоха», «Заря», «Гражданин», «Пушкинская речь» Достоевского

Valery A. Fateev

DID THE NATIVE SOIL MOVEMENT REALLY EXIST? (POLEMICAL NOTES)

Abstract

This article deals with ideological and aesthetic foundations of the 19th-century literary movement which was later called *Pochvennichestvo* (Native Soil). Some scholars have suggested that the three principal figures of this movement — Fyodor Dostoevsky, Apollon Grigoryev and Nikolay Strakhov — were so different in their views that it is more reasonable to investigate the ideas of each of them separately. V. N. Zakharov, an outstanding expert on Dostoevsky, asserted in his article “*Pochvennichestvo* in Russian Literature: Metaphor as a Mythologeme” (2012) that the only one who truly lived up to the Native Soil principles was Dostoevsky, who set forth the program of the new movement in the Announcement about the subscription to the journal *Vremya* in 1860. According to Zakharov, unlike the other, “false”, members of the movement, who were just authors of *Vremya*, Dostoevsky widely used the metaphor *pochva* (soil) as a mythologeme in this article and in his subsequent works. In fact, Zakharov shared the opinion that there was a significant difference in the views of these writers. In this case, however, the very existence of the *Pochvennichestvo* as a single movement can be questioned. The present article argues that the term *pochva* was no less frequently employed by the other leading representatives of the movement and that the use of this mythologeme is not the only indication of their adherence to it. Although Dostoevsky, Grigoryev and Strakhov had serious ideological divergences, their philosophical and aesthetic views were much closer. The Native Soil writers shared a positive attitude towards spiritual independence and a national orientation of Russian literature. All of them relied on the organic essence of life and creativity. They highly appreciated the importance of Pushkin and denied excessive theorizing, aristocratic and nihilistic tendencies. The article shows how the Native Soil principles were developed by Dostoevsky, Grigoryev and Strakhov during their collaboration in the journals *Vremya* and *Epokha* and unfolded later in the journal *Zarya*, edited by Strakhov, and in the journal *Grazhdanin*, edited by Dostoevsky, as well as in Dostoevsky’s famous Pushkin Speech.

Keywords: *pochva* (Native Soil), *pochvenniki* (adepts of the Native Soil movement), *Pochvennichestvo* (Native Soil movement), Slavophilism, Westernism, nihilism, Fyodor Dostoevsky, Apollon Grigoryev, Nikolay Strakhov, journal *Vremya*, journal *Epokha*, journal *Zarya*, journal *Grazhdanin*, Dostoevsky’s Pushkin Speech

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-32-62

Герой романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», как известно, высказывает сомнение: «А был ли мальчик-то?» Этот самгинский вопрос стал устойчивым выражением, символом сомнения в факте существования какого-либо явления, недоверия к нему. Такие ситуации возникают постоянно. Случается подобное и в истории отечественной словесности. Нечто в таком роде происходит, например, с толкованием понятия «почвенничество».

Известно, что почвенничество как литературно-философское направление возникло в начале 1860-х гг. в связи с журналом братьев Достоевских «Время». Его главными представителями считаются Ф. М. Достоевский, Ап. А. Григорьев и Н. Н. Страхов. Однако сам термин «почвенничество» появился позже, а участники этого движения его не употребляли. Впрочем, Ф. М. Достоевский использовал понятие «почвенники» в «Записной тетради» 1864–1865 гг. (возможно, и ранее), а Н. Н. Страхов в воспоминаниях о Достоевском в 1883 г. посвятил выработке идейной платформы журнала «Время» отдельную главу под названием «III. Новое направление. — Почвенники». Идеальный оппонент журнала «Время», публицист «Современника» М. А. Антонович, применил слово «почвенники» уже в декабре 1861 г. Кем и когда был пущен в оборот термин «почвенничество», не выяснено, однако в первой половине XX в. он уже употреблялся — в частности, в трудах таких крупных историков философии, как священники Василий Зеньковский и Георгий Флоровский.

В целом почвенничество изучено пока явно недостаточно, и написано о нем довольно мало, хотя количество исследований, посвященных этому важному направлению русской литературы и общественной мысли, непрерывно растет. Однако нельзя не признать, что авторам книг и статей, рассматривающим проблемы почвенничества, до сих пор не удается четко обозначить контуры этого явления и дать ему ясное, убедительное определение.

Одной из причин такого положения литературовед А. Л. Осповат назвал восходящий к Ап. Григорьеву, а в какой-то степени и к Достоевскому принципиальный адогматизм почвенничества, «тотальный скепсис по отношению к любой системности, концептуальности» [Осповат, 1978, с. 149].

Но самое главное: историки русской культуры отмечают существенные различия во взглядах основных представителей почвенничества. Так, исследователь из Оренбурга Т. П. Писарчик, автор ряда работ о философских и эстетических корнях творчества А. А. Григорьева, полагает, что ввиду разногласий между братьями Достоевскими и Григорьевым «нет никаких оснований необоснованно сближать их взгляды» [Писарчик, 2012, с. 67].

Некоторые современные дostoевскоеды вообще упоминают Страхова лишь в отрицательном контексте за печально известное письмо к Толстому, которое они считают «клеветническим». Между тем без этого критика представить себе почвенничество как единое направление невозможно, хотя бы потому, что именно Страхов, который состоял в дружеских отношениях с Григорьевым, был важным связующим звеном между ним и братьями Достоевскими.

Находя целесообразным рассматривать каждого из почвенников отдельно, так как они слишком расходятся во взглядах, Т. П. Писарчик заручается поддержкой таких авторитетов, как историк философии протоиерей Василий Зеньковский и итальянский исследователь Гвидо Карпи. Зеньковский, сопоставляя взгляды Григорьева и Достоевского, утверждал, что «огненный мессианизм» Достоевского с акцентом на «даре всечеловечности» у русских придавал его варианту почвенничества «несколько иной смысл», отличный от «христианского натурализма» национально ориентированного почвенничества Ап. Григорьева [Зеньковский, 1997, с. 116–118]. Еще более категоричен итальянский ученый Гвидо Карпи, который писал: «С первого взгляда почвенничество представляет собой разнородное и эклектическое явление, союз личностей, соединенных только одним участием в издательском предприятии братьев Достоевских, но идеологически глубоко чуждых друг другу...» [Карпи, 2004, с. 161]. Опираясь на эти мнения, исследователь заявляет: «Вот почему правильно будет говорить не о „философии почвенничества“ вообще, а о философских идеях каждого из представителей почвенничества» [Писарчик, 2012, с. 67].

Итак, недостаточная определенность, размытость контуров, противоречивость философских и эстетических оснований почвенничества, а особенно расхождения во взглядах его отдельных представителей могут породить даже сомнения в том, что такое направление в истории русской литературно-философской мысли действительно существовало.

Заметный вклад в такое «самгинское», прямо скажем, отношение к почвенничеству внес известный историк литературы В. Н. Захаров своей статьей «Почвенничество в русской литературе: Метафора как идеологема» (2012). Захаров ставит своей целью борьбу с «мистификацией», какой ему представляется современная интерпретация понятия «почвенничества». Исследователь литературы начинает статью с загадочной фразы: «Почвенниками называют тех, кто почвенниками не был, а лишь встроился в фарватер журналов братьев Достоевских „Время“ и „Эпоха“ или спорил с ними, признают вклад в почвенничество тех, кто не разрабатывал и не развивал их идеологию, приписывают почвенникам слова, понятия, идеи, которые

они не произносили, о которых не писали» [Захаров, 2012, с. 14]. И тут же дает понять, что «мистификаторами», не разрабатывавшими идеологию почвенничества, но лишь пристроившимися к этому направлению, он считает не кого-нибудь, а ближайших соратников Достоевского по журналам «Время» и «Эпоха» Григорьева и Страхова. Казалось бы, сами имена трех основных деятелей почвеннического движения при всем различии их мировоззрений — нечто наиболее устоявшееся и общепринятое в толковании данного литературного направления. По этой причине напрашивается необходимость оспорить основные тезисы этой статьи авторитетного специалиста, по существу подрывающей самые основания почвенничества.

Захаров принимает как данность то, что основным признаком этого направления было метафорическое употребление слова «почва», и с самого начала заявляет: «Кроме Достоевского, нечасто употребляли это слово и те, кого называют почвенниками. Слово *почва* почти отсутствует в критическом тезаурусе Н. Н. Страхова. Его редко употреблял А. А. Григорьев» [Захаров, 2012, с. 14].

В том, что родоначальником почвенничества как направления был именно Достоевский, нет никакого сомнения, хотя бы потому, что уже в рекламном объявлении о новом журнале («Объявление о подписке на журнал „Время“ на 1861 год») он неоднократно употребляет термин «почва» в аллегорическом смысле как метафору национальной самобытности, опоры на народные начала.

Однако прежде всего странно, что критерием принадлежности к литературно-философскому направлению берется частота использования единственного, пусть и выразительного, термина — «почва». На самом деле, конечно, любое направление складывается из целого ряда разнообразных факторов. Это показывает и сам Достоевский в том же объявлении, отмечая, например, важность для почвенничества национального характера литературы: «Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [Достоевский, 1972—1990, т. 18, с. 36]. Из этого высказывания вытекает, что идеологема «почва», на которой сосредоточивает свое внимание Захаров, является синонимом не менее важного понятия «народность», которым прежде широко пользовались ранние славянофилы. Но Захаров делает особый упор именно на «почве» как особой, наиболее существенной характеристике новизны направления журнала «Время», что позволяет ему поставить под сомнение важность вклада в почвенничество ближайших соратников Достоевского по журналу.

Любому образованному читателю известно, что Григорьев и Страхов являются наряду с Достоевским основными фигурами литературного направления, получившего название «почвенничество». Без них представить это направление трудно и даже невозможно. Так что автор статьи о «почве» в метафорическом смысле, изображая главных участников почвеннического движения не то «мистификаторами», не то жертвами мистификаций, которых только «называют почвенниками» [Захаров, 2012, с. 14], ставит под сомнение саму историю почвенничества. И по прочтении этой странной статьи уже не кажется нелепым вывод: а не было ли тогда мистификацией и почвенничество в целом?

Если же Захаров прав и настоящим почвенником, как он утверждает, может считаться лишь Достоевский, то вряд ли можно вести речь об отдельном литературном течении или направлении, когда оно представлено лишь одним писателем, пусть и гениальным. Тем самым исследователь невольно подрывает почву и под Достоевским, так как пытается вырвать фигуру писателя из современного ему литературного контекста. Но авторитет Достоевского в русской и мировой литературе настолько велик, что писатель вряд ли нуждается в столь пристрастных защитниках, особенно в научной сфере.

* * *

Почему Захаров явно старается преуменьшить роль Страхова в истории почвенничества, понятно — это попытки «остракизма» за известное исповедальное письмо критика о Достоевском, и мы не будем затрагивать здесь этот вопрос, так как он требует особого, подробного разговора. Но каждый может заметить, что в своих выступлениях известный специалист по Достоевскому стремится всячески осудить Страхова, сделать его изгоем среди современников и умалить его роль в истории почвенничества. Однако единственное, к чему приводит стремление опровергать или обходить стороной приводимые Страховым сведения и аргументы, — история направления становится неполной и искаженной.

Пожалуй, верх необъективности продемонстрирован Захаровым в статье «Полемические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Страхове» в которой этот специфический раздел «достоевсковедения» пополнился, например, доказательством, не без помощи текстологии, абсурдной мысли о готовности Страхова «родину предать» [Захаров, 2017, с. 63].

Впрочем, роль Страхова в почвенническом движении вообще обычно представляется скромной, и деятельность этого философа, критика и публициста остается в тени ярких фигур его выдающихся коллег по журналу

«Время». Однако для истории почвенничества «Воспоминания об А. А. Григорьеве» (1864) и «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» (1883) Страхова поистине бесценны, и обойтись без них исследователям никак нельзя.

Если с Достоевским отношения у Григорьева не очень ладились, то Страхов более чем кто-либо сумел увидеть всю одаренность личности и глубину творчества Григорьева. Именно Страхову мы обязаны прежде всего тем, что постепенно Григорьев, несмотря на все его личные слабости и неприятие его консервативных воззрений доминировавшими в общественном мнении идейными противниками, стал восприниматься как первый, самый глубокий критик в России.

С предвзятостью Захарова по отношению к Страхову, носящей какой-то даже личный оттенок, всё понятно. Но вот что удивительно: историк литературы далек от объективности и в исследовании места и значения в почвенническом движении Ап. Григорьева, грехами, подобными страховскому, не отягощенного. О роли Григорьева в журналах Достоевского, как и вообще в истории почвенничества, В. Н. Захаров пишет такие странные вещи, с которыми трудно согласиться. Тут может идти речь разве что о какой-то субъективной ревности по отношению к сопернику любимого писателя.

«Отлучение» Григорьева от почвенничества Захаров обосновывает тремя причинами. Во-первых, Григорьев, по мнению Захарова, вообще не почвенник, а славянофил. Во-вторых, слово «почва» он употреблял редко. И в-третьих, с редакцией братьев Достоевских он был связан недолго и в выработке платформы почвенничества участия не принимал, так как имел по большинству вопросов отличное от редакции мнение.

Все эти утверждения либо неточны, либо просто неверны. Начнем со «славянофильства» Григорьева. У почвенничества, как и у всякого направления, несомненно, были свои предшественники. Среди предтеч почвенничества исследователи называют журнал «Москвитянин», и особенно его молодую редакцию во главе с Ап. Григорьевым. Захаров «отлучает» Григорьева от почвенничества на том основании, будто он был славянофилом. Однако еще в 1850-х гг. в письмах к славянофилу-меценату А. А. Кошелеву (1856), историку М. П. Погодину (1857), Е. Н. Эдельсону (1857) и П. А. Плетневу (1859) критик заявлял, что он при всей близости к славянофильству «столь же мало славянофил, сколько мало и западник» [Григорьев, 1999, с. 153], четко указывая, что его связывает со славянофильством, а в чем он с ним расходится.

К недостаткам славянофильства Григорьев относил то, что за народ славянофилы принимали исключительно крестьянство и идеализировали допетровский быт, критиковал за барство, сухой, теоретический пуританизм,

недооценку искусства, художества и, в частности, роли А. С. Пушкина в русской литературе. Этим принципам Григорьев не изменял и в 60-х гг., связанных с журналами «Время» и «Эпоха».

Нет сомнения, что идеи Григорьева стали одним из основных, если не главным, источником, из которого почвенники, в том числе и Достоевский, черпали свою идеологию. Что касается непосредственного участия Григорьева в выработке мировоззрения почвенничества, то отрицать его тоже трудно. Целый ряд исследователей выражает уверенность, что Достоевский, развивая теорию почвенничества, пользовался идеями Григорьева. Поэтому появление Григорьева в составе сотрудников «Времени» отнюдь не было случайным.

Григорьев, который вел беспорядочную жизнь, действительно начал свою деятельность в журнале «Время» с запозданием — в январе 1861 г. он сидел в долговой тюрьме. Но там он работал над статьей «Народность и литература», и уже в этой статье («Время», 1861, № 2), то есть начиная со второго номера «Времени», выдвигал почвеннические идеи. Вполне в соответствии с установками редакции «Времени» он проводит в этой статье мысль о необходимости нового направления, которое пришло бы на смену давно противоборствующим, но устаревшим направлениям — славянофильству и западничеству. Свою позицию Григорьев недвусмысленно заявляет в самом начале статьи: «К числу несомненных, купленных опытом фактов нашего времени принадлежит тот факт, что в сущности нет уже более теперь у нас двух направлений, — лет за десять тому назад резко-враждебно стоявших одно против другого, — *западного и восточного*» [Григорьев, 1876, с. 482]. Хотя Григорьев и уделяет в этой статье больше внимания критике западничества, отдавая предпочтение славянофильству, но для него это уже отжившее прошлое. Подразумевалось, что новым направлением, которое пришло им на смену, и было почвенничество.

Даже оппонент почвенников М. А. Антонович уже в 1861 г. обратил внимание на заявления Григорьева в его статьях о том, что время славянофилов кончилось: «В последнее время разнесся слух, будто бы у нас уже нет славянофилов; этот слух особенно усердно распространял г. А. Григорьев и некоторые журналы...» [Антонович, 1861, с. 176]. Правда, сам оппозиционный публицист с этим не согласен и утверждает, что «славянофилы существуют, только несколько измененные» [Там же, с. 177], и называет их «новыми славянофилами», тоже, естественно, имея в виду почвенников.

В декабре 1861 г., посылая в редакцию «Времени» через Страхова «программную» статью о Толстом, Григорьев характеризовал свои взгляды почти теми же словами, что и ранее в письме к Погодину: «Статья, как ты

сам увидишь, должна быть *решительною* в моих отношениях с „Временем“! (...) Кажется, ясно из нее, что я столь же мало славянофил, сколько мало западник, столько же далек от Аскоченского, сколько и от Добролюбова» [Григорьев, 1999, с. 268].

Теперь об употреблении Григорьевым идеологема «почва». Исследователь с непонятной категоричностью заявляет: «Он никогда не превращал метафору в идеологему». И тут же сам отмечает, что помимо понятия «почва» Григорьев употребляет синонимы этой «идеологема»: «...иногда в его статьях возникает поясняющий синонимический ряд к слову *почва*: народ, народная жизнь, народная правда, национальная культура, „действительность“; порой это слово поясняет другое понятие: „натура, то есть почва и среда“» [Захаров, 2012, с. 17]. Но что такое синонимический ряд? Это выражение того же или близкого содержания другими словами. Почему-то Захаров считает выражающим суть почвеннического направления только термин «почва», которым изобилуют ежегодные объявления Достоевского о подписке, хотя есть и немало других слов, которыми почвенники выражали тот же общий для их направления смысл.

Акцент редакции «Времени» на метафорическом значении слова «почва» объясняется просто. Наиболее активными сторонниками продвижения термина были братья Достоевские, потому что редакции был нужен заметный ориентир для укрепления позиции журнала «Время» как независимого, самостоятельного печатного органа. Журнал стремился отмежеваться от соперничающих изданий — славянофильской газеты «День» И. С. Аксакова и «Русского вестника» Каткова, и Достоевский вел с ними полемику, в то время как Страхов в первый же год существования «Времени» начал остро полемизировать с оппозиционными журналами «Современник» и «Русское слово». Понятие «почва» стало узнаваемым знаком журнала «Время», и Захаров упрекает Григорьева, что он не почвенник, а славянофил, и мало употребляет идеологему «почва».

Но вот что особенно удивительно: вопреки заявлениям Захарова, эта «идеологема» довольно часто встречается в сочинениях Григорьева, притом даже в ранний период. Показательно, например, что еще в 1859 г., задолго до журнала «Время», в серии статей «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“» («Русское слово», 1859, № 4–6, 8), Григорьев *более двух десятков раз* использовал слово «почва» в метафорическом смысле. Критик писал о «народной почве», «привязанности к почве», «возвращении к родной почве» — то есть широко применял термин, который Захарову представляется важнейшим для определения принадлежности к почвенничеству.

Ярким примером еще большего сближения позиций главных действующих лиц журнала может служить хотя бы статья Ап. Григорьева «Стихотворения Н. Некрасова» («Время», 1862, № 7). В этой статье Григорьев употребил столь ценное Захаровым слово «почва» *целых 26 раз*, то есть никак не реже, чем Достоевский в упомянутых ежегодных «Объявлениях». Вся классическая русская литература — от Пушкина, разумеется, и Лермонтова до Кольцова и даже до тяготеющего к обличительному направлению Некрасова — оказывается, согласно Григорьеву, в лучших сочинениях исполнена «любви к почве», и притом, конечно, «не в агрономическом смысле». И чем, как не «идеологемой», можно назвать такие яркие примеры почвеннических воззрений из этой статьи о Некрасове? К примеру, Григорьев пишет об идейном противнике почвенников Некрасове: «Ведь он любит ее, эту родную почву, как весьма немногие (...) так же искренно, как фанатически поклонявшийся родной почве Хомяков...» [Григорьев, 1990, с. 318], а далее сопоставляет с этой искренностью любви «первые робкие, хотя застенно-страстные признания великого Пушкина в любви к почве в „Онегине“...» [Там же, с. 319].

Однако для Захарова эта статья не в счет, она — «исключение»: оказывается, Григорьев лишь «в полной мере отработал программные установки редактора журнала М. М. Достоевского, заказавшего ему эту статью» [Захаров, 2012, с. 17].

Но эта статья далеко не единственное «исключение»: многочисленные упоминания любви русских писателей к почве (тоже в метафорическом смысле) можно найти, например, в статье Григорьева «Граф Л. Н. Толстой и его сочинения» («Время», 1862, № 9). Упоминаний «почвы» там тоже немало — *15 раз*. Однако не менее важно в этой статье то, что Григорьев намечает в ней такой подход к творчеству Толстого, который Страхов разовьет позже в общую линию развития русской литературы от «поворота к почве» «цельной натуры» Пушкина в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке» к «Войне и миру», — концепцию, которую более поздние критики называли *почвеннической*.

В конце 1861 г. Достоевский в «Объявлении о подписке на журнал „Время“ на 1862 год» развил и дополнил программу почвенничества словосочетаниями типа «новая почва», «старая почва», «крепкая почва», «народная почва» и синонимичными им понятиями типа «русская мысль» и т. п. [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 147–150].

Охота за «почвой», на которой так сосредоточился Достоевский, формировавший новое направление, и которой вслед за ним придает важнейшее значение современный исследователь, стала предметом пародий противников

почвенников. В декабре 1861 г. один из идеологов журнала «Современник», М. А. Антонович, выступил с обширной критической статьей «О почве (не в агрономическом смысле, а в смысле „Времени“)», в которой подвергал язвительной критике идейные установки журнала «Время» с акцентом на «почву». Публицист оппозиционного журнала открыто глумился над понятием «почва», утверждая, что все толки о почве не более чем «фразы».

Антоновичу ответил не сам Достоевский — ответственное для журнала полемическое выступление о «почве» было доверено Страхову, что говорит о том, что он все-таки играл не последнюю роль в редакции «Времени». Страхову досталась в журнале трудная и не слишком благодарная миссия оперативно полемизировать с влиятельными в обществе идейными противниками «Времени». Несмотря на недостаток опыта, Страхов вел эту полемику не без успеха, и, вероятно, по этой причине именно ему и было поручено отстаивать концепцию о «почве» в споре с публицистом «Современника».

Страхов парировал выпады оппонента из «Современника» в статье «Пример апатии» («Время», 1862, № 1) и показал обоснованность появления нового направления, опирающегося на определение «почва».

Захаров пренебрежительно отзывается об этой важной по содержанию полемической статье Страхова: «...ответил, как всегда, ничего не объяснив: покритиковал оппонента за упреки, обозначил метафору, так и не растолковав ее смысл» [Захаров, 2012, с. 18]. Статья на самом деле, вероятно, не относится к числу лучших полемических сочинений Страхова. Но почему же «обозначил, не растолковав смысл»? Страхов дал вполне четкое объяснение «идеологема», притом это его определение «почвы» так и останется едва ли не единственным у почвенников. Страхов, естественно, связывает метафорическую «почву» с понятием народа: «Под именем почвы разумеются те коренные и своеобразные силы народа, в которых заключаются зародыши всех его органических проявлений. Какое бы явление ни представляла история, современная или будущая жизнь народа (...) все это признается законным, имеющим действительный смысл — настолько, насколько органически связано с народной сущностью» [Страхов, 1890, с. 115].

Термин «органический» также появляется в объяснении метафорического смысла «почвы» не случайно. Понятие органической связи жизненных явлений, разработанное в сочинениях Ап. Григорьева, получило развитие в натурфилософских очерках Страхова и составило неотъемлемый элемент философского обоснования почвенничества.

После этого Страхову пришлось отвечать и на статью М. А. Антоновича «О духе „Времени“ и о г-не Косице, как наилучшем его выражении» («Со-

временник», 1862, № 4). В этой статье, направленной против него лично, Страхов признавался уже видным представителем почвеннического журнала. Полемические статьи Н. Косицы—Страхова, регулярно появляющиеся во «Времени», превратили его в основную мишень сатирических «орудий» оппозиционной печати.

Но вернемся к теме статьи В. Н. Захарова. В написанном Достоевским объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 г. почвеннические мотивы снова занимали ведущее положение, еще усилившись. В объявлении об издании журнала «Эпоха», опубликованном в 1864 г., Достоевский уже не столь часто употребляет слово «почва», разнообразя свою аргументацию и выдвигая вперед понятие «настоящие русские» и утверждая необходимость органической связи культуры и политики с жизнью и традициями народа.

* * *

Объясняя, почему Григорьев не играл важной роли в почвенническом «Времени», Захаров утверждает, что критик находился «в кругу Достоевских» менее полугода. Однако забывает сказать, что за эти месяцы он опубликовал во «Времени» немало статей (обычно по несколько в одном номере, под своим именем и под псевдонимом) и, что немаловажно, явно оказал существенное влияние на взгляды как Страхова, так и Ф. М. Достоевского.

Летом 1861 г. Григорьев действительно на полгода выпал из редакции, уехав в Оренбург. Поводом к расставанию с журналом Григорьев представил обиды на нежелание братьев Достоевских, учитывавших мнения читательской публики, признать его бездоказательные заявления о мало известных читателям Хомякове, Киреевском и отце Феодоре (Бухарева) как о крупных писателях. Однако нельзя сказать, что с отъездом влияние критика на идейную платформу журнала совершенно прекратилось.

Что касается резких одобрительных ссылок Григорьева на непопулярных в читательской публике славянофилов, что привело к определенным разногласиям с редакцией, то Страхов позже прекрасно разъяснил эту ситуацию, отнеся часть вины на самого Григорьева из-за его мнительности и непрактичности и показав всю незначительность этого конфликта: «„Время“ не хотело никому уступить в легкости чтения и в интересе и хлопотало об успехе, не только вообще признавая его обоюдно полезным и для себя и для публики, но и прямо для того, чтобы дать возможно большее распространение той идее, с которой оно выступило в литературу. И вот почему прямая ссылка на славянофилов была бы неудобна, если бы даже журнал был расположен ее сделать. Вот где и настоящая причина небольших разногласий, возникавших

у журнала с Ап. Григорьевым» [Страхов, 1990, с. 404]. То есть ради практических целей хвалить славянофилов не следовало, а нужно было налегать на идею «почвы», но непрактичный Григорьев не желал поступиться принципами. Кстати, эти пустяковые разногласия и послужили главной причиной тех слухов, будто сотрудники журнала «Время» чуть ли не враждовали друг с другом. Показательно, что после публикации Страховым воспоминаний о недавно скончавшемся Григорьеве литературные конкуренты и идейные противники почвенников постарались в своих рецензиях придать этим бегло упомянутым мемуаристом размолвкам характер непримиримого конфликта — см., например: [Книжный вестник, 1865а, 1865б].

Во время своего отсутствия в Петербурге Григорьев вел активную переписку со Страховым, с которым у него не было больших расхождений во взглядах. Захаров не принимает во внимание того, что и находясь в Оренбурге, Григорьев активно участвовал в выработке общей позиции редакции через письма к Страхову.

Как известно, Страхов знакомил с содержанием этих писем братьев Достоевских. В первом же письме от 18 июня 1861 г. Григорьев пишет о вариантах преобразования «Времени», и нет сомнения, что он рассчитывал, что с этими строками ознакомятся и оба редактора, хотя знал, что его рекомендации по организации дела в журнале вряд ли могли понравиться братьям Достоевским. Первыми пунктами программы Григорьев назвал ориентир на правдивость и разрыв с «Современником»: «„Время“ могло сделаться честным, самостоятельным и по тому самому в конце концов первенствующим органом — но для этого нужно было 1) принять лозунгом абсолютную правду; 2) не заводить срамной дружбы с „Современником“...» [Григорьев, 1999, с. 250].

Не менее важно и заявление Григорьева во втором письме из Оренбурга о своем одиночестве: «Самая горестная вещь — что я решительно — один, без всякого знамени. Славянофильство также не признавало и не признает меня своим — да я не хотел никогда этого признания» [Григорьев, 1999, с. 252–253]. В очередной раз Григорьев подчеркивает свои расхождения со славянофилами, которых почему-то упорно не желает замечать Захаров, как не заметит он самых веских критических высказываний Григорьева о славянофильстве в его экстатической декларации сочувствия и ненависти к этому направлению в очерке «Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли», напечатанном в 1863 г. в журнале «Якорь» [Григорьев, 1930, с. 355–358].

В письме к Страхову от 12 декабря 1861 г. Григорьев дал еще более радикальные рекомендации по издательской политике журнала Достоевских:

«„Времени“, чтобы быть самостоятельным, нужно или 1) окончательно изгнать меня и тебя и постараться переманить Чернышевского, или 2) быть последовательным в своей вере в поэзию и жизнь, в идею народности вообще (в противоположность абстрактному человечеству), — воспользоваться ошибками славянофильства, как всякой теории, и встать на его место» [Григорьев, 1999, с. 266]. После этих слов говорить о том, что Григорьев не пытался влиять на идеологию «Времени», не приходится. Достоевский избавлялся от симпатий к оппозиционному «Современнику» постепенно, и подобные категоричные заявления Григорьева, бесспорно, влияли на изменения его взглядов.

Ошибка Захарова и ряда других исследователей почвенничества заключается в том, что они рассматривают идеологию направления как нечто застывшее и устоявшееся. Участники движения, связанного с журналом «Время», предстают мыслителями со сложившимися, неизменными взглядами. Однако Достоевский сам признавал, что единая платформа почвенников не была отвлеченной формулой, но выработывалась в процессе сотрудничества, спорах и колебаниях. В примечании к воспоминаниям Страхова об Ап. Григорьеве Достоевский писал в 1864 г.: «Совершенная правда, что в журнале в первые годы его существования были колебания — не в направлении, а в способе действия. Были тоже ошибки в некоторых убеждениях. Но направление могло только *формулироваться* с годами. Иметь направление — и уметь его ясно и всем понятно формулировать — дело разное. Последнее приобретается опытом, временем, жизнью...» [Достоевский, 1972—1990, т. 20, с. 135].

Ранний Достоевский — во многом еще западник, либерал и почти социалист. Участник журнальной деятельности тех лет П. Д. Боборыкин писал, например, в воспоминаниях, что «тогдашний Достоевский еще считался чуть не революционером» [Боборыкин, 1929, с. 212]. Страхов и особенно Григорьев на ранней стадии журнала «Время» были настроены консервативнее и в большей степени симпатизировали славянофильству, хотя и находили у ранних славянофилов немало недостатков. Достоевский не только был в это время настроен более либерально, но и, как отмечал Страхов, славянофильства почти не знал. Однако под влиянием Григорьева и Страхова Достоевский быстро менялся. Совместная работа в журнале оказывала влияние на взгляды сотрудников, их противоречия смягчались, и в тесном, взаимно полезном общении происходило интенсивное формирование единой позиции.

От однобокой критики славянофильского «Дня» и консервативного «Русского вестника» Каткова Достоевский также постепенно стал переходить

и к полемике против западных «направленных» журналов. В 1862 г. он пишет, например, статью «Два лагеря теоретиков» («Время», 1862, № 2), в которой критикует за теоретизм уже не только славянофилов «Дня», но и западников «Современника», притом явно используя терминологию Ап. Григорьева, всегда ратовавшего против догматизма любых отвлеченных теорий.

В начальный период журнала «Время» братья Достоевские пытались еще занять умеренную, даже компромиссную позицию между славянофильством и западничеством, взяв лучшее у тех и других, и создать собственное направление, получившее со временем название «почвенничества». Страхов же был в тот период гораздо ближе к Григорьеву, который тоже стоял за создание независимого направления, в котором были бы устранены недостатки славянофильства и западничества, но склонности к компромиссам с «Современником» и другими оппозиционными журналами не проявлял.

Однако постепенно позиции Достоевского и основных сотрудников «Времени» сближались. Нет сомнения, что Григорьев и Страхов в этот период сильно повлияли на Ф. М. Достоевского. Но Григорьев по разным причинам в журнале часто отсутствовал, и основное влияние на писателя, в то время еще не окончательно изжившего либерализм молодости и мало знавшего славянофильство, оказывал Страхов, уже тогда обладавший основательной философской подготовкой и редкой начитанностью.

Свидетельством влияния Григорьева может служить, например, тот факт, что в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 г. появляется новый для Достоевского мотив — обличение литературных «теоретиков» и «доктринеров». Известно, что Григорьев давно выступал с критикой теоретиков справа (славянофилов) и слева (журнала «Современник»). Достоевский отстаивает «призывы к почве, к соединению с народным началом» [Достоевский, 1972—1990, т. 20, с. 207]. Из его слов становится понятно, что основными идейными противниками «Времени» являются уже не столько славянофилы «Дня», сколько западничество и его апологеты из оппозиционных изданий вроде «Современника» с «обличителем „темного царства“» (т. е. Н. А. Добролюбовым) и М. А. Антоновичем, утверждавшим, будто «почва — пустое слово». Более того, критика «теоретиков» и «доктринеров» говорит о явном усвоении Достоевским аргументов, почерпнутых из сочинений Ап. Григорьева. Под доктринерами Достоевский имеет в виду славянофилов, но его критика носит гораздо более мирный характер, чем прежде. Достоевский заявляет: «Мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала» [Достоевский, 1972—1990, т. 20, с. 209]. Ни Григорьев, ни Страхов не имели возражений против такой программы, в которой говорилось, что

«спасенье в почве и народе» [Там же, с. 210]. Выработка общей платформы почвенников произошла примерно к 1863 г., но именно тогда журнал был, к сожалению, закрыт.

Основательное знакомство Достоевского с трудами славянофилов произошло, вероятно, уже после запрещения «Времени». В сентябре 1863 г. Достоевский писал брату из Италии: «...скажи Страхову, что я с прилежанием славянофилов читаю и кое-что вычитал *новое*» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 46].

* * *

В конце 1863 г. бывшая редакция журнала «Время», запрещенного за неверно понятую статью Страхова «Роковой вопрос», хлопотала о получении разрешения на возобновление журнала. Примечательно, что возобновляемому журналу Достоевских, как следует из письма Страхова брату Павлу [Достоевский. Новые материалы, 1973, с. 392], предполагалось дать название «Почва». Но в январе Страхов написал, что «„Почвы“ не будет; это название показалось почему-то таинственным» [Там же, с. 393]. Данный факт еще раз показывает, что редакция придавала важнейшее значение теме «почвы» и такое название наверняка было поддержано всеми основными сотрудниками журнала. Если бы название «Почва» одобрили, сомнений в существовании почвенничества как союза близких писателей, пожалуй, уже не возникало бы.

В 1864 г. в объявлении об издании нового журнала «Эпоха», также написанном Достоевским, писатель утверждал: «...мы уже слишком долго толковали о почве, о соединении общества с чисто народными, естественными его интересами, чтобы объяснять теперь еще раз направление нашего нового журнала» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 213–214]. После кончины М. М. Достоевского Федор Михайлович возглавил издание журнала. Почвеннические ориентиры редакции не изменились. Таким образом, на основе этих объявлений можно сделать вывод, что редакция журналов «Время» и «Эпоха» постоянно ориентировалась на почвеннические идеалы и, совершенствуя свои идейные принципы, неуклонно проводила их в своем журнале.

Кстати, наиболее энергично из участников журнала отстаивал национальные начала творчества именно Григорьев, который еще до журнала «Время» в статье «После „Грозы“ Островского» («Русский мир», 1860) дал определение народности в узком смысле национальности и широком смысле — литературы для народа [Григорьев, 1990, с. 241–243]. В статье о Некрасове Григорьев вообще предложил отказаться от искаженной

славянофилами трактовки термина «народность», который они использовали исключительно для характеристики допетровской эпохи или имея в виду «растительную народность» (то есть простонародность). Григорьев настолько хотел отмежеваться от славянофильства, что предложил поставить вместо неопределенной славянофильской идеи «народности» во главу угла «идею национализма» [Григорьев, 1990, с. 306]. Он имел в виду смещение акцента в сторону национальности как опору не только на историю, но и на современные народные начала, включая средний городской, промышленный класс — русское купечество.

* * *

Захаров в своих выступлениях неоднократно заявлял о том, что Страхов многому научился у Достоевского. О каком-либо обратном воздействии со стороны Страхова, как и о влиянии на Достоевского Ап. Григорьева, речи он, разумеется, не ведет. В статье, посвященной почвенничеству, он также отмечает лишь, что Страхов у Достоевского учился неохотно: «...тяготился своей зависимостью от Достоевского, от его уроков литературного мастерства» [Захаров, 2012, с. 19], хотя говорить об этом нет никаких оснований, если не считать, что Страхов все-таки с самого начала был самостоятельным мыслителем с собственными взглядами. Как художник слова Достоевский стоял гораздо выше своих коллег по журналу, но его авторитет как писателя никто и не оспаривал. Однако в отношении эрудиции в вопросах философии и эстетики ни Страхов, ни особенно Григорьев, по крайней мере, не уступали выдающемуся писателю.

Более объективным следует признать мнение Страхова, который отмечал в воспоминаниях, что Григорьев как мыслитель и критик намного превосходил своих коллег по редакции и был лидером кружка, к которому с пиететом относились все, включая и Ф. М. Достоевского. Этого Захарову почему-то признать никак не хочется. Но Страхов не искажал истину, когда писал о Григорьеве: «...я живо припоминаю то явное превосходство, которое он имел над литераторами тогдашних кружков. Не только он был глубоко образованный человек, знавший языки, начитанный, посвященный в философии, но и очевидный блеск зрелого ума и тонкости понимания ставили его далеко выше других» [Страхов, 1892, с. 251].

Страхов, отмечая противоречия во взглядах с редакцией «Времени», которые огорчали Григорьева, утверждал: «Но он напрасно питал какие-то сомнения относительно будущего; „Время“ с каждым шагом старалось все тверже и прямее идти по тому самому пути, который указывал Григорьев» [Страхов, 1990, с. 481].

Но при всем том Григорьев действительно оказывал наибольшее влияние как на Страхова, так и на Достоевского, и хотя период его воздействия на Достоевского был коротким, он, бесспорно, сыграл решающую роль в повороте Достоевского к славянофильству.

В отличие от многих современных исследователей, Л. П. Гроссман еще в 1924 г. признавал, что Достоевский, будучи выдающимся писателем, формировал свои философские и эстетические воззрения не без влияния Григорьева и Страхова: «Достоевский — критик и теоретик искусства в последнее двадцатилетие своей жизни, является безусловным учеником Аполлона Григорьева и Страхова. Зреющее в нем эстетическое мирозерцание осознается до окончательной формулировки, благодаря воздействию этих философских умов. После сближения с ними теоретическая мысль Достоевского выступает как вполне зрелая, убежденная и воинствующая сила. До этого момента — в 40-е и 50-е годы — она еще вся в исканиях, нащупываниях и колебаниях» [Гроссман, 1924, с. 183].

Нет сомнения, что философское и особенно эстетическое воздействие Григорьева на Достоевского было сильным. Даже когда Григорьев отсутствовал в Петербурге, это влияние продолжилось через Страхова, усвоившего и развившего многие из идей Григорьева.

Близкого мнения о влиянии на Достоевского Григорьева и Страхова придерживался в довоенные годы и А. С. Долинин. В статье, сопровождавшей публикацию писем Страхова к Достоевскому в 1940 г., Долинин, отметив роль Григорьева, признал и влияние на писателя Страхова: «...в первую очередь должен быть поставлен вопрос о Страхове, хотя бы потому, что в самом начале шестидесятых годов, когда „процесс перерождения убеждений“ Достоевского только что стал намечаться, около него, как мы знаем, находился только Страхов» [Долинин, 1989, с. 270].

Достоевский, который в 1861 г. еще тяготел к компромиссу с «Современником», к середине 1860-х гг., не без влияния Григорьева и Страхова, стал придерживаться более консервативных взглядов. А в 1868 г., находясь на Западе, он продолжает обличать «наше несчастное, оторванное от почвы сословие умников» и признается: «Здесь я за границей окончательно стал для России — совершенным монархистом» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 280–281].

Таким образом, возможен еще один вариант определения почвенничества: как консервативного ответвления славянофильства, взятого в широком смысле слова. Именно такое значение имеет, например, основной вариант перевода понятия «почвенничество» на английский язык — Native Soil Conservatism (буквально: «консерватизм национальной почвы»). Однако

то, что почвенники подчеркнуто открещивались от таких охранительных изданий, как «Маяк» и «Домашняя беседа», — см., например, [Григорьев, 1861], свидетельствует, что почвенничество представляет собой именно *просвещенный* консерватизм — будучи более консервативным, чем раннее славянофильство, но все же *умеренно*-консервативным направлением. Не следует забывать и то, что одним из пунктов, по которому почвенники — демократы по происхождению — критиковали ранних славянофилов, был аристократизм славянофильского кружка. Любопытно, что в советское время, когда Белинского, Добролюбова, Писарева и Чернышевского было принято называть «революционными демократами», вышла статья о почвенниках, в которой они были названы «реакционными демократами» [Лейкина, 1929].

Григорьев не менее Достоевских настаивал на необходимости творческой самостоятельности почвеннического журнала «Время» и оказывал заметное влияние на обретение им особого, отличного от западничества и славянофильства пути. Однако набравшее ход «Время» в 1863 г. было запрещено, а из-за неожиданной кончины в 47 лет Григорьев так и не успел по-настоящему развернуться и в почвеннической «Эпохе».

* * *

Что касается Страхова, то Захаров не считает его почвенником и голословно заявляет: «Слово *почва* почти отсутствует в критическом тезаурусе Н. Н. Страхова» [Захаров, 2012, с. 17]. Хотя принадлежность к почвенничеству, разумеется, не определяется частотой употребления слов «почва», «почвенники» или «почвенничество», но все же и «в критическом тезаурусе» Страхова оно встречается не менее часто, чем в статьях самого Достоевского (если не считать программных объявлений редакции о подписке).

Достаточно сказать, что в книге «Из истории литературного нигилизма (1861—1865)» (1890), в которую вошли статьи периода сотрудничества в журналах «Время» и «Эпоха», слово «почва» употреблено *75 раз*. Правда, значительная часть из них использована в статье «Пример апатии» («Время», 1862, № 1), которая является ответом на фельетон философствующего критика «Современника» М. А. Антоновича «О почве...».

В статье «Об „опальном журнале“» («Время», 1862, № 5), ответе Страхова на очередную полемическую статью «О духе „Времени“ и о г. Косице как наилучшем его выражении» («Современник», 1862, № 4), автор лишь один раз прибегает к термину «почва», однако почвенническую критику журнала обличительного направления строит на основе понятия «народность»: «„Время“ указывало на народность, заявляло желание искать

народного духа во всех проявлениях нашей жизни, искать сближения с ним. Для „Современника“ все это были пустые фразы...» [Страхов, 1890, с. 144].

Надо признать, что именно Страхов внес существенную терминологическую путаницу в обсуждение вопроса о почвенничестве как отдельном направлении, когда посчитал необходимым в результате споров с И. С. Аксаковым и М. Н. Катковым после закрытия «Времени» прямо называть себя в собственных статьях славянофилом, а не почвенником. Для него сходство почвенничества с направлением славянофильского «Дня» И. С. Аксакова было неоспоримым. Тема народности действительно сближала эти родственные направления. Однако нельзя не учитывать того, что и Страхов, называя себя славянофилом, каждый раз не забывал делать оговорки о том, что поддерживаемое им направление — это все-таки *особая* разновидность славянофильства.

В примирительном письме к И. С. Аксакову в 1863 г. он признавался, что притязания «Времени» на оригинальность были сделаны во имя тактических целей, ради успеха в журнальной конкуренции: «„Время“ было, если хотите, просто попыткой популяризировать славянофильские идеи на петербургской почве» [Аксаков — Страхов, 2007, с. 26]. Существенное отличие программы журнала «Время» от петербургской журналистики, по преимуществу западнической, отмечали многие, в том числе М. Н. Катков и сотрудники «Современника».

Страхов менее Достоевского и Григорьева увлекался новизной почвенничества. Его больше привлекали черты, не отличающие почвенников от славянофилов, а наоборот, сближавшие эти направления. В воспоминаниях о Достоевском он писал: «Мысль о *новом направлении*, однако же, сперва занимала меня, особенно вследствие влияния Ап. Григорьева; но очень скоро, может быть, по своему нерасположению к неопределенности, я решил, что нужно прямо признавать себя славянофилом, когда признаешь существенные начала этого учения. Таким образом, некоторое время я расходился с направлением „Времени“, причем не могу сказать, чтобы горячо проповедовал или отстаивал свое расхождение. И без того дело шло своим естественным путем и пришло к необходимому выводу» [Страхов, 1990, с. 402–403].

Поставив себе странную цель развенчать ближайших союзников Достоевского по почвенничеству, Захаров пишет о них так, словно это был замкнутый кружок трех лиц, далеких от единомыслия, но творивший в изолированном пространстве. На самом деле к почвенничеству примыкали также драматург Д. В. Аверкиев, поэт А. Н. Майков и ряд молодых писателей и публицистов. Страхов отмечал, что молодежь, увлеченная почвенничеством как

направлением, вносящим оживляющие изменения в славянофильские идеи, была тесно связана именно с Григорьевым: «Они всего теснее группировались около Ап. Григорьева, привлекавшего их не только умом, но и детскою простотою и добродушием. Молодые люди долго носились с мыслью о новом направлении. Дело, конечно, состояло в том, чтобы дать некоторый бóльший простор славянофильскому взгляду, захватить в него те явления, которые он ревниво исключал, например, текущую литературу или разные западные влияния» [Страхов, 1990, с. 403].

Раз за разом остроумно и зло высмеивал почвеннический журнал М. А. Антонович (часто выступавший под псевдонимом «Посторонний сатирик»). В сатирической аллегории «Стрижам» (начало статьи взято у Салтыкова-Щедрина) выведены узнаваемые образы основных сотрудников редакции журнала «Время» и «Эпоха» [Антонович, 1864, с. 154–155]. В статье высмеиваются, например, различные сочетания со словом «органический» [Там же, с 165–166], предложенным для выражения главной идеи направления увлеченным этим понятием критиком Бельведерским (имеется в виду, конечно, Аполлон Григорьев).

Любопытно, что в статье-фельетоне чутко подмечено и различное отношение сотрудников к понятию «почва». Его авторы иронизируют, что Сысоевский (Достоевский) злоупотребляет термином «почва» и Тряпица (Косица, то есть Страхов) упрекает его в этом: «...ты же сам и опозорил почву, потому что употреблял ее уж слишком часто...», — а тот отвечает, что «стал очень умерен в употреблении почвы» [Антонович, 1864, с. 164]. Оппозиционная печать остро реагировала на новое направление и всячески старалась его высмеять, дискредитируя «реакционных» оппонентов. Серьезных положительных отзывов о почвенниках в печати появлялось несравненно меньше.

Первоначально консервативная направленность почвенничества ассоциировалась больше со Страховым и Григорьевым, но в последующие годы, когда Достоевский, не без влияния коллег по журналу «Время», укрепился в идейном консерватизме, он стал воплощением этого направления. И что характерно, Достоевский уже не противопоставлял свои взгляды славянофильству столь резко, как вначале. Недаром несколько неожиданно для кого-то в статье 1877 г. «Признания славянофила» он писал о себе: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 195]. Что это, как не декларация направления, близкого к славянофильству, но все же его самостоятельной ветви — то есть почвенничества? Да, ведущие представители этого направления в этот период по разным причинам не часто называли себя

почвенниками, но это не меняет сути. Почвенничество как единое направление к тому времени уже состоялось и не было уже ни «мистификацией», ни загадочным явлением, требующим доказательства своего существования. Больше в ходу всегда было понятие «славянофильство», и почвенники также обычно придерживались этого термина. Так, Страхов писал в одной из своих статей о Достоевском: «В той или другой степени, в том или другом виде, это — *славянофил*, это очень горячий сторонник славянофильства» [Страхов, 1896, с. 293]. И к почвенничеству вполне приложимы слова Страхова, сказанные о «славянофильстве» Достоевского: «Славянофильство есть просвещенный, идеализированный патриотизм...» [Там же, с. 294].

После признания себя Достоевским «почти славянофилом» можно сделать вывод, что почвенничество — это направление, выражавшее русскую национальную идею, но долгое время не сливавшееся со славянофильством, главным образом по тактическим соображениям. Страхов пишет о сложном сочетании элементов почвенничества и славянофильства в идеологии и практике почвеннических журналов: «Оно было, во всяком случае, русское, патриотическое направление, искавшее себе определения и, как того требовала логика, наконец примкнувшее к славянофильству. Но некоторое время оно держалось особняком, и на это была двоякая причина: во-первых, желание самостоятельности, вера в свои силы; во-вторых, желание проводить свои мысли в публику как можно успешнее, интересовать ее, избегать столкновений с ее предубеждениями» [Страхов, 1990, с. 403].

* * *

Еще одна характерная ошибка пишущих о почвенничестве заключается в том, что исследователи обычно ограничивают изучение этого направления лишь периодом совместной деятельности Достоевского, Григорьева и Страхова в журналах «Время» и «Эпоха».

На самом деле и Достоевский, и Страхов оставались почвенниками и после завершения их совместной деятельности в «Эпохе». Правда, в этот период ни Достоевский, ни Страхов не обращались так часто, как раньше, к самому легкому опознавательному знаку направления — слову «почва», обычно прибегая для обозначения своего направления к более общему понятию «славянофильство». Это, конечно, несколько путало картину, делая границу между почвенничеством и славянофильством весьма размытой.

Однако легко можно выделить не менее четырех этапов развития почвеннической идеологии в периодической журналистике. «Почвенническими» изданиями вполне можно назвать не только журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», издаваемые при участии Григорьева и Страхова

(1861–1865), но и журнал «Заря», в редакционной политике которого основную роль играл Страхов (1869–1872), а также журнал «Гражданин» под редакцией Достоевского и при участии Страхова (1873–1874). Показательно, что либеральный критик А. Н. Пыпин, критикуя течения, которые он оценивал как враждебные направлению, основанному Белинским, писал в 1873 г.: «Но вражда переходит и к новым школам, например, к той школе, выродившейся из славянофильства, выражением которой служили и служат журналы „Время“, „Эпоха“, „Заря“, „Гражданин“» [Пыпин, 1873, с. 226].

К этим периодическим изданиям следовало бы добавить и «Дневник писателя» Достоевского, в котором почвенническая идеология получила особое развитие, а также его «Пушкинскую речь», ставшую триумфальной кульминацией тех идей, которые сформировались в кружке почвенников.

Рассматривая историю почвенничества, Захаров журнал «Заря» даже не упоминает, хотя этот печатный орган, вышедший в 1869–1872 гг., стал важным этапом дальнейшей эволюции почвенничества как направления и был отмечен наибольшей, может быть, духовной близостью Достоевского и Страхова.

О почвеннической направленности «Зари» говорит хотя бы тот факт, что, приглашая в 1868 г. В. И. Ламанского к сотрудничеству с новым журналом, издателем которого стал молодой помещик-энтузиаст В. В. Кашпирёв, Страхов охарактеризовал направление журнала как славянофильство без крайностей: «Направление у него есть, — есть сочувствие к тому, что я называю светским славянофильством. Вы, Владимир Иванович, знаете, сколько исключительности и крайности бывает у чистых славянофилов, Вы сами свободнее от них, чем кто бы то ни было, — поэтому Вы поймете меня и поэтому именно Ваше содействие я считал бы самым желанным для журнала»¹. Журнал явно имеет почвеннический характер, хотя Страхов предпочел назвать его направление здесь «светским славянофильством».

Почвенническое направление «Зари» подтверждается и очередным письмом Страхова к Достоевскому: «А знаете ли, кто г. Кашпирёв, наш редактор? Познакомившись с ним ближе, я увидел, что он воспитанник *Времени* и *Эпохи*, что он воспитался на них, как другие русские люди на *Современнике*, *Русском Слове* и пр. Итак, есть плоды и нашей деятельности; они редки; но действительные плоды, а не пустоцвет» [Страхов, 1940, с. 260]. Пусть издатель «Зари» оказался впоследствии скорее мечтательным Обломовым, чем настоящим тружеником во славу почвенничества, но именно в этом журнале Страхов развернулся во всю свою силу. Многие его статьи,

¹ Страхов Н. Н. Письмо В. И. Ламанскому. 21 августа 1868 г. // РО ИРЛИ. Ед. хр. 2382. Л. 7.

попавшие в первую книгу «Борьбы с Западом в нашей литературе», были напечатаны в «Заре».

Апофеозом почвеннической направленности «Зари» стала серия статей Страхова о романе Толстого «Война и мир» — едва ли не лучшие его критические произведения. Страхов блестяще развил в этом цикле, который он сам впоследствии назвал «критической поэмой в четырех песнях», идеи, высказанные ранее Аполлоном Григорьевым в журнале «Время», в частности, в статье «Литературная деятельность графа Л. Толстого» (1862).

Достоевский, находясь за границей, принимал в «Заре» живейшее участие. Он восхищался опубликованным в журнале трудом Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», хвалил статьи Страхова, волновался за судьбу близкого ему по духу журнала. Он отдал в «Зарю» свою повесть «Вечный муж». Показательно, что Достоевский еще до выхода журнала советовал Страхову в первый же год непременно поместить в нем развернутую статью о литературной критике Ап. Григорьева — того самого «славянофила, а не почвенника», о котором В. Н. Захаров отзывается без должного почтения.

Во второй статье о романе Толстого «Война и мир» Страхов дал блестящую характеристику мирозозерцания своего друга и учителя, развернув намеченную Григорьевым идею развития отечественной словесности в убедительную и потому величественную линию развития русской литературы от поздней прозы Пушкина до эпического романа Толстого. Журнал «Заря» прекратил существование в 1872 г. вышедшим с запозданием февральским номером, в котором по иронии судьбы был напечатан рассказ Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» — автор дал его в журнал ради Н. Н. Страхова.

Журнал «Гражданин», редакторство которого в 1873 г. по договоренности с издателем, князем В. Мещерским, взял на время в свои руки Достоевский, стал, естественно, еще одним органом печати, продолжившим направление «Времени» и «Эпохи». Хотя Н. Н. Страхов к сотрудничеству в «Гражданине» отнесся без особого энтузиазма и его участие в газете-журнале казалось не столь плодотворным, как в «Заре» и прежних периодических изданиях Достоевского, он внес достаточно заметный вклад в почвенническую направленность «Гражданина», отвечая в журнале за библиографию и критику.

Начатый Достоевским в «Гражданине» «Дневник писателя» явился очередным, если не высшим этапом развития почвенничества как направления. Среди острых политических тем этого периодического издания в связи с темой почвенничества обращают на себя внимание заметки Достоевского под названием «Признания славянофила», в которых он сразу сделал уже цитированное нами заявление, неожиданное для единственного, по харак-

теристике Захарова, «почвенника»: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил» [Достоевский, 1972—1990, т. 25, с. 195].

У исследователей, ориентирующихся исключительно на «почвенность» Достоевского, данное заявление, которое вполне перекликается с многочисленными «славянофильскими» заявлениями Григорьева и Страхова, должно бы вызвать недоумение. Ведь именно под тем предлогом, будто Григорьев «был славянофилом», Захаров «отлучает» его от единого с Достоевским направления. Захаров, кстати, так уточняет свою мысль о Григорьеве: «Он — почвенник в той мере, в которой почвенничество следует славянофильству» [Захаров, 2012, с. 18]. По логике вещей этот афоризм следовало бы перевернуть наоборот: «Григорьев — славянофил в той мере, в какой почвенничество следует славянофильству», — ибо отличие почвенничества от славянофильства заключается как раз в тех «оговорках», какие «почвенники» постоянно делали в своих суждениях о близком им направлении. Они не отвергали славянофильство целиком (если не считать Достоевского в начальный период издания «Времени»), но неизменно указывали на те пункты славянофильской идеологии, которые их не устраивали. Славянофильство «с оговорками» — это и есть, собственно, характеристика почвенничества. Правда, оговорки эти, как свидетельствуют, например, сочинения Ап. Григорьева, могут быть очень существенными.

Понятие «славянофильство» имеет не только узкое значение кружка ранних славянофилов — братьев Аксаковых, Хомякова, Киреевского, Самарина и других, — но и иное, более широкое толкование — как движения, воплощающего разные лики русского национального идеала, «русской идеи». Если учитывать это, то никакого противоречия нет и в высказывании Достоевского в записной тетради 1876—1877 г., где он называет себя сторонником «убеждений чисто славянофильских», хотя и с оговорками. Взгляды писателя за прошедшие годы явно претерпели эволюцию, и он, как и Григорьев со Страховым, осознал, что между почвенничеством и славянофильством нет глубоких разногласий. Можно сказать, что почвенничество — это умеренно-консервативное направление славянофильства, понимаемого расширительно.

Достоевский и сам отмечает эту двойственность в толковании термина «славянофильство»: «Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например, для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский действительно дальше не заходил в понимании славянофильства. Для других (и, заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самих славянофилов) славянофиль-

ство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим» [Достоевский, 1972—1990, т. 25, с. 195]. Достоевский привносит в толкование славянофильства особое мессианское чаяние «нового, здорового и еще неслыханного миром слова» [Там же].

* * *

Тема почвенничества как единого направления лучше всего может быть раскрыта на примерах отношения Достоевского, Григорьева и Страхова к Пушкину, особенно в его поздний период. Западники во главе с Белинским пришли к отрицанию значения позднего творчества Пушкина. Славянофилы Пушкина недооценивали, предпочитая ему Гоголя. Гоголь казался К. Аксакову более глубоким и христианским мыслителем, чем «легкомысленный» Пушкин. Григорьев объяснял этот недостаток славянофилов излишним теоретизмом и недооценкой ими роли художественности.

Культ Пушкина явился одной из тех предпосылок, которые послужили основанием для сближения будущих почвенников. Можно сказать даже, что любовь к Пушкину вообще есть одно из главных отличительных черт почвенничества. Безмерным уважением к личности Пушкина скрепляется союз всех трех мыслителей, которые составляют основу почвенничества как литературного направления.

Пушкинскую тему особенно глубоко разрабатывал Аполлон Григорьев, рассматривая прозу Пушкина как начало всей подлинно самобытной русской национальной литературы. Григорьев вкладывал в свое толкование образа Пушкина вполне почвеннический смысл: «Пушкин не западник и не славянофил, Пушкин русский человек, каким сделало русского человека соприкосновение со сферами европейского развития» [Григорьев, 1876, с. 514].

Страхов блестяще развил эту линию, рассмотрев роман Толстого «Война и мир» как воплощение пушкинских принципов в литературе и одновременно как истинно христианское произведение, проповедующее торжество начал «простоты, добра и правды». Из статей Страхова следует, что роман Толстого «Война и мир» выдержан в почвеннической традиции, начало которой восходит к Пушкину.

Достоевский, подобно Григорьеву и Страхову, относился к Пушкину с безмерным почтением и ставил его выше других русских писателей, считая основоположником современной русской литературы. А в записной тетради Достоевского за 1876—1877 гг. можно найти неожиданный афоризм о Пушкине: «ПУШКИН — этот главный славянофил России» [Достоевский, 1972—1990, т. 24, с. 276]. Если рассматривать это изречение писателя,

который прежде подвергал критике славянофильский «День», вне контекста истории почвенничества, то мысль о связи Пушкина со славянофильством останется непонятной.

Но еще раньше Достоевский сделал другую запись примерно в том же духе: «...Пушкин (обожатель Петра) был в сущности отрицатель Петра любовью к русскому старому народному духу („Капитанская дочка“, Белкин и проч.). Это — начало и начальник славянофилов» [Там же, с. 269]. Можно найти в записях Достоевского и другие подобные вариации на пушкинские темы.

Что Достоевский имел в виду? Прежде всего это означает, что Пушкин был вполне русский человек и отражал те идеалы, которые исповедовал русский народ. Эти записи Достоевского о Пушкине перекликаются с мыслями Ап. Григорьева, вершиной которых стал затертый, к сожалению, до банальности афоризм «Пушкин — наше всё», и свидетельствуют, что в душе Достоевского уже тогда шла работа над содержанием его будущей Пушкинской речи.

Относя Пушкина к славянофилам, Достоевский имеет в виду славянофильство в широком смысле. С учетом того, что Пушкин признавал Петра и Петербург, а также выступал, подобно Григорьеву, против отвлеченного теоретизма славянофилов, терминологически точнее было бы назвать Пушкина почвенником, чем славянофилом. Именно по этой причине на прославлении творческого наследия Пушкина сошлись все основные представители почвенничества. Почвенническое направление без сомнения можно назвать «пушкинским». Пушкин — главная ценность русской литературы для почвенников, их главный ориентир в жизни и творчестве.

Кульминацией почвеннического поклонения Пушкину стала знаменитая речь Достоевского, произнесенная при торжествах по случаю открытия памятника поэту. Эта речь стала свидетельством глубинных духовных связей почвенничества. В воспоминаниях о Достоевском Страхов, говоря о триумфальном выступлении писателя на Пушкинском празднике, связывал ее успех с традицией почвенничества — той литературной «партии», которая на протяжении десятков лет исповедовала поклонение Пушкину: «Никто лучше Аполлона Григорьева не писал о Пушкине, и никакие другие кружки не были больше преданы литературе. К этим кружкам примыкал Федор Михайлович, в иных из них был руководителем и когда-то дал этому направлению особое название *почвенников*... Вот какое направление, думалось мне, одержало верх на Пушкинском празднике. (...) На Пушкинском торжестве должна была одержать верх та партия, которая во все продолжение последних тридцати лет питала и исповедовала поклонение Пушкину, и Достоевский, самый важный и деятельный представитель этой партии, должен был

получить венок первенства как то, что ему принадлежало по всем правам и заслугам» [Страхов, 1990, с. 515—516].

Вдохновлявшийся идеями почвенничества литературный критик второй половины XIX в. Ю. Н. Говоруха-Отрок, один из ближайших последователей почвенничества, также утверждал, что эта речь опирается на идеи Ап. Григорьева, то есть, по существу, тоже свидетельствовал о наличии глубинных творческих взаимосвязей между почвенниками: «...знаменитая Пушкинская речь Достоевского в той своей главной части, где объясняется смысл поэзии Пушкина, представляет собою лишь великолепное и блестящее даже не развитие, а изложение мыслей Григорьева» [Говоруха-Отрок, 2012, т. 2, с. 49].

Страхов прожил дольше Достоевского и Григорьева. Как бы ни были омрачены отношения Страхова с Достоевским в последние годы их общения, вылившиеся в напечатанное позже злополучное письмо, без его мемуарных сочинений «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» и «Воспоминания об Аполлоне Григорьеве» представить себе историю почвенничества невозможно. Из этих воспоминаний видно, что, несмотря на все разногласия, почвенничество как единое направление, отличное от других литературных течений, представляет собой очень заметную главу в истории отечественной словесности. Выдающимся памятником почвеннической публицистики является и трехтомный труд Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе».

Таким образом, вопреки тому, в чем заверяет Захаров в своей статье о «почве», позволим себе смелость утверждать, что «почвенничество» как единое направление все-таки существовало и к его бесспорным выразителям принадлежали как Достоевский, так и Григорьев со Страховым. Есть несомненные признаки того, что в идеях и сочинениях Достоевского, Страхова и Григорьева есть очень много общего. Хотя, может быть, эти мыслители в чем-то расходились и не так часто употребляли слово «почва», но сближающие их идеи, обладающие всеми признаками единого литературного течения, существенно обогатили отечественную культуру. Несмотря на все попытки подвергнуть сомнению сам факт существования этого яркого и плодотворного ответвления отечественной литературы посредством всевозможных «мистификаций», почвенничество как особое направление занимает видное место в истории русской словесности второй половины XIX в.

Литература

- Аксаков — Страхов, 2007 — И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / Сост. М. И. Щербакова. Оттава: Группа славянских исследований при Оттавском университете; М.: ИМЛИ РАН, 2007. 192 с.

- Антонович, 1861 — *Антонович М.* О почве (не в агрономическом смысле, а в смысле «Времени») // Современник. 1861. № 12. Отд. II. С. 171–188.
- Антонович, 1864 — *Посторонний сатирик [Антонович М. А., Салтыков-Щедрин М. Е.]*. Стрижам (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому) // Современник. 1864. № 7. Отд. II. С. 154–170.
- Боборыкин, 1929 — *Боборыкин П. Д.* За полвека: (Мои воспоминания). М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 386 с.
- Говоруха-Отрок, 2012 — *Говоруха-Отрок Ю. Н.* Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: В 2 т. СПб.: Росток, 2012. Т. 2. 1087 с.
- Григорьев, 1861 — *Григорьев Ап.* Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // Время. 1861. № 5. Отд. «Критическое обозрение». С. 1–35.
- Григорьев, 1876 — *Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый / Изд. Н. Страхова.* СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1876. X + II + 644 + XII с.
- Григорьев, 1930 — *Григорьев Ап.* Воспоминания / сост., примеч. и указ. имен Иванова-Разумника. М.; Л.: Academia, 1930. 699 с.
- Григорьев, 1990 — *Григорьев Ап.* Сочинения: В 2 т. / Сост. и коммент. Б. Ф. Егорова. Т. 2: Статьи и письма. М.: Художественная литература, 1990. 510 с.
- Григорьев, 1999 — *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подг. Р. Витакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 475 с. (Литературные памятники).
- Гроссман, 1924 — *Гроссман Л. П.* Путь Достоевского. Л.: Брокгауз—Ефрон, 1924. 236 с.
- Долинин, 1989 — *Долинин А. С.* Достоевский и Страхов // Долинин А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Художественная литература, 1989. С. 234–270.
- Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Достоевский. Новые материалы, 1973 — Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. 791 с. (Литературное наследство; Т. 86).
- Захаров, 2012 — *Захаров В. Н.* Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24.
- Захаров, 2017 — *Захаров В. Н.* Poleмические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Стрехове // Русская литература. 2017. № 4. С. 61–69.
- Зеньковский, 1997 — *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 368 с.
- Карпи, 2004 — *Карпи Г.* Почвенничество и федерализм: А. П. Шапов и журнал «Время» // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 158–176.
- Книжный вестник, 1865а — *Н. Алп. [Курочкин Н. С.]* А. А. Григорьев в своих письмах: [Рец.] // Книжный вестник. 1865. № 1, 15 янв. С. 10–11.
- Книжный вестник, 1865b — Ответ Н. Н. Стрехову // Книжный вестник. 1865. № 7, 15 апр. С. 137–138 (без подписи).
- Лейкина, 1929 — *Лейкина В.* Реакционная демократия 60-х годов: Почвенники // Звезда. 1929. № 6. С. 168–181.
- Осповат, 1978 — *Осповат А. Л.* К изучению почвенничества: (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 144–150.

- Писарчик, 2012 — Писарчик Т. П. Философия почвенничества Аполлона Григорьева // Вестник ОГУ. 2012. № 1 (137). С. 67–73.
- Пыпин, 1873 — Пыпин А. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Исторические очерки // Вестник Европы. 1873. № 5. С. 223–274.
- Розанов, 2014 — Розанов В. В. Годовщина смерти Н. Н. Страхова и Ю. Н. Говорухи-Отрока // Розанов В. В. Полное собрание сочинений. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 472–474.
- Страхов, 1885 — Страхов Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1885. 484 с.
- Страхов, 1890 — Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. XII, 596 с.
- Страхов, 1892 — Страхов Н. Н. Поминки по А. Григорьеве // Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. С. 247–255.
- Страхов, 1896 — Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1896. Кн. 3. 384 с.
- Страхов, 1902 — Страхов Н. Н. Критические статьи. Киев: И. П. Матченко, 1902. Т. 2. 436 с.
- Страхов, 1940 — Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 255–281.
- Страхов, 1990 — Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 375–532.

References

- Alp, N. [Kurochkin, N. S.] (1865). 'A. A. Grigor'ev v svoikh pis'makh. [Critique]', *Knizhnyi vestnik*, 1, January 15, 10–11.
- [Anonym] (1865). 'Otvet N. N. Strakhovu', *Knizhnyi vestnik*, 7, Apr. 15, 137–138.
- Antonovich, M. (1861). 'O pochve (ne v agronomicheskom smysle, a v smysle "Vremeni")', *Sovremennik*, 12, 171–188.
- Boborykin, P. D. (1965). *Za polveka (Moi vospominaniya)*. Moscow; Leningrad: Zemlya i fabrika, 1929. 386 p.
- Carpi, G. (2004). 'Pochvennichestvo i federalizm. A. P. Shchapov i zhurnal Vremya', *Voprosy literatury*, 4, 158–176.
- Dolinin, A. S. (1989). 'Dostoevskii i Strakhov', in: *Dostoevskii i drugie. Stat'i i issledovaniya o russkoi klassicheskoi literature*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 234–270.
- A. S. Dolinin, ed. (1940). 'Pis'ma N. N. Strakhova F. M. Dostoevskomu', in: *Shestidesyatye gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 255–281.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*, 30 vols. Leningrad: Nauka.
- F. M. Dostoevskii. *New Materials and Research Works* (1973). (Literaturnoe Nasledstvo, Vol. 86). Moscow: Nauka. 791 p.
- Govorukha-Otrok, Yu. N. (2012). *Vo chto verovali russkiye pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika*. St. Petersburg: Rostok. Vol. 2. 1087 p.

- Grigoryev, Apollon (1876). *Sochineniya*. N. Strakhov, ed. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya polza". Vol. 1. X + II + 644 + XII p.
- Grigoryev, Apollon (1930). *Vospominaniya*. Ivanov-Razumnik, ed. Moscow; Leningrad: Academia. 699 p.
- Grigoryev, Apollon (1990). *Sochineniya*, 2 vols. B. F. Yegorov, ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. Stat'i i pis'ma. 510 p.
- Grigoryev, Apollon (1999). *Pis'ma*. R. Whittaker, B. F. Yegorov, eds. (Literaturnye pamyatniki). Moscow: Nauka. 475 p.
- Grossman, L. (1924). *Put' Dostoevskogo*. Leningrad: Brokgauz—Efron. 236 p.
- Leikina, V. (1929). 'Reaktionnaya demokratiya 60-kh godov. Pochvenniki', *Zvezda*, 6, 168–181.
- Ospovat, A. L. (1978). 'K izucheniyu pochvennichestva (Dostoevskii i Ap. Grigoryev)', in: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Leningrad: Nauka. Vol. 3, 144–150.
- Pisarchik, T. P. (2012). 'Filosofiya pochvennichestva Apollona Grigoryeva', *Vestnik Orenburskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (137), 67–73.
- Postoronniy satirik [Antonovich, M. A., Saltykov-Shchedrin, M. E.] (1861) 'Strizham (Poslaniye ober-strizhu, gospodinu Dostoevskomy)', *Sovremennik*, 7, 154–170.
- Pypin, A. (1873) 'Kharakteristiki literaturnykh mnenii ot dvadtsatykh do pyatidesyatykh godov. Istoricheskie ocherki', *Vestnik Evropy*, 5, 223–274.
- Rozanov, V. V. (2014). 'Godovshchina smerti N. N. Strakhova i Yu. N. Govorukhi-Otroka', in: Rozanov, V. V. *Polnoye sobraniye sochineniy*. St. Petersburg: Rostok. Vol. 1, 472–474.
- M. I. Shcherbakova, ed. (2007). *I. S. Aksakov — N. N. Strakhov. Perepiska*. Ottawa: Slavic Research Group of the University of Ottawa; Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk. 192 p.
- Strakhov, N. N. (1885). *Kriticheskie stat'i ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom (1862—1885)*. St. Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevykh. 484 p.
- Strakhov, N. (1890). *Iz istorii literaturnogo nigilizma*. St. Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevykh. XII, 596 p.
- Strakhov, N. (1896). *Bor'ba s Zapadom v nashei literature*. St. Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevykh. Vol. 3, 384 p.
- Strakhov, N. N. (1902). *Kriticheskiye stat'i*, Vol. 2. Kiev: I. P. Matchenko. 436 p.
- Strakhov, N. N. (1990). 'Vospominaniya o Fyodore Mikhailoviche Dostoevskom', in: *F. M. Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, 375–532.
- Zakharov, V. N. (2012). 'Pochvennichestvo v russkoi literature: metafora kak ideologema', in: *Problemy istoricheskoi poetiki*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 10, 14–24.
- Zakharov, V. N. (2017). 'Polemicheskiye zametki F. M. Dostoevskogo o N. N. Strakhove', *Russkaya literatura*, 4, 61–69.
- Zen'kovsky, V. V. (1997). *Russkie mysliteli i Evropa*. Moscow: Respublika. 368 p.

Д. В. Руднев

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ А. С. ШИШКОВА В МОРСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Резюме

Несмотря на обширную литературу, посвященную лингвистическим взглядам А. С. Шишкова, вопрос о том, каковы их источники, не имеет окончательного решения. В предлагаемой статье языковые взгляды Шишкова рассмотрены в связи с культурной атмосферой, царившей в Морском кадетском корпусе. Воспитание будущих моряков происходило под сильным влиянием английского морского дела, что, видимо, накладывало отпечаток и на культурный уклад корпуса. В последней четверти XVIII в. там господствовал не дух галломании, присущий русскому высшему обществу, а традиционалистские взгляды. Примером таких традиционалистских взглядов могут служить языковые взгляды корпусного инспектора В. В. Никитина и его помощника П. И. Суворова, которые преподавали в Морском кадетском корпусе математику и ряд других дисциплин. Свои лингвистические взгляды они воплотили в двух учебниках по математике — *Эвклидовы стихи* и *Тригонометрий две книги*, переведя в них всю математическую терминологию на русский язык, а также изложили их во введении к *Эвклидовым стихиям*. На основе архивных материалов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, прослеживается сложная история издания этих учебников и их последующая судьба. С первой половины 1780-х до середины 1790-х гг., т. е. на протяжении более чем десяти лет, Никитин и Суворов преподавали свои лингвистические взгляды через учебники математики и в процессе преподавания. С этими взглядами был, несомненно, знаком Шишков, который в 1770–1780-х гг. служил и преподавал в Морском кадетском корпусе. Некоторые черты языковой позиции Шишкова позволяют предположить, что он мог испытать воздействие языковых взглядов своих сослуживцев по Морскому кадетскому корпусу.

Ключевые слова: А. С. Шишков, лингвистические взгляды, Морской кадетский корпус, В. В. Никитин, П. И. Суворов, учебники, преподавание

Dmitrii V. Rudnev

PREDECESSORS OF A. S. SHISHKOV AT THE NAVAL CADET CORPS

Abstract

Despite the extensive literature on A. S. Shishkov's linguistic views, the question of their sources has not yet been resolved. This article considers Shishkov's views on language in the context of the cultural atmosphere in the Naval Cadet Corps in St. Petersburg. The upbringing of future marine officers was strongly influenced by the English naval science, which, apparently, left its mark on the cultural life of the Corps. In the last quarter of the 18th century, the Corps was dominated not by the Gallomania inherent in Russian high society, but by traditionalist views. An example of such traditionalism is the attitude of the Corps inspector V. V. Nikitin and his assistant P. I. Suvorov, who taught mathematics and a number of other disciplines, toward language. They put their linguistic views into practice in their two textbooks on mathematics — *Euclidean elements* and *Two books of trigonometry* where they translated all mathematical terminology into Russian. Moreover, they expounded their views in the introduction to the *Euclidean elements*. Based on the materials of the Russian State Naval Archive, the article traces the complex publishing history of these textbooks and their further fate. For over ten years, from the first half of the 1780s to the mid-1790s, Nikitin and Suvorov were spreading their linguistic views through their math textbooks and while teaching cadets. Shishkov, who served and taught at the Naval Cadet Corps in the 1770–1780s, was undoubtedly familiar with these views. Some features of his point of view on language suggest that it could be influenced by the linguistic views of his colleagues from the Naval Cadet Corps.

Keywords: A. S. Shishkov, linguistic views, Naval Cadet Corps, V. V. Nikitin, P. I. Suvorov, textbooks, teaching

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-63-77

Общественно-политическая деятельность и лингвистические взгляды адмирала А. С. Шишкова хорошо освещены в научной литературе (библиографический обзор литературы о А. С. Шишкове см.: [Стрижев, Коровин, 2011]; кроме того, см. библиографию в изд.: [Альтшуллер, 2007]), однако вопрос об истоках его языковых взглядов остается недостаточно освещенным в отечественной науке: «...вопрос о том, каким образом появилось на свет „Рассуждение о старом и новом слоге российского языка“, как и почему именно в сознании его автора сформировался или сконцентрировался комплекс основополагающих идей русского архаизма, даже не поставлен исследователями» [Киселева, 1994, с. 52]. Работы последних двух-трех

десятилетий, посвященные этому вопросу¹, позволили пересмотреть целый ряд негативных оценок, закрепившихся за этой сферой его деятельности. И все-таки, несмотря на работы последних лет, в вопросе об источниках лингвистических взглядов А. С. Шишкова остается много неясного. Среди них чаще всего называют «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова и участие в работе Академии Российской.

Как мы попытаемся показать ниже, некоторые данные позволяют предположить, что на лингвистическую позицию Шишкова могла оказать влияние научно-педагогическая деятельность его коллег по Морскому кадетскому корпусу и в целом атмосфера, царившая в стенах корпуса. В рамках данной статьи рассматриваются лингвистические взгляды преподавателей Морского кадетского корпуса Василия Васильевича Никитина (1737–1809) и Прохора Игнатьевича Суворова (1750–1815) и их возможное влияние на формирование взглядов А. С. Шишкова.

Василий Никитин и Прохор Суворов поступили в Морской кадетский корпус в качестве преподавателей после возвращения из Англии, где они обучались в Оксфордском университете (1765–1775). Подробные сведения об их английском периоде жизни содержатся в книге Энтони Кросса «У темзских берегов» [Кросс, 1996, с. 116–132]. Судьба свела их в составе группы студентов духовных семинарий, посланных по приказу императрицы Екатерины II для обучения в Англию, с тем чтобы в дальнейшем использовать их для реформирования русской церкви по протестантскому образцу. Василий Никитин возглавил группу из шести человек — он был старше остальных (в 1748 г. поступил в Славяно-греко-российскую академию, а после ее окончания стал преподавать в ней греческий и еврейский языки). Прохор Суворов попал в группу отправленных на учебу в Англию по рекомендации ректора Тверской семинарии. В Англию студенты отправились в ноябре 1765 г. и в апреле 1766 г. прибыли в Лондон. Осенью того же года они поступили в оксфордские колледжи: Никитин — в Сент-Мери-Холл, Суворов — в Квинз. Клету 1771 г. в Оксфорде осталась лишь половина россиян, среди которых были Никитин и Суворов. Учеба окончилась вручением им магистерских дипломов в июне 1775 г. Находясь в Оксфорде, Никитин и Суворов стали членами масонской ложи «Ложа Альфреда».

Летом 1775 г. Василий Никитин и Прохор Суворов вернулись в Россию и через несколько недель были определены к преподаванию в Морском

¹ Из работ, посвященных лингвистическим взглядам А. С. Шишкова, отметим следующие: [Лотман, Успенский, 1975], [Garde, 1986], [Панфилов, 1988], [Кондрашев, 1991], [Леурда, 1993], [Чердаков, 1996], [Проскурин, 1997], [Чердаков, 1998], [Горшков, 2004], [Камчатнов, 2004], [Захарова, 2004], [Никитин, 2005], [Захарова, 2005], [Камчатнов, 2010], [Файнштейн, 2011] и др.

кадетском корпусе. На Никитина было возложено чтение курса вольфовой математики и экспериментальной физики, на Суворова — чтение курса математики. Помимо этого, Никитин вел занятия по латинскому и русскому языкам, а Суворов — по античной мифологии и географии, английским языку и литературе. В 1784 г. Суворову был поручен курс «нравственной философии и прав». Оба они успешно продвигались по карьерной лестнице: в ноябре 1783 г. были произведены в премьер-майоры; тогда же Никитин был назначен инспектором по учебной части, а Суворов — помощником инспектора.

Свои лингвистические взгляды Никитин и Суворов выразили в двух совместно изданных учебниках по математике — *Эвклидовых стихиях* и учебнике тригонометрии: в обоих учебных пособиях авторы последовательно перевели всю математическую терминологию на русский язык. В предисловии к учебнику тригонометрии, кроме того, ими были сформулированы их теоретические взгляды. *Эвклидовы стихии* выдержали два издания — в 1784 и в 1789 гг. [СК XVIII, 1962–1967, № 8543]², учебник тригонометрии был издан в 1787 г. [Там же, № 6933] и в том же году — на английском языке в Лондоне с посвящением Оксфордскому университету.

Сохранились архивные материалы, связанные с печатанием в типографии Морского кадетского корпуса обоих учебников. 9 июля 1787 г. руководитель корпусной типографии Иван Тимофеевич Смирнов обратился в канцелярию корпуса с рапортом, в котором говорилось о необходимости переиздать в типографии некоторые учебные пособия, среди которых были и *Эвклидовы стихии* [д. 383, л. 165]³. С подобными рапортами руководитель типографии обращался в канцелярию всякий раз, когда из тиража напечатанных и хранившихся при типографии учебников оставалось небольшое число экземпляров. Канцелярия плохо представляла себе ситуацию с наличием учебников в корпусе, поскольку в 1771 г. Морской кадетский корпус переехал в Кронштадт, а типография осталась в Петербурге, заняв бывшее здание корпуса.

Получив рапорт Смирнова, канцелярия предписала инспектору по учебной части Василию Никитину составить свое заключение «в разсуждении печатания оных книг относительно к перемене или количеству экземпляров каждой книги» [д. 383, л. 165 об.]. Одновременно выяснилось, что первое издание *Эвклидовых стихий* было напечатано небольшим тиражом — это

² Издание 1789 г. в [СК XVIII, 1962–1967] отсутствует.

³ Здесь и далее использованы материалы РГАВМФ (Ф. 432. Оп. 1). Названия архивных единиц см. в разделе «Источники».

вызвало крайнее удивление в канцелярии (обычный тираж для учебных пособий в то время составлял 600 или 1200 экз.), и она потребовала от руководителя типографии прислать копии «с тех повелений», однако оказалось, что никакого письменного распоряжения не было⁴.

31 июля Никитин в своем рапорте в канцелярию писал о необходимости напечатать по полному выходу (1200 экз.) всех учебников, находившихся в присланном списке, кроме... *Эвклидовых стихий* — учебника, переведенного с греческого языка самим Никитиным и его помощником Суворовым. «...Эвклидовых стихии, — писал в рапорте Никитин, — потребно бы напечатать 1200 экземпляров; но как издатели сих стихии не получили ожидаемого ими награждения за первое издание и получить не имеют надежды, они и уклоняются от второго издания оных стихии; что до остановки в математических классах, к сожалению, должно сказать, будет великая, но издатели Эвклидовых стихии себя причиною тому не находят, ибо они в таком состоянии, что сей и токмо единою собственности и наследством для своих фамилии не могут жертвовать благородному обществу, воспитываемому на едином собственном ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА иждивении, и уступить оному выгоду от издания сей книги, которая им единственно и праведно принадлежит яко много трудившимся в переводе с греческого, поправлении и теперь изготовленном прибавлении» [д. 383, л. 168—168 об.]. Иными словами, Василий Никитин, пользуясь своим положением инспектора по учебной части и нуждой корпуса в учебнике, решил получить деньги, положенные ему и его помощнику Прохору Суворову в качестве переводчиков.

В том, что Суворов и Никитин не получили денег, никакого злого умысла, конечно, не было: книга печаталась по устному распоряжению канцелярии и об авторах попросту забыли. Опасения инспектора по учебной части усиливались в связи с тем, что в то время, когда он давал свое заключение канцелярии, в корпусной типографии печаталась другая книга Никитина

⁴ Руководитель типографии писал в ответ: «Печатание Эвклидовых стихий, також и отпуск оных был по словесным повелениям Канцелярии Морского шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, что и в поданном рапорте октября 23го дня 1785го изъяснено. Когда же бы те повеления были письменныя, то в означенном рапорте было бы объяснено, что по ордеру Канцелярии исправляемо было» [д. 383, л. 167—167 об.]. Рапорт о напечатании упоминается в цитируемом запросе — он датирован 23 октября 1787 г., — но, по-видимому, не сохранился. Точный тираж *Эвклидовых стихий* неизвестен. Учебник, судя по всему, печатался в несколько приемов. Из приходно-расходной книги типографии за 1782 г. известно, что тогда было переплетено 150 экземпляров учебника для учебных классов [д. 290, л. 33]. Между тем на титульном листе первого издания стоит 1784 г., что может свидетельствовать о том, что в этом году учебник мог быть дополнительно допечатан на основании устного распоряжения канцелярии. Именно о напечатании этого тиража сообщал И. Т. Смирнов в своем рапорте в канцелярию в октябре 1783 г.

и Суворова — учебник по тригонометрии (*Тригонометрий две книги, содержащая плоскую и сферическую тригонометрию*). Как и *Эвклидовы стихии*, учебник по тригонометрии печатался на основании не письменного приказа канцелярии, а устного распоряжения директора Морского кадетского корпуса.

В январе 1786 г. руководителю типографии даже пришлось объясняться по этому поводу с канцелярией. По словам И. Т. Смирнова, «тригонометрии» были присланы к нему «от инспекторского помощника господина майора и кавалера Суворова при письме», в котором тот сообщал, что «онья сочинены на основании Евклидовых стихии и необходимо нужны для преподавания в класах благородному юношеству». Руководитель типографии сообщил об этом директору корпуса, который приказал, «доколе о напечатании означенной тригонометрии порядочным образом от кого надлежит представлено будет, оную набирать» [д. 348, л. 11]. К моменту подачи рапорта в канцелярию (30 января 1786 г.) было набрано уже четыре листа учебника. Лишь в марте 1786 г. канцелярия дала Смирнову ордер о печатании учебника тригонометрии, который был напечатан в октябре 1787 г. тиражом 1200 экз. [д. 414, л. 141]⁵.

Получив отказ Никитина на переиздание *Эвклидовых стихий*, канцелярия обратилась с рапортом к директору корпуса, запрашивая его распоряжений. Судя по всему, директор Морского кадетского корпуса И. Л. Голенищев-Кутузов вступил в переговоры с главным инспектором. В своем рапорте в канцелярию корпуса от 3 сентября 1787 г. Никитин дал согласие на переиздание *Эвклидовых стихий*, а 11 октября директор корпуса распорядился о выдаче 1000 рублей В. Никитину и П. Суворову «за таковыя их в пользу морского кадетского корпуса, сверх тягостной их должности, в сочинении книг труды» [д. 383, л. 172].

Второе издание *Эвклидовых стихий* не было точной копией первого. Как писал главный инспектор в сентябре 1790 г., в них были добавлены две книги, «многия перемены на лучшее зделаны и все погрешности типографския исправлены издателями». Никитин просил (практически требовал!) в своем рапорте в канцелярию заплатить ему и его соавтору Суворову за этот труд, говоря, что выданные ранее 1000 руб. не означают, что авторы этим

⁵ Ордером канцелярии от 30 октября 1787 г. И. Т. Смирнову было предписано, «ежели оных для корпуса будет достаточно, то излишние желающим людям по рассмотрению вашему и по представляемой цене по пятидесят копеек каждую продавать». Ордер о напечатании учебника датирован 4 марта 1786 г. Согласно рапорту Ивана Смирнова от 13 октября 1787 г. в канцелярию корпуса, тираж 1200 экземпляров обошелся в 269 руб. 30 коп., «не полагая за труд сочинителю» [д. 383, л. 191].

удовлетворены и разрешают печатать учебник в будущем. «Может быть, канцелярия думает, — писал главный инспектор, — что тысяча рублей, единожды выданная издателям за первое издание Евклида и двух тригонометрий, довольна на всегда для награждения, и за всякия издания, и даже для присвоения книг корпусу, оная очень мало ценит труды издателей, доброту издания и отнимает охоту к дальнейшим сочинением. Ежели бы издатели знали толь малое ободрение в корпусе для писателей и толикое затруднение в получении награждения, они бы никогда не согласились отдать канцелярии свои книги для печатания и, напечатав на свой кошт и продавая за умеренную цену, наградили бы себя гораздо больше за первое издание Евклида и двух тригонометрий, нежели сколько получили от канцелярии...» [д. 469, л. 181–181 об.].

Сложившаяся ситуация оказалась неожиданной для канцелярии: до этого момента никто из авторов издававшихся в корпусе учебников не требовал таких денег за свой труд; см. об этом: [Руднев, 2007]. Обычная оплата труда автора составляла от 100 до 250 экз. издания деньгами по продажной цене, то есть авторы *Евклидовых стихий* могли рассчитывать самое большее на 325 руб. (250 экз. по 1 руб. 30 коп.). Догадываясь об этом, Никитин в своем рапорте писал, что канцелярия «благоволила приказать продавать сии книги класныя дешевле романов и всяких других книг» и потому «находит себя не в состоянии трудившихся удовольствовать благородным образом за второе издание» [д. 469, л. 181 об.]. В конце своего рапорта инспектор Василий Никитин предлагал купить обе книги (*Евклидовы стихии* и *Тригонометрий две книги*) в полную собственность. На вопрос канцелярии, какая сумма удовлетворит Никитина и его помощника Суворова, те отвечали, что их «издатели почтут себя довольно награжденными и соглашаются уступить помянутыя книги всегда в собственность корпусу, естли канцелярия благоволит приказать выдать им две тысячи пять сот рублей сверх тысячи рублей, прежде ими полученной» [д. 469, л. 182 об.].

Канцелярия вновь обратилась с рапортом к директору корпуса, чтобы тот принял решение. Находя требования Никитина и Суворова чрезмерными, в январе 1791 г. директор распорядился выдать им две тысячи рублей — одну тысячу рублей сразу, а другую — в течение года. И. Л. Голенищев-Кутузов также требовал, чтобы при будущем издании учебников «внесены были в сии книги обыкновенно доселе в математике употребляемая термины или названия, оставляя изъяснения или названия их поруски в приобщенном при Евклиде словаре» [д. 469, л. 183]. Слова директора корпуса свидетельствуют о том, что он не сочувствовал лингвистическим экспериментам Никитина и Суворова.

Однако последующих изданий учебников Никитина и Суворова не было. Они использовались до середины 1790-х гг., когда вместо них в учебную программу были введены учебники по математике на основе курса Этьена Безу⁶. В 1794 г. были изданы *Основы геометрии* Безу в переводе И. Гребенщикова [д. 654, л. 76]; [СК XVIII, 1962–1967, № 451]⁷. Следующим из курса Безу в мае 1795 г. был издан учебник тригонометрии в переводе гимназистов Соболева и Лебедева [д. 654, л. 113–113 об.]⁸. Перевод был окончен в октябре 1794 г., редактировал перевод П. Я. Гамалея.

Такова история издания и последующая судьба учебников геометрии и тригонометрии, созданных Никитиным и Суворовым. Учебнику тригонометрии авторами предпослано обширное предисловие, где наряду с описанием источников сочинения говорится об особенностях языка, которым написана тригонометрия. Главным образом объяснения касаются математической терминологии — всю ее авторы последовательно переводят на русский язык, причем переводятся и ранее переведенные слова, например *вершина* (верх), *прямоугольник* (прямоугольник), *примерность* (содержание), *равноножный* (равнобедренный), *стопа* (основание), *сторона* (бок). Объясняя необходимость перевода математических терминов на русский язык, Никитин и Суворов ссылаются на греков, «латинников» и «аравлян», которые «в своих философиях и математиках иностранных слов убежали», и призывают брать пример с немцев, которые «сему ж последуют ныне». Что касается французов и других европейских народов, «заимствовавших знатную часть своих языков от латинского», то им «естественно следует заимствовать и сии учебные слова от того же».

Авторы учебника не сомневались в том, что русский язык достаточно развит для его использования в области математической терминологии: «...Российский язык не токмо на сие и на вящия потребности сам о себе доволен,

⁶ После этого учебники Никитина и Суворова продавались только при корпусной типографии. На 1 января 1802 г. нераспроданными оставалось 34 экземпляра *Эвклидовых стихий* и 739 экземпляров *Тригонометрии плоской и сферической* [д. 997, л. 28 об.–30].

⁷ Тираж издания составил 1200 экземпляров. При типографии учебник продавался по 98 коп. [д. 729, л. 190 об.]. По решению канцелярии от 19 января 1795 г. за свой труд переводчик получил 450 рублей, отдав свой перевод «в пользу типографии». В [СК XVIII, 1962–1967] ошибочно указано, что учебник был переведен профессором Ф. Гребенщиковым. В документах за 1795 г. говорится, что учебник геометрии перевел «находящийся в морско(м) корпусе профессор» Иван Гребенщиков [д. 654, л. 76]. В корпусе служило несколько Гребенщических (возможно, они были родственниками). В документах фигурирует еще и Петр Гребенщиков, преподававший с 1778 г. итальянский язык [д. 901, л. 18].

⁸ Тираж 1200 экземпляров обошелся в 263 руб. 50 коп., а один экземпляр — в 22 коп. При типографии книга продавалась по 36 коп. В [СК XVIII, 1962–1967] нет.

но еще и во всем есть преизобильный и пребогатый, в превосходство пред всеми нынешними Европейскими языками, и даже пред самим Латинским». Э. Кросс в связи с этим пассажем замечает, что «подобное настроение знакомо всем, кто читывал Ломоносова и Сумарокова» [Кросс, 1996, с. 133].

Далее Василий Никитин и Прохор Суворов констатируют: «...время нам познать силы и богатство нашего языка, к чему имеем преславное руководство Высочайшия Особы; что слова, здесь вводимыя, инныя уже прежде, инныя же ныне вновь все преведены с Греческаго, каковый перевод, купно с собранием древних слов на разных Славенских наречиях, мнится, единый может утвердить язык наш...» Под словами «преславное руководство Высочайшия Особы», по-видимому, имеется в виду деятельность Академии Российской по составлению словаря. В этой деятельности приняли участие и Никитин с Суворовым, введенные в состав Академии в ноябре 1783 г. Впрочем, академики из них получились никудышные: взявшись за собрание слов на букву Р, они через год писали секретарю Академии, что из-за крайней занятости в корпусе не смогли выполнить поручение.

Авторы учебника полагали, что утверждение русского языка может произойти через перевод иностранных слов на русский язык и «собрание древних слов на разных славенских наречиях». Последнее особенно перекликается с идеями А. С. Шишкова, который также признавал важность изучения славянских языков. Теоретические взгляды, изложенные в предисловии к учебнику тригонометрии, были воплощены в обоих учебниках в виде последовательного перевода всей математической терминологии на русский язык; в конце учебников дается алфавитный список используемых слов с толкованием. Так, в «Алфавитном показании слов, переведенных с греческого и латинского и принимаемых в сей книге вместо тех, кои прежде употребляемы были в тригонометриях», помещенном на с. 115–117 учебника тригонометрии, приведено 66 терминов. Среди них *купа* (сумма), *мимочертное* (параллелограмм), *мыслие* (теорема), *мысльствие* (теория), *образ* (геометрическая фигура), *ось* (центр), *отсек* (сектор), *прикасающаяся* (тангенс), *проложение* (проекция); *размер* (диаметр), *степень* (градус), *четырекрайник* (трапеция) и многие другие. Впрочем, авторам не удалось ко всем прежде употребляемым терминам подобрать русские эквиваленты — в этом случае они русифицировали внешний облик заимствованного слова. Так, терминам *синус* и *косинус* предлагаются соответственно «русские» слова *син* и *косин*.

Аналогичный раздел был помещен в *Эвклидовых стихиях* на с. 417–420 («Алфавитный список слов, переведенных с греческого и принимаемых в сей книге вместо тех, кои употребляются в обыкновенных геометриях») —

здесь кроме терминов, использованных в учебнике тригонометрии, были введены некоторые другие, например: *задание* (проблема), *иссек* (сектор), *плоскость* (план), *поперечник* (диагональ), *прошение* (постулат) и др. (всего 88 терминов). Подобно «русифицированным» словам *син* и *косин* в *Эвклидовых стихиях* (т. е. «элементах») вводится слово *кон* (конус). В отличие от учебника тригонометрии в *Эвклидовых стихиях* нет введения с обоснованием лингвистических взглядов авторов учебника (их по праву можно считать соавторами Эвклида, поскольку, по словам Ф. Петрушевского, от оригинала под пером переводчиков была «едва оставлена тень подлинника»), несмотря на обещание во вступлении к учебнику тригонометрии дать подробное изложение своей позиции относительно вводимой терминологии во втором издании учебника геометрии: «о сем пристойнейше будет место говорить нам во втором издании помянутых стихий Евклида, однако здесь (в учебнике тригонометрии. — Д. Р.) скажем вкратце...»

Можно положительно утверждать, что А. С. Шишков с филологическими взглядами Никитина и Суворова был знаком. В своем предисловии к тригонометрии его авторы говорят, что их сочинение было переписано ими семь раз и «преподаемо более нежели 300 учащимся, которые после были в том испытуемы». Если добавить к сказанному, что Никитин и Суворов вели помимо курса математики и физики также филологические дисциплины, можно не сомневаться, что свои лингвистические взгляды они могли пропагандировать в течение многих лет своей преподавательской деятельности. Шишкова не было среди учеников Никитина и Суворова: поступив в Морской корпус в 1767 г., он окончил курс наук в 1773 г., когда те еще находились в Англии. Но в продолжение многих лет Шишков, Никитин и Суворов вместе служили в стенах Морского корпуса в Кронштадте и, несомненно, общались друг с другом. Сразу после окончания учебы Шишков начал работать в Морском кадетском корпусе, преподавая там «эволюцию» (теорию маневрирования кораблей). Его педагогическая деятельность в корпусе длилась с перерывами, вызванными морскими экспедициями и участием в Русско-шведской войне 1788—1790 гг., до первой половины 1790-х гг. Вполне возможно, что царившая в корпусе атмосфера повлияла на его будущие лингвистические взгляды.

Конечно, когда Шишков выступил с изложением своих взглядов, была уже другая эпоха — эпоха Карамзина, поэтому языковая программа Шишкова была значительно шире, чем программа Никитина и Суворова. Лингвистические взгляды Шишкова окрашены политическими событиями конца XVIII в.: на его отрицательное отношение к французскому языку прямым

образом повлияли события Великой французской революции. Ничего этого в программном заявлении Никитина и Суворова не могло быть. Шишков не обладал лингвистическими знаниями своих коллег по Морскому корпусу, но был несравненно талантливее их и обладал прекрасной лингвистической интуицией.

О возможном влиянии на лингвистические взгляды Шишкова со стороны Никитина и Суворова можно, по-видимому, говорить в вопросе последовательного перевода иностранных слов на русский язык, а также в вопросе о необходимости использовать слова других славянских языков. Шишков, в отличие от Никитина и Суворова, подвел под это целую философию, на три десятилетия предвосхитившую идеи Вильгельма фон Гумбольдта. Для Шишкова своеобразие любого языка заключалось в его словаре: «корень слова, по мысли Шишкова, — это не условный знак, а то, что А. А. Потебня позднее назовет внутренней формой слова, то есть способ понимания и осмысления вещи» [Камчатнов, 2004, с. 4]. Следствием такой логической установки было отрицательное отношение к заимствованиям, при употреблении которых говорящим не ощущается внутренняя форма слова, и провозглашаемая им идея сущностного тождества русского и церковнославянского языка в силу общности их корневой системы [Камчатнов, 2004, с. 9]. Этим же объясняется интерес Шишкова к другим славянским языкам: ему принадлежит идея приглашения польских и чешских лингвистов для преподавания в русских университетах, которая воплотилась в 1834 г., когда был принят университетский устав об учреждении кафедр истории и литературы славянских наречий. Судя по «Некоторым замечаниям на предлагаемое вновь сочинение российского словаря», Шишков намеревался в новом словаре русского языка использовать лексический состав всех славянских наречий [Кондрашев, 1991, с. 105].

В связи со сказанным выше о возможном влиянии Никитина и Суворова на формирование лингвистических взглядов Шишкова возможна и иная постановка вопроса: можно предположить, что общая культурная атмосфера Морского корпуса способствовала формированию лингвистических взглядов Шишкова — не без влияния, конечно, со стороны коллег будущего адмирала. Культурная жизнь Морского кадетского корпуса существенно отличалась от духа галломании, царившего в стенах Сухопутного кадетского корпуса. Достаточно сопоставить два таких факта: в то время как в стенах Морского корпуса печатались учебники Никитина и Суворова, в которых пропагандировался русский язык, преподаватели Сухопутного корпуса начинают издавать в Петербурге французский журнал “*Mercur de Russie*”.

Подробно пишет о жизни кадет Сухопутного корпуса в эту эпоху С. Н. Глинка; судя по его «Запискам» [Глинка, 1895]⁹, в корпусе действительно царил культ французской культуры.

Можно высказывать различные предположения относительно того, почему культурная жизнь двух кадетских корпусов столь сильно различалась во второй половине XVIII в. По-видимому, в этом случае не последнюю роль сыграло местоположение корпусов (Сухопутный корпус находился в Петербурге, напротив царского дворца, а Морской — в Кронштадте; можно, таким образом, говорить о тесной связи дворцовой культуры с ее галломанией и культуры Сухопутного корпуса, в то время как атмосфера Морского корпуса формировалась в известной самоизоляции), а также культурная ориентация в связи с профессиональным образованием (если Сухопутный корпус ориентировался на французскую и отчасти немецкую культуру, то в жизни Морского корпуса значительную роль играла английская культура с присущим ей духом традиционализма).

По-видимому, сказывался и социальный состав воспитанников корпусов: молодые дворяне, обучавшиеся в Морском кадетском корпусе, значительно уступали в родовитости кадетам Сухопутного. Галломания, царившая в русском обществе, была присуща, прежде всего, родовитому дворянству: домашний быт детей мелкопоместных дворян, учившихся в Морском кадетском корпусе в последней трети XVIII в. (в том числе и домашний быт самого А. С. Шишкова в детстве), в значительно меньшей степени испытывал влияние французской культуры и был больше связан с традиционной крестьянской культурой. Все это вместе создавало благоприятные предпосылки для восприимчивости воспитанников и преподавателей Морского кадетского корпуса к идеям английского традиционализма.

Источники

РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1.

Д. 290 (Приходо-расходная книга материалов типографии).

Д. 348 (О приобретении мореходных инструментов, учебников, учебно-наглядных пособий и моделей).

Д. 383 (О деятельности типографии).

Д. 414 (О деятельности типографии).

⁹ О постановках пьес на французском языке в стенах Сухопутного кадетского корпуса в последней трети XVIII в. пишет В. Всеволодский-Гернгросс. Одна из таких постановок состоялась 23 января 1776 г. в честь возвращения императрицы Екатерины II из Москвы: кадеты представили французскую комическую оперу под названием «Король и прикащик» («Le Roi et son Fermier») [Всеволодский-Гернгросс, 1913, с. 240]. О галломании в Сухопутном кадетском корпусе см. также: [Руднев, 2010].

- Д. 469 (О деятельности типографии).
Д. 654 (Журналы определений канцелярии).
Д. 729 (О деятельности типографии).
Д. 901 (Список личного состава корпуса и типографии).
Д. 997 (О деятельности типографии).

Литература

- Альтшуллер, 2007 — *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 448 с.
- Всеволодский-Гернгросс, 1913 — *Всеволодский (Гернгросс) В.* История театрального образования в России. СПб.: Дирекция Императорских театров, 1913. Т. 1: (XVII и XVIII вв.). 463, [1], XXII с.
- Глинка, 1895 — *Глинка С. Н.* Записки. СПб.: Изд. ред. журн. «Рус. старина», 1895. [8], 380, [4] с.
- Горшков, 2004 — *Горшков А. С.* А. С. Шишков и его «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» // Русский язык в школе. 2004. № 1. С. 99–102.
- Захарова, 2004 — *Захарова М. В.* К вопросу о стилистической нормализации языка начала XIX века // Русское слово в русском мире. М.: МГЛУ; Калуга: Эйдос, 2004. С. 176–191.
- Захарова, 2005 — *Захарова М. В.* Архаисты и современность: отголоски лингвистической концепции А. С. Шишкова в современном языке // Русский язык: уровни и аспекты изучения: Восьмые международные Виноградские чтения: Сб. науч. тр. / [Отв. ред. Е. Ф. Киров; сост. Ж. В. Ганиев]. М.: МГПУ, 2005. С. 323–327.
- Камчатнов, 2004 — *Камчатнов А. М.* Русский Гумбольдт: к вопросу о лингвистической философии А. С. Шишкова // Кирилл и Мефодий: Духовное наследие: Материалы Междунар. науч. конф., Калининград, май 2003 / Под ред. Н. Е. Лихиной, С. В. Свиридова. Калининград: Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2004. С. 3–15.
- Камчатнов, 2010 — *Камчатнов А. М.* У истоков русского исторического словообразования: Александр Семенович Шишков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 530–534.
- Киселева, 1994 — *Киселева Л.* Начало русского архаизма // Structure and tradition in Russian society. Helsinki: University of Helsinki, 1994. P. 52–63.
- Кондрашев, 1991 — *Кондрашев Н. А.* Лингвистические взгляды А. С. Шишкова: (К 150-летию со дня кончины) // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 102–108.
- Кросс, 1996 — *Кросс Э. Г.* У темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. 387 с.
- Леурда, 1993 — *Леурда И. Н.* Лингвистические взгляды Александра Семеновича Шишкова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00. М., 1993.
- Лотман, Успенский, 1975 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры: («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Ученые записки Тартуского университета. 1975. Вып. 358. С. 168–322.
- Никитин, 2005 — *Никитин О. В.* Забытые труды А. С. Шишкова // Русская речь. 2005. № 1. С. 93–102.

- Панфилов, 1988 — Панфилов А. К. Из истории борьбы вокруг «нового слога» // Вопросы истории русского языка XIX–XX веков: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Г. Добродомов. М.: МГПИ, 1988. С. 3–9.
- Проскурин, 1997 — Проскурин О. А. У истока мифа о «новом слоге» (Кого и зачем цитировал адмирал Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка») // Лотмановский сборник. М.: О. Г. И.; Изд-во РГГУ, 1997. Сб. 2. С. 153–172.
- Руднев, 2007 — Руднев Д. В. Издание учебной литературы в типографии Морского кадетского корпуса в 1770–1780-е гг. // Федоровские чтения 2007. М.: Наука, 2007. С. 402–416.
- Руднев, 2010 — Руднев Д. В. Празднично-риторическая культура в кадетских корпусах // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века / Под ред. П. Бухаркина, У. Екуч, Н. Кочетковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 404–412.
- СК XVIII, 1962–1967 — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: В 5 т. М.: Издание Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1962–1967.
- Стрижев, Коровин, 2011 — Стрижев А. Н., Коровин В. Л. Александр Семенович Шишков (1754–1841): материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 150–209.
- Файнштейн, 2011 — Файнштейн М. Ш. Александр Семенович Шишков (1754–1841) // Отечественные лексикографы. XVIII–XX вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русская панорама, 2011. С. 45–60.
- Чердаков, 1996 — Чердаков Д. Н. Семантика слова и развитие русского языка в концепции А. С. Шишкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. СПб., 1996. Вып. 1. С. 37–44.
- Чердаков, 1998 — Чердаков Д. Н. А. С. Шишков и А. Х. Востоков: К вопросу о соотношении старого и нового в истории отечественной филологии // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. С. 142–150.
- Garde, 1986 — Garde P. Šiškov et Karamzin: Deux ennemis? // *Studia slavica mediaevalia et humanistica*. Roma, 1986. № 1. P. 279–285.

References

- Al'tshuller, M. G. (2007). *Beseda lyubitelei russkogo slova. U istokov russkogo slavyanofil'stva*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p.
- Cherdakov, D. N. (1996). 'Semantika slova i razvitie russkogo yazyka v kontseptsii A. S. Shishkova', in: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie. Iss. 1, 37–44.
- Cherdakov, D. N. (1998). 'A. S. Shishkov i A. Kh. Vostokov. K voprosu o sootnoshenii starogo i novogo v istorii otechestvennoi filologii', in: *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. Vol. 1, 142–150.
- Fainshtein, M. Sh. (2011). 'Aleksandr Semenovich Shishkov (1754–1841)', in: G. A. Bogatova, ed., *Otechestvennye leksikografy. XVIII–XX vv.* Moscow: Russkaya panorama, 45–60.
- Garde, P. (1986). 'Šiškov et Karamzin: Deux ennemis?', *Studia slavica mediaevalia et humanistica*, 1, 279–285.
- Glinka, S. N. (1895). *Zapiski*. St. Petersburg: Izdanie redaktsii zhurnala "Russkaya starina". [8], 380, [4] p.

- Gorshkov, A. S. (2004). 'A. S. Shishkov i ego *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossiiskogo yazyka*', *Russkii yazyk v shkole*, 1, 99–102.
- Kamchatnov, A. M. (2004). 'Russkii Gumbol'dt: k voprosu o lingvisticheskoi filosofii A. S. Shishkova', in: N. E. Likhina, S. V. Sviridov, eds., *Kirill i Mefodii. Dukhovnoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Kaliningrad, mai 2003. Kaliningrad: Izdatel'stvo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 3–15.
- Kamchatnov, A. M. (2010). 'U istokov russkogo istoricheskogo slovoobrazovaniya. Aleksandr Semenovich Shishkov', *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, 4 (2), 530–534.
- Kiseleva, L. (1994). 'Nachalo russkogo arkhazima', in: *Structure and tradition in Russian society*. Helsinki: University of Helsinki, 52–63.
- Kondrashev, N. A. (1991). 'Lingvisticheskie vzglyady A. S. Shishkova (K 150-letiyu so dnya konchiny)', *Russkii yazyk v shkole*, 2, 102–108.
- Kross, E. G. (1996). *U temzskikh beregov. Rossiyane v Britanii v XVIII veke*. St. Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt". 387 p.
- Leurda, I. N. (1993). *Lingvisticheskie vzglyady Aleksandra Semenovicha Shishkova. Avtoreferat dissertatsii*. Moscow.
- Lotman, Yu. M., Uspenskii, B. A. (1975). 'Spory o yazyke v nachale XIX veka kak fakt russkoi kul'tury ("Proisshestvie v tsarstve tenei, ili Sud'bina rossiiskogo yazyka" — neizvestnoe sochinenie Semena Bobrova)', in: *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. Iss. 358, 168–322.
- Nikitin, O. V. (2005). 'Zabytye trudy A. S. Shishkova', *Russkaya rech'*, 1, 93–102.
- Panfilov, A. K. (1988). 'Iz istorii bor'by vokrug "novogo sloga"', in: I. G. Dobrodomov, ed., *Voprosy istorii russkogo yazyka XIX–XX vekov. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 3–9.
- Proskurin, O. A. (1997). 'U istoka mifa o "novom sloge" (Kogo i zachem tsitiroval admiral Shishkov v *Rassuzhdenii o starom i novom sloge rossiiskogo yazyka*)', in: *Lotmanovskii sbornik*. Moscow: Ob"edinennoe humanitarnoe izdatel'stvo; Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Vol. 2, 153–172.
- Rudnev, D. V. (2007). 'Izdanie uchebnoi literatury v tipografii Morskogo kadetskogo korpusa v 1770–1780-e gody', in: *Fedorovskie chteniya 2007*. Moscow: Nauka, 402–416.
- Rudnev, D. V. (2010). 'Prazdnichno-ritoricheskaya kul'tura v kadetskikh korpusakh', in: P. Bukharkin, U. Ekuch, N. Kochetkova, eds., *Okkazional'naya literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 404–412.
- Strizhev, A. N., Korovin, V. L. (2011). 'Aleksandr Semenovich Shishkov (1754–1841): materialy k bibliografii', *Literaturovedcheskii zhurnal*, 28, 150–209.
- Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725–1800* (1962–1967). Moscow: Izdanie Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina. Vols. 1–5.
- Vsevolodskii-Gerngross, V. (1913). *Istoriya teatral'nogo obrazovaniya v Rossii*. St. Petersburg: Direktsiya Imperatorskikh teatrov. Vol. 1 (XVII i XVIII vv.). 463, [1], XXII p.
- Zakharova, M. V. (2004). 'K voprosu o stilisticheskoi normalizatsii yazyka nachala XIX veka', in: *Russkoe slovo v russkom mire*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet; Kaluga: Eidos, 176–191.
- Zakharova, M. V. (2005). 'Arkhaysti i sovremennost': otgoloski lingvisticheskoi kontseptsii A. S. Shishkova v sovremennom yazyke', in: E. F. Kirov, ed., *Russkii yazyk: urovni i aspekty izucheniya: Vos'mye mezhdunarodnye Vinogradovskie chteniya*. Moscow: Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet, 323–327.

Е. М. Букреева, О. Л. Фетисенко

ПОРТРЕТЫ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА В СОБРАНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Резюме

Преддверие двойного юбилея философа, прозаика и публициста К. Н. Леонтьева (1831–1891) стало поводом к новым музейным и архивным поискам. Статья сопровождает публикацию ранее неизвестных исследователям прижизненных изображений Леонтьева, хранящихся в фондах Государственного исторического музея в Москве, — рисунка ныне почти забытого акварелиста К. С. Осокина (Леонтьев позировал ему во время учебы в Дворянском полку в 1844 г.), карандашного наброска Р. И. Дорохова (приятеля Пушкина и Лермонтова), датированного 1849 г., и уникального, принадлежавшего самому писателю экземпляра одной из лучших его фотографий (1863) с владельческой надписью. Авторы воссоздают историю этих раритетов, а также других связанных с именем Леонтьева предметов, пришедших из музея «Старая Москва» в фонды ГИМ.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, иконография, неизвестные портреты, рисунок, фотография, биография писателя, музейные коллекции, музей «Старая Москва», ГИМ, К. С. Осокин, Р. И. Дорохов, А. А. Александров

Elena M. Bukreeva, Olga L. Fetisenko

PORTRAITS OF KONSTANTIN LEONTIEV IN THE
COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Abstract

This article accompanies the publication of previously unknown portraits of Konstantin Leontiev (1831–1891) preserved in the State Historical Museum in Moscow: a drawing by

© Е. М. Букреева, О. Л. Фетисенко, 2020

K. Osokin (1844), a sketch by R. Dorokhov (1848), and a unique photograph that belonged to the writer himself and bears the owner's inscription. The authors elicit the history of these and some other items associated with Leontiev, now in the possession of the Museum, and see their work as a contribution to his anniversary in 2021.

Keywords: Konstantin Leontiev, iconography, unknown portraits, drawing, photograph, biography, museum collections, Museum of Old Moscow, State Historical Museum, Konstantin Osokin, Rufin Dorokhov, Anatoly Aleksandrov

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-78-90

В 2021 г. исполнится 190 лет со дня рождения писателя, публициста и мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891). К этому времени должно завершиться предпринятое в Пушкинском Доме издание академического Полного собрания сочинений [Леонтьев, 2000—2020]¹, выходят издания-спутники, начата подготовка Летописи жизни и творчества. Работа над собранием сочинений 20 лет назад начиналась почти «с чистого листа», завершая ее, естественно было вновь обратиться к архивам, расширив круг поисков ранее неизвестных текстов, документов, а также изобразительных материалов². Настоящий клад для исследователей и драгоценный подарок для всех почитателей Леонтьева выявлен в Государственном историческом музее — несколько его портретов, в том числе один акварельный.

Портретов Леонтьева вообще известно очень мало. При его жизни публиковался лишь один (в виде гравюры с предоставленной самим писателем фотографии) — в сопровождение биографической заметки Вс. С. Соловьева в журнале «Нива» [Соловьев Вс., 1879, с. 381]³. Последний прижизненный

¹ В настоящее время вышло 12 томов в 17 книгах и две книги Приложений, в печати находятся первые две книги заключительного тома. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно с указанием тома (при необходимости книги в скобках) и страницы.

² Так, например, Е. М. Варенцова впервые опубликовала два портрета матери Леонтьева из собраний Государственного литературного музея; см. ил. к изд.: [Леонтьев, 2016, с. 62; Варенцова, 2016, с. 79]. В подготовленном Е. М. Варенцовой и О. Л. Фетисенко первом томе серии «Архив К. Н. Леонтьева» представлен еще один редкий снимок [Архив Леонтьева, 2020, вкл., ил. 2], на котором запечатлены не только мать писателя, но и его бабушка, А. Е. Карабанова (урожд. Станкевич), чей примечательный дневник тоже теперь доступен читателям [Карабанова, 2020].

³ Гравюра Б. А. Пуца и Юлиана Шюбелера (?–1890) с рисунка Францишека Тегаццо (1829–1879). Споры по поводу выбора портрета для иллюстрирования биографической заметки отражены в переписке Леонтьева с его приятелем, драматургом Н. Я. Соловьевым, выполнявшим в то время некоторые его поручения в столице (см.: 11 (2), 298, 302–303, 308, 743, 746). Николай Соловьев, как и его однофамилец, автор статьи о Леонтьеве, считал, что нужно поместить в журнале фотографию, как сейчас бы выразились, «актуальную». Леонтьев горячо протестовал против этого, он хотел предстать перед читателями лет на десять моложе и предложил фотографию, снятую во время его единственного приезда в Россию в отпуск с дипломатической службы,

снимок, о котором мы еще скажем дальше, был опубликован вместе с некрологом [Александров, 1891, с. 2], а несколько других фотографий впервые были помещены в известном сборнике «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (СПб., 1911) и с тех пор неоднократно воспроизводились. Акварель неизвестного художника, изображающая Леонтьева в студенческом мундире, опирающегося на эфес шпаги, на фоне кремлевских башен, в черно-белом воспроизведении иллюстрировала публикацию записок «Моя литературная судьба» в «Литературном наследстве» [Леонтьев, 1935, с. 429], а в цветном впервые предстала на страницах журнала «Наше наследие» [Леонтьев, 2016, с. 80]⁴. Две фотографии (конца 1850-х и 1887 гг.) были впервые напечатаны в Полном собрании сочинений.

Неизвестной остается судьба самых первых изображений — тех, что упоминаются в автобиографических романах «Подлипки»⁵ и «Подруги»⁶, а также портрета маслом, выполненного в 1863 г.⁷ Тем ценнее малоизвестные либо вообще неизвестные ни широкой публике, ни исследователям графические портреты Леонтьева, хранящиеся в Отделе изобразительных материалов ГИМ.

зимой 1868/69 гг. С нее и делал свой рисунок Ф. Тегаццо. С гравированным портретом позднее приключился удивительный казус. В апреле 1928 г. из Ленинградского музейного фонда в ГИМ поступила небольшая тематическая подборка печатной графики: портреты знаменитых людей, погребенных в московском Алексеевском монастыре. «Под видом» Павла Михайловича Леонтьева (сподвижника М. Н. Каткова) в нее попал К. Н. Леонтьев. Их в те годы, да и в последующие, часто смешивали. На иллюстрации можно видеть, как выглядит этот уникальный артефакт.

⁴ Рисунок хранится в Отделе изобразительных фондов Государственного литературно-го музея (новое название музея: Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля). См. также: [Архив Леонтьева, 2020, вкл., ил. 13].

⁵ «В большой спальне (...) висели портреты всех родных. Акварели, большие портреты в рамках, силуэты; я же был изображен в нескольких видах. Над большим креслом (...) парил крылатый херувим без тела: это был я, едва рожденный на свет. В другом месте я в локонах сидел на ковре, в третьем — скакал на деревянной лошадке...» (1, 381).

⁶ В этом незавершенном произведении героиня вспоминает увиденный ею в детстве портрет (дагерротип) двоюродного брата, напоминавший иллюстрацию к французским сказкам XVIII столетия (5, 510).

⁷ См. о нем: 6 (2), 43.

В 1919 г. один из близких учеников писателя, Анатолий Александров⁸, продал Музею Старой Москвы⁹ пять портретов Леонтьева. Согласно инвентарной описи музея (запись от 26 июня 1919 г.), Александров продал следующие портреты:

1. Акварельный портрет работы Осокина 1844 г. в черной раме под стеклом.
2. Карандашный портрет R. Dogoshoff 1849 г. в черной раме под стеклом.
3. Печатный портрет в черной раме под стеклом.
4. Репродуцированный портрет в красной раме под стеклом.
5. Фотографический портрет в красной раме под стеклом.

В графе «владелец» было указано «А. А. Александров. Троице-Сергиева», что подтверждается адресом проживания Александра в Сергиевом Посаде в эти годы¹⁰. Александрову все пять предметов могли достаться по наследству¹¹, могли быть приобретены им в те же революционные годы у бедствовавшей в Орле племянницы писателя. Нельзя, вероятно, исключать и дарения (хотя в этом случае мы видели бы и дарительную надпись). Из переписки Леонтьева с Александровым достоверно известно, что две последние прижизненные фотографии (1887 и 1889 гг.) ему дарились, как и всем остальным ученикам¹².

После упразднения Музея Старой Москвы в 1930 г. его фонды, в том числе и изобразительные материалы, были переданы в ГИМ¹³. Было ин-

⁸ Анатолий Александрович Александров (1861–1930) — поэт, филолог, публицист, литературный критик, приват-доцент Московского университета (1891–1898), редактор-издатель журнала «Русское обозрение» (1892–1898) и газеты «Русское слово» (1895–1898); выпускник Катковского лицея, познакомился с К. Н. Леонтьевым в Москве зимой 1882/83 гг., а через год стал одним из участников кружка «гептастилистов». См. главу об Александрове в монографии: [Фетисенко, 2012, с. 533–561].

⁹ Об обществе «Старая Москва» и музее при нем см.: [Дмитриева, 1999].

¹⁰ Александров и его жена обосновались в Сергиевом Посаде еще в 1910 г., а через два года был построен их дом на Красноковке. В 1920-х гг. в этом доме Александров устроил музей, а в дальнейшем его коллекция была передана государству. См. об этом: [Жданова, 2006].

¹¹ Известно, что по духовному завещанию Леонтьева Александров получил значительную часть библиотеки как самого Константина Николаевича, так и его брата Владимира (6 (2), 38, 42–43). Принадлежавшие Александрову книги из библиотеки Леонтьева постепенно выявляются в библиотеке Государственного литературного музея. Акварельный рисунок, упомянутый выше, мог попасть сюда от него же или от М. В. Леонтьевой.

¹² См.: 12 (1), 393; ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 25 об.; Ед. хр. 76. Л. 15 об. Копию, перенятую с фотографии 1887 г., Александров после смерти Леонтьева подарит И. Л. Леонтьеву-Щеглову (см.: [Фетисенко, 2010, с. 296–297, вкл., ил. 12, 13]), сейчас она хранится в Литературном музее Пушкинского Дома.

¹³ См. подробнее: [Петров, 1991].

Леонтьевъ Павелъ Михайловичъ.
Писатель - Публицистъ.

Род 18/IV 1822. † 24/III 1875? -

Александровскій мѣстечко.
г. Москва.

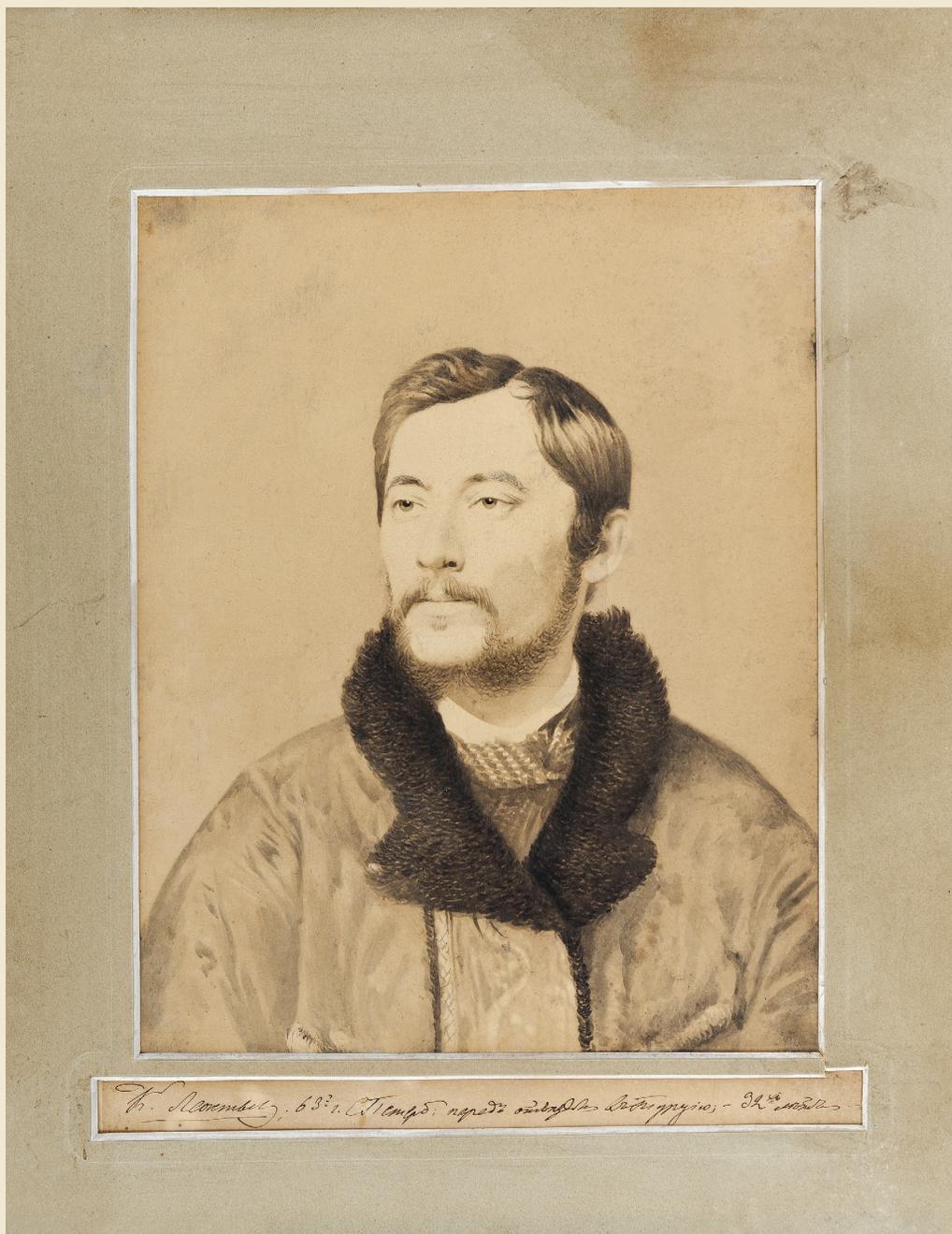
«Портрет с неверной атрибуцией». Гравюра Б. Пуца и Ю. Шюбелера
с рис. Ф. Тегаццо. 1879 (с фотографии К. И. Бергамаско, Петербург, 1869 г.)

К. С. Соколин. Портрет К. Леонтьева в форме кадета Дворянского полка. Петербург, 1844.
Бумага, акварель. ГИМ. Публикуется впервые

Р. И. Дорохов. Портрет К. Леонтьева. Москва (?), 1849. Бумага, графитный карандаш. ГИМ.
Публикуется впервые

К. Н. Леонтьев. Раскрашенная фотография с владельческой надписью Леонтьева.
Петербург, «Бельгийская фотография», 1863. Отпечаток на соленой бумаге, акварель. ГИМ.
Публикуется впервые

интересно проследить судьбу леонтьевских портретов — сохранились ли они и в каком виде.

К счастью, в фонде оригинальной графики отдела ИЗО ГИМ «нашлись» два портрета Константина Леонтьева, упоминавшихся в описи. Самый ранний из них датирован 1844 г. и изображает 13-летнего Константина в форме кадета Дворянского полка¹⁴. В этом военно-учебном заведении он прошел всего один класс¹⁵, но и через много лет в мемуарном очерке «Сдача Керчи в 1855 году» (1887) легко вспомнил фамилию одного из товарищей, которого встретил во время Крымской войны (6 (1), 645—646). Художник изобразил мальчика, одетого в мундир с красными воротником и обшлагами, с саблей на белой перевязи, с кивером на руке, в полный рост, в трехчетвертном повороте вправо, прислонившимся к дереву. Заметим, что форма кадет претерпевала изменения. Так, в мае 1844 г. у воспитанников всех кадетских корпусов и Дворянского полка кивера были заменены на кожаные каски. Это означает, что наш рисунок был выполнен до мая 1844-го, что подтверждается и подписью на рисунке слева внизу: «Осокинъ 1844. / Февр. 5 д.». Редкая удача — знать не только год, но и точную дату исполнения портрета.

Портретист, акварелист и литограф Константин Семенович Осокин (Асокин) родился 6 (18) мая 1801 г. в семье московского губернского секретаря, в восьмилетнем возрасте поступил в Воспитательное училище Императорской Академии художеств в Петербурге, в 1815 г. был определен в класс исторической живописи. Владелец трех серебряных и одной золотой медалей (за программу «Троянский царь Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело сына своего Гектора»), в 1824 г. получил звание художника 1-й степени. Под руководством А. Г. Венецианова раскрашивал произведения печатной графики масляной краской. С 1831 г. К. С. Осокин — художник XVI класса¹⁶. Известны некоторые его портреты первой половины 1840-х гг. — периода написания портрета К. Н. Леонтьева. К примеру, портрет подпрапорщика лейб-гвардии Московского полка Адольфа Густавовича фон Беттихера (1842). Художник упоминается в статье Александра Севастьянова «Расскажу тебе теперь кое-что секретное...» как соученик по Академии художеств живописца А. А. Иванова¹⁷.

¹⁴ ГИМ 70156/ И II 4020. Размер: 20,5 x 14,5 см (в свету); 23,5 x 18 см (с рамой).

¹⁵ Ср. в записке «Хронология моей жизни» (1883; 1890): «Осенью 43-го года и зимой 44 г. кадет; в Дворянском полку» (6 (2), 28).

¹⁶ См. о нем: [Соловьев В. Д., 1996, с. 211]; [Кондаков, 2002, с. 162].

¹⁷ См.: Наше наследие: офиц. сайт журнала (раздел «Редакционный портфель»). URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/ivanov_1.php Дата обращения: 28.07.2020.

В одном из мемуарных очерков Леонтьева есть любопытная деталь, на которую мы обратили внимание. Это перечисление портретов родных и близких Федосьи Петровны Леонтьевой (урожд. Карabanовой), висевших в ее кабинете. Среди живописных и литографированных портретов упоминаются акварельные, в том числе портрет Анны Михайловны Хитрово (дочери М. И. Кутузова, которая была дружна с Федосьей Петровной и с ее матерью), исполненный Осокиным с акварели В. И. Гау. «...Копия, — вспоминал Леонтьев в очерке «Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне», — до того изящная и верная, что ее невозможно было различить с подлинником Гау, когда ее клали рядом и прикрывали подписанные внизу имена художников» (6 (1), 559). Сравнивая акварельные портреты работы П. Ф. Соколова и Осокина, Леонтьев отмечал, что копия Осокина была «не менее прекрасной, но словно более старательной, более *пунктирной*...» (там же, с. 559–560).

Второй портрет Леонтьева из собрания ГИМ — рисунок карандашом¹⁸ — изображает будущего писателя чуть постарше, в возрасте 18 лет, когда тот оставил ярославский Демидовский лицей, куда только что поступил, и стал студентом медицинского факультета Московского университета¹⁹. Леонтьев изображен в профиль, с поворотом влево. Под изображением хорошо читается карандашная запись: «Portrait de Constantin L... fait par Ruffin Dorohoff — 1849 года». Судя по почерку, она сделана позднее племянницей писателя, М. В. Леонтьевой.

Автор портрета, сын генерала Отечественной войны 1812 г. И. С. Дорохова Руфин Иванович Дорохов (1801–1852) — личность довольно примечательная. Художник-любитель входил в ближайшее окружение М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина, участвовал в Кавказской войне, в одну из кампаний погиб. Вот как Дорохов вспоминал, к примеру, Лермонтова в письме к М. В. Юзефовичу в 1840 г.: «Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, — не сносить ему головы (...). Я ему читал твои стихи, и он был в восхищении, это меня обрадовало...» [Лермонтов в воспоминаниях, 1989, с. 321]. О самом Руфине Дорохове как человеке благовоспитанном, приятном собеседнике, остром и находчивом, но обладавшем неукротимым нравом, современники оставили довольно обширные воспоминания²⁰.

¹⁸ ГИМ 70156/ И II 3413. Размер: 16,5 x 10,5 см.

¹⁹ Об этом времени см. очерки Леонтьева «Воспоминание о Ф. И. Иноземцове и других московских докторях 50-х годов», «Тургенев в Москве. 1851–1861 гг.» и записки «Моя литературная судьба» (6 (1)).

²⁰ См., например: [Гангеблов, 1888, с. 182–183].

Можно предположить, что рисунок был сделан в доме Охотниковых на Пречистенке (д. 32, где в 1868 г. разместится Поливановская гимназия). Дочь Н. В. Охотниковой Анна Павловна была второй женой В. П. Карабанова, единственного брата Ф. П. Леонтьевой, с которым она была очень дружна. После смерти Владимира Петровича добрые отношения с его вдовой и тещей поддерживались, и часто Ф. П. Леонтьева по зимам гостила у них в Москве. Студенческие годы ее младшего сына тоже прошли во флигеле московского дома Охотниковых. Отметим также, что с Лермонтовым Леонтьев был связан, как выяснилось, и некровным родством (племянник его прабабки А. И. Пожогин-Отрашкевич был женат на сестре Ю. П. Лермонтова, отца поэта), и семейными преданиями (в дневнике бабушки Леонтьева упоминаются, например, сестры Лопухины [Карабанова, 2020, с. 517, 541]), и — позднее — личным знакомством с такими друзьями поэта, как барон Д. Г. Розен²¹. В связи с этим принадлежность рисунка Дорохову имеет особое значение.

Оба описанных выше рисунка происходят из Музея Старой Москвы, и мы можем смело утверждать, что это именно те портреты Константина Леонтьева, что были проданы Александровым в 1919 г. На это указывает и надпись на обороте одного из рисунков: «К. Н. Леонтьев / Собств. К. Н. Леонтьев...».

В непривычном облике предстает, вероятно, самый известный портрет Леонтьева, датируемый 1863 г., временем поступления его на дипломатическую службу²². Необычность же в том, что экземпляр ГИМ — раскрашенный. В семье Леонтьева такие портреты любили. Известно, например, что Леонтьев подарил своему другу К. А. Губастову раскрашенную фотогра-

²¹ Поступление Леонтьева домашним врачом в арзамасское имение барона в 1858 г. вовсе не было случайным, а предопределялось давними семейными связями.

²² В уже упоминавшемся выше незавершенном романе «Подруги» есть описание акварельного рисунка, до мельчайших деталей напоминающее именно эту фотографию: «...на красиво убранном письменном столе ее (...) стоял в изящной резной рамке его портрет... / Акварель была дорогая; — писал ее настоящий художник. Александр не любит никакой простоты (...) И вот он велел написать себя не в мундире и не в военном пальто; — а в голубой шелковой русской рубашке и сверху накинут какой-то светло-коричневый арабский бурнус. (...) / Вот его голубые глаза и добрые и хитрые немного... (...) румянец нежный, не грубый — только свежий и молодой; знакомый рыжеватый, иногда даже красный, отлив волос и небольшой бороды, аккуратно пробритой по-военному на подбородке; усы небольшие, молодые — молодцовато подкрученные вверх... Сколько фатовства и легкости в характере и какой серьезный ум! — Сколько утонченной доброты и сколько откровенного эгоизма — сколько слабостей и как много упорства, когда он находит это нужным» (5, 489–490).

фию жены-гречанки (тогда красавицы), снятую в 1864 г.²³, а его племянница Мария Владимировна на сообщение дяди, что он будет «срисовывать» ее портрет²⁴, отвечала, что лучше пришлет «цветную» фотографию: «Вы хотите срисовывать портрет мой масляными красками. — Зачем? — Я могу <...> снять Вам раскрашенную фотографию и именно великорусской девушкой...»²⁵ Подобную раскрашенную копию с портрета сына работы известного петербургского фотографа К. И. Бергамаско хотела в 1869 г. заказать Ф. П. Леонтьева, но испугалась запрашиваемой в ателье цены: «Я не могу заплатить 35 р.; странный этот Бергомазко; за копию с своего же портрета берет дороже; я думала: рублей 10, а много 15. Нельзя ли сыскать другого хорошего фотографа, который бы взялся снять копию раскрашенную и за умеренную цену; фотографов хороших довольно; но, конечно, не к Деньеру; этот тоже зазнался! Нечего делать! буду ждать милости от Константина Николаича; что ему Бог по сердцу положит» [Архив Леонтьева, 2020, с. 476].

Согласно Главной инвентарной книге ГИМ, портрет Леонтьева, одетого в пальто с меховым воротником, был получен в дар от неизвестного лица в 1956 г. На обороте паспарту имеется надпись рукой неустановленного лица: «Гос. Историческому музею в дар в 1956 году». Надпись сделана чернилами. Слева от нее полустертая карандашная запись того же лица, заканчивающаяся упоминанием другого молодого друга Леонтьева: «св<ященник> Фудель». Речь идет об Иосифе Ивановиче Фуделе (1864/1865–1918)²⁶, и, возможно, эта запись когда-нибудь поможет выяснить, как фотография попала к неизвестному дарителю. Пока же смысл фразы понять сложно, почти все слова сокращены: «Ум<ер?> на Каб.²⁷ изму<ченный?>. 3 ш<ага?> (св<ященник> Фудель)».

²³ В конце жизни он просил вернуть этот портрет, но оказалось, что его друг («кадровый дипломат», как сейчас бы сказали), не имевший возможности возить за собой весь архив, оставил фотографию в России у своей сестры. В одном из писем есть и подробное описание этой фотографии (12 (2), 100).

²⁴ Увлечение живописью Леонтьев сохранил до последних дней, подтверждением чему служат постоянные просьбы к Александрову о покупке в Москве то бристольской (на худой конец — ватманской) бумаги, то набора кисточек; причем всё это приобреталось в лучших магазинах, несмотря на постоянные денежные затруднения художника-любителя.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1032. Л. 100 об.

²⁶ См. о нем: [Преемство от отцов, 2012]; [Фетисенко, 2012, с. 608–650]. Важно отметить, что акварельный рисунок, впервые опубликованный в 1935 г. Дурылиным, также, согласно описям ГИМ, когда-то принадлежал именно о. Иосифу Фуделю.

²⁷ Слово можно было бы расшифровать как «Кабинетской» (улица с таким названием существовала в Петербурге), если бы не то обстоятельство, что о. Иосиф скончался 2 (15) октября 1918 г. в Плотниковом переулке в Москве.

Особую ценность музейному предмету придает подпись на лицевой стороне, в нижней части листа, сделанная собственноручно писателем: «К. Леонтьев 63-ий г. С.-Петербур., перед отъездом в Турцию, 32-х лет»²⁸. Virtuозно раскрашенный отпечаток на солёной бумаге монтирован на паспарту. При раскантовке фотографии на полоске бумаги с автографом писателя были обнаружены два штампа мастерской «PHOTOGRAPHIA BELGE»: тисненый и печатный. Речь идет о фотомастерской «Бельгийская фотография», открывшейся в 1862 г. в Петербурге, в дворовом флигеле дома Иванова на углу Литейного проспекта и Малой Итальянской улицы. В рекламном объявлении, опубликованном в газете «Голос» 29 марта 1863 г., сообщалось:

БЕЛЬГИЙСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

(Литейный проспект № 54)

ОТВЕТСТВУЮТ ЗА НЕИЗМЕНЯЕМОСТЬ СНИМКОВ.

СНИМАЮТ ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ.

Портреты всех величин, с фоном и без фона, во весь рост или грудные, по замечательно умеренным ценам.

Таким образом, точно установлено место, где фотографировался Леонтьев. Репродукция с этого портрета в виде цинкографии, датированная тем же 1863 г., хранится в личном фонде писателя в РГАЛИ²⁹.

Из дополняющей духовное завещание Леонтьева записки «Мои посмертные желания» известно, что собственный экземпляр портрета «в бурнусе» он намеревался передать вместе с несколькими другими вещами публицисту В. А. Грингмуту («Грингмуту: ⟨...⟩ 3) Мой большой портрет. (63-й ⟨год⟩»), но добавлял при этом: «Если только Софья Майкова не потребует его обратно. — Он принадлежит ей; но она прислала мне его с тем, чтобы я выслал ей *масляными красками*» (6 (2), 43). Размеры фотографии из ГИМ вполне позволяют, по крайней мере, допустить предположение, что перед нами может быть именно *леонтьевский* экземпляр, сначала подаренный им петербургской приятельнице Софье Михайловне Майковой (1835–1909), двоюродной сестре А. Н. Майкова. Портрет же «масляными красками» мог быть или написан ею самой (причем не ясно, с фотографии или с «оригинала»), или являться автопортретом Леонтьева (в этом случае, скорее всего, именно автопортретом с фотографии).

Еще один портрет Леонтьева в ГИМ — овальный, где писатель запечатлен в пенсне и шляпе³⁰. Это репродукция с хорошо известной фотографии

²⁸ ГИМ 90932/И VI 31870. Размер: 26,6 x 21,2 см (в просвете паспарту); 38,4 x 32,4 см (паспарту).

²⁹ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 1.

³⁰ ГИМ 95171/И VI 8346. Размер: 11 x 8,3 см (овал); 26,3 x 19,2 см (подложка).

1889 г., воспроизведенной десятки раз в книгах и статьях современных авторов. В РГАЛИ хранится аналогичный портрет из печатного издания, выполненный в технике цинкографии, с надписью под овалом «К. Леонтьевъ»³¹. История поступления репродуцированного портрета Леонтьева в ГИМ неизвестна, но если вернуться к инвентарной описи 1919 г., где упоминается репродукция с портрета, можно предположить, что это он и есть, только со временем утратил историю бытования.

Фотографию, снятую директором козельской ремесленной школы Валерием Фелициановичем Мейснером (братом известного архитектора А. Ф. Мейснера), Леонтьев — в отличие от предыдущей (1887)³² — любил, считал снятой «довольно удачно» (12 (2), 346)³³, утвердил в качестве своего *последнего* портрета (там же, с. 300, 305, 325)³⁴ и охотно дарил своим знакомым. Сохранились экземпляры Ф. Н. Берга (в Государственном литературном музее), О. А. Новиковой (в РГБ), А. А. Фета и В. В. Розанова (обе в РГАЛИ). На обороте подаренной ему фотографии Розанов позднее, в 1916 г., сделал замечательную надпись: «А что, не сказать ли так: „Эта карточка — вне стиля русской литературы“. Ведь к(а)к *этот* портрет — ни одного портрета русского писателя. Все „тельце мешочком“, голова — „притворно вихрастая“, все что-то нерешительное и трусливое. „Подражатели“. Этот — „Я сам“, и никому не завидует и никому не подражает. По этой крови — слишком аристократической, „породистой“, он и не подошел к нашей мешанине из чухны, хохлов и черт знает чего, — и не тут ли его *fatum* и судьба?! Не может конь и осел идти в ногу» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 306].

³¹ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 7. В этой же архивной единице, кстати, есть и гравированный портрет, публиковавшийся в «Ниве» (Там же. Л. 2).

³² Об этом снимке, сделанном в Москве вскоре после выхода в отставку, он высказывался, например, так: «...старый изнуренный „интеллигент“; терпеть не могу!» (письмо к С. В. Залётову от 27 сентября 1887 г. — 12 (1), 395).

³³ Письмо к Т. И. Филиппову от 3 сентября 1889 г.

³⁴ Приведем его декларативное суждение на эту тему: «Я не одобряю вообще тех людей, которые снимаются слишком поздно: у редких людей (особенно у предававшихся умственному труду) лицо в слишком поздние годы сохраняет, я не говорю уже благообразие, а хоть человечность — просто. Что-то жалкое и отвратительное я вижу в этой почти неузнаваемой карикатуре человека самого на себя. Обыкновенно я при этом вспоминаю последние портреты Пирогова. Что это за противная обезьяна, тогда как прежние портреты его имели в себе нечто сократическое, приятное и сильное! Да, кстати сказать, и Дантес сделал *большую*, очень большую услугу А. С. Пушкину, убивши его *вовремя*. Поэтический ореол сохранился, и на портреты Пушкина смотреть приятно» (12 (1), 348; письмо к Т. И. Филиппову от 26 июня 1887 г.).

* * *

Неизвестные портреты юного Леонтьева и его фотография в пору «цветущей сложности» — словно иллюстрации к его романам разных периодов — к «Подлипкам» (1852–1860), к «затекстовым» главам биографий консулов Благова в «Одиссее Полихрониадесе» (1872–1878) и Ладнева в «Египетском голубе» (1880–1882), Александра Матвеева в «Двух избранных» (1870, 1884) и «Подругах» (1889–1890). О первых десятилетиях жизни писателя известно так мало, что *явление* двух его *новых* портретов — это поистине большое событие³⁵.

Литература

- Александров, 1891 — А. А. [Александров А. А.] † К. Н. Леонтьев: [Некролог] // Московская иллюстрированная газета. 1891. № 311, 21 нояб. С. 2–3.
- Архив Леонтьева, 2020 — Константин Леонтьев: Семейный архив: Документальные повести, воспоминания и дневниковые записи Ф. П. Леонтьевой. — Письма / Изд. подгот. Е. М. Варенцова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2020. 649 с. (Архив К. Н. Леонтьева; Кн. 1).
- Варенцова, 2016 — Леонтьева Ф. П. Неудавшееся похищение. Тайна старшего брата: Из записок «литераторки» / Предисл., публ. и примеч. Е. М. Варенцовой // Наше наследие. 2016. № 119. С. 79–85.
- Гангелов, 1888 — Гангелов А. С. Воспоминания декабриста. М.: Университет. тип., 1888. 282 с.
- Дмитриева, 1999 — Дмитриева И. А. Историко-краеведческое общество «Старая Москва»: (По материалам ОПИ ГИМ) // Труды ГИМ. М.: ГИМ, 1999. Вып. 121: Забелинские научные чтения — Год 1999-й: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. С. 499–532.
- Жданова, 2006 — Жданова И. Ф. Судьба коллекции А. А. Александрова в музее: (К вопросу об истории коллекции изобразительного искусства XX в. в СПМЗ) // Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения 2005. М.: Индрик, 2006. С. 285–296.
- Карабанова, 2020 — Дневник А. Е. Карабановой. 1819–1827 / Подгот. текста, предисл. и примеч. О. Л. Фетисенко. М.: Российский фонд культуры, 2020. 696 с., ил.
- Кондаков, 2002 — Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств / Сост. С. Н. Кондаков. [Репр. изд.] М.: Антик-Бизнес-центр, 2002. 607 с.
- Леонтьев, 1935 — Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба: Автобиография / Вступ. ст. Н. Л. Мещерякова, коммент. С. Н. Дурылина // Литературное наследство. М.; Л.: Наука, 1935. Т. 22–24. С. 427–496.
- Леонтьев, 2000–2020 — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2020.

³⁵ Авторы благодарят А. О. Васильченко, Е. А. Лукьянова, А. Н. Черненкову, Э. В. Чуланову и А. Г. Юшко за помощь в работе.

- Леонтьев, 2016 — *Леонтьев К. Н.* Письма к матери (1854–1856). [Ч. 1] / Подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко // *Наше наследие*. 2016. № 119. С. 62–78.
- Лермонтов в воспоминаниях, 1989 — М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер. М.: Художественная литература, 1989. 672 с. (Литературные мемуары).
- Петров, 1991 — Обзор фонда музея «Старая Москва» / Сост. Ф. А. Петров. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1991. 198 с.
- Преемство от отцов, 2012 — Преемство от отцов: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. 750 с. (Прил. к Полному собранию сочинений и писем К. Н. Леонтьева: В 12 т.; Кн. 1).
- Розанов и Леонтьев, 2014 — В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги / Сост. Е. В. Иванова. СПб.: Росток, 2014. 1174 с. (Литературные издгнанники).
- Соловьев В. Д., 1996 — Русские художники XVIII–XX веков: Справочник / Авт.-сост. В. Д. Соловьев. М.: Пороги, 1996. 752 с.
- Соловьев Вс., 1879 — *Соловьев Вс.* Константин Николаевич Леонтьев // *Нива*. 1879. № 20, 14 мая. С. 381–382.
- Фетисенко, 2010 — *Фетисенко О. Л.* [Вступ. ст. к публ.:] Леонтьев К. Н. [Список верующих] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 295–309.
- Фетисенко, 2012 — *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.

References

- Aleksandrov, A. A. (1891). 'K. N. Leont'ev. [Necrologue]', *Moskovskaya illyustrirovannaya gazeta*, 311, 2–3.
- Dmitrieva, I. A. (1999). 'Istoriko-kraevedcheskoe obshchestvo *Staraya Moskva*', in: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Zabelinskie nauchnye chteniya*. Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. Iss. 121, 499–532.
- Fetisenko, O. L. (2010). [Introduction]: Leont'ev K. N. [Spisok veruyushchikh], in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gody*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 295–309.
- Fetisenko, O. L. (2012). "*Geptastillisty*". *Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki*. St.-Petersburg: Izdatelstvo "Pushkinskii Dom". 784 p.
- O. L. Fetisenko, ed. (2012). *Preemstvo ot ottsov. Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya*. (Prilozhenie k Polnomu sobraniyu sochinenii i pisem K. N. Leont'eva. Vol. 1). St. Petersburg: Vladimir Dal'. 750 p.
- O. L. Fetisenko, ed. (2020). *Dnevnik A. E. Karabanovoi. 1819–1827*. Moscow: Rossiiskii fond kul'tury. 696 p.
- Gangeblov, A. S. (1888). *Vospominaniya dekabrista*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 282 p.
- M. I. Gillel'son, O. V. Miller, eds. (1989). *M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 672 p.
- E. V. Ivanova, ed. (2014). *V. V. Rozanov i K. N. Leont'ev. Materialy neizdannoi knigi*. St. Petersburg: Rostok. 1174 p.

- Kondakov, S. N., ed. (2002). *Spisok russkikh khudozhnikov k Yubileinomu spravochniku Imperatorskoi Akademii khudozhestv*. Moscow: Antik-Business-center. 607 p.
- Leont'ev, K. N. (1935). 'Moya literaturnaya sud'ba. Avtobiografiya', ed. S. N. Durylin, in: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow; Leningrad: Nauka. Vol. 22–24, 427–496.
- Leont'ev, K. N. (2000–2020). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem, 12 vols*, eds. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Leont'ev, K. N. (2016). 'Pis'ma k materi (1854–1856)', ed. O. L. Fetisenko, in: *Nashe nasledie*, 119, 62–78.
- Leont'eva, F. P. (2016). 'Neudavsheesya pokhishchenie. Taina starshego brata: Iz zapisok literatorki', ed. E. M. Varentsova, in: *Nashe nasledie*, 119, 79–85.
- Petrov, F. A., ed. (1991). *Obzor fonda muzeya "Staraya Moskva"*. Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury. 198 p.
- Solov'ev, V. D., ed. (1996). *Russkie khudozhniki XVIII–XX vekov. Spravochnik*. Moscow: Porogi. 752 p.
- Solov'ev, Vs. (1879). 'Konstantin Nikolaevich Leont'ev', *Niva*, 20, 381–382.
- Varentsova, E. M., Fetisenko, O. L., eds. (2020). *Konstantin Leont'ev: Semeinyi arkhiv: Dokumental'nye povesti, vospominaniya i dnevnikovye zapisi F. P. Leont'evoi. — Pis'ma*. (Arkhiv K. N. Leontieva, Vol. 1). St. Petersburg: Izdatelstvo "Pushkinskii Dom". 649 p.
- Zhdanova, I. F. (2006). 'Sud'ba kollektsii A. A. Aleksandrova v musee', in: *Sergievo-Posadskii musei-zapovednik. Soobshcheniya 2005*. Moscow: Indrik, 285–296.

Е. Р. Обатнина

ПИСАТЕЛЬ НА ФОНЕ СМЕНОВЕХОВСТВА: РЕМИЗОВ И ПРИШВИН¹

Резюме

В статье анализируются неоднозначные мотивы и причины, в силу которых литературная личность писателя как метрополии, так и диаспоры в начале 1920-х гг. невольно приобретала сменовеховские коннотации. Алексей Ремизов в течение первых двух лет своего пребывания в Германии, куда он сбежал, спасаясь от невыносимых условий жизни в России, сохранял свое право на возвращение в Петроград. В связи с таким добровольным положением «временного» эмигранта в истории литературного процесса начала 1920-х гг. ряд событий его творческой жизни оказался запечатлен «на фоне» сменовеховства. В статье впервые анализируется очерк Ремизова «Крюк. Память петербургская» (1922), содержание которого, на первый взгляд, выражало поддержку программе Н. Устрялова, нацеленной на возвращение эмигрантов на родину. Индивидуальный опыт восприятия сменовеховских идеологием представлен на примере двух моделей писательского поведения в конкретной идеологической ситуации: Ремизова как «временного» писателя-эмигранта в 1921–1923 гг. и Пришвина — писателя, после Октябрьского переворота занявшего позицию «внутреннего эмигранта». По материалам дневника Пришвина в статье развернута по-своему трагическая история рецепции очерка Ремизова «Крюк» (1922), а также раскрыто отношение двух писателей к понятию «патриотизм» — одному из основных тезисов движения «возвращенчества». Статья раскрывает в новом ракурсе историю отношений двух писателей-единомышленников и восстанавливает контекст неизвестной переписки 1922–1923 гг., фрагменты которой сохранились на страницах дневников Пришвина, а одно письмо было опубликовано в виде очерка Пришвина «Сопка Маир»

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда по гранту № 20-18-00007.

(«Накануне», 1922). Очерк содержит адресное обращение к Ремизову и «ответ» на очерк «Крюк». Статья является частью исследования творческой биографии Ремизова, осмысленной как отражение индивидуального опыта в истории русской эмиграции первой волны.

Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, сменовеховство, национал-большевизм, возвращенчество, внутренняя эмиграция, патриотизм, рецепция, идеология, писательское поведение, русский Берлин, зарубежная периодика

Elena R. Obatnina

THE WRITER IN THE LANDSCAPE OF THE SMENOVEKHOVSTVO: REMIZOV AND PRISHVIN

Abstract

The article analyzes the ambiguous motives and reasons that in the early 1920s, both at home and in the diaspora, influenced the literary personality of the writer in such a way that it involuntarily acquired the features inherent in the *Smenovekhovstvo* movement. For the first two years in Germany, where he fled to escape the unbearable conditions of life in Russia, Alexey Remizov retained the right to return to Petrograd. Due to this voluntary position of a "temporary" emigrant in the history of the literary process of the early 1920s, a number of events of his creative life was captured in the landscape of the *Smenovekhovstvo*. The article presents the first analysis of Remizov's essay "The Hook. Petersburg's Memory" (1922), which, at first glance, supports N. Ustryalov's program aimed at organizing the return of emigrants to their homeland. Individual perception of the *Smenovekhovstvo* ideologemes is discussed using the example of the behavior of two writers in a specific ideological situation. One is the case of Remizov as a "temporary" emigrant writer in 1921-1923, the other is the case of Prishvin as a writer who, after the October coup, took the position of an "internal emigrant". Based on Prishvin's diary, the article reveals the tragic story of the perception of Remizov's essay "The Hook" (1922) and the attitude of the two writers to the concept of "patriotism", one of the main motives of the "return home" movement. The article offers a new perspective on the history of the relationship between the two like-minded authors and restores the context of their unknown correspondence from 1922-1923, fragments of which have survived in Prishvin's diaries, and in one letter that was published as Prishvin's essay "Sopka Mair" ("The Hill Mair", 1922). The essay was addressed to Remizov and contained an "answer" to the essay "The Hook". This article is part of a study of Remizov's works, viewed as a reflections of individual experience in the history of the first wave of Russian emigration.

Keywords: first wave of Russian emigration, *Smenovekhovstvo*, National Bolshevism, *Vozvrashchenchestvo*, inner emigration, patriotism, reception, ideology, writer's behavior, Russian Berlin, Russian émigré periodical literature

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-91-111

Создатели и приверженцы идейно-политического направления, получившего название по изданному в Праге сборнику «Смена вех» (1921), видели одну из своих задач в изменении отношения русской эмиграции к новой России. Идеологи так называемого национал-большевизма расценивали узаконенный в 1917–1921 гг. политический режим как «национальный фактор современной русской жизни» [Устрялов, 1920, с. 5] и проявление особого мессианства, способного изменить социально-политический ландшафт старой Европы. В соответствии с этими выводами они призвали зарубежных соотечественников к сотрудничеству с большевиками на благо новой национальной государственности. В среде покинувшей Россию творческой интеллигенции подобные патриотические мотивы признания итогов Октябрьского переворота были приветственно восприняты лишь незначительной частью эмигрантов.

«Русский» Берлин из всех европейских столиц представлял собой наиболее значимый центр ассимиляции диаспоры и представителей метрополии — в лице отдельных советских «командировочных», осуществлявших в период НЭПа совместные проекты Госиздата с эмигрантскими издательствами. Не прекратившиеся в 1921–1922 гг. контакты с московскими и петроградскими литераторами зачастую способствовали внедрению энтузиазма строителей новой культуры в сознание тоскующих по родине беженцев². Только в Берлине оказалось возможным осуществление на средства ВКП(б) советского модуса сменовеховства, реализованного в создании такого печатного органа, как газета «Накануне», которая достаточно быстро объединила вокруг себя контингент, готовый к «смене вех».

История не зафиксировала массового и последовательного вовлечения представителей литературной эмиграции в сменовеховское движение. Из всей программы был усвоен скорее патриотический и гражданский пафос, сильно подогретый ностальгическими иллюзиями. Уже начиная с августа 1922 г. потянулся ручеек уезжающих в Россию: кто с громким политическим скандалом, как Алексей Толстой³, кто с отчетными Открытыми письмами в редакцию «Накануне», как И. С. Соколов-Микитов⁴, кто в эйфории, как, например, парижский поэт М.-Л. Талов — для долгожданной встречи с «Невестой» Россией⁵.

² См., в частности, о влиянии Б. Пильняка на настроения берлинских «возвращенцев»: [Гуль, 1927, с. 211]. Об этой же тенденции см. в аналитическом исследовании: [Квакин, 2006, с. 61].

³ См. [Толстая, 2005, с. 446–472; Толстая, 2013, с. 214–224].

⁴ [Соколов-Микитов, 1922, с. 7].

⁵ См. о нем: [Обатнина, 2018b, с. 35].

Алексей Ремизов в течение первых двух лет своего пребывания в Германии, куда он сбежал, спасаясь от невыносимых условий жизни в России, сохранял свое право на возвращение в Петроград. В связи с этим добровольным положением «временного» эмигранта ряд событий его творческой жизни 1921–1923 гг. по внешним признакам оказался в истории литературного процесса начала 1920-х гг. запечатлен «на фоне» сменовеховства. Эта же идеологическая декорация сопровождала появление в эмигрантской биографии писателя ранее неизвестного героя. В 1923 г. к числу новых знакомых Ремизова присоединился очередной посланник Советской России — Исая Григорьевич Лежнев, идеолог советского национал-большевизма, основатель и редактор единственного на советском пространстве 1922–1926 гг. «беспартийного» журнала «Новая Россия» («Россия»)⁶. Именно в результате редакционной деятельности Лежнева, опубликовавшего на страницах своего журнала автобиографию писателя, имя Ремизова было поставлено в контекст истории сменовеховства⁷. В свете этой публикации предполагавшееся в 1922–1923 гг. возвращение Ремизова в Россию могло быть воспринято по обе стороны советской границы как логическое следствие сотрудничества.

Патриотическая тема, прозвучавшая в программной статье идеолога движения Н. В. Устрялова «Patriotica» (1921), не обошла стороной писателей, оставшихся в России. Есть внутренняя закономерность в том, что проблема будущего России, поднятая зарубежными сменовеховцами, заставила вернуться в Москву из лесных дебрей Смоленщины М. М. Пришвина, давнего друга и единомышленника Ремизова. Для понимания неоднозначных причин, в силу которых литературная личность этого писателя, так же как личность Ремизова, приобрела сменовеховские коннотации, рассмотрим две взаимосвязанные модели писательского поведения в конкретной идеологической ситуации — Ремизова как «временного» писателя-эмигранта в 1921–1923 гг. и Пришвина — писателя, после Октябрьского переворота занявшего позицию «внутреннего эмигранта».

* * *

Алексей Ремизов, мучительно адаптируясь к жизни в Берлине и постоянно заявляя в печати о скором своем возвращении в Петроград⁸, разуме-

⁶ См. публикацию писем Лежнева, адресованных Ремизову: [Обатнина, 2021].

⁷ См.: [Ремизов, 1923, с. 25–26]. Подробнее историю публикации см. во вступ. статье к письмам Лежнева к Ремизову [Обатнина, 2021].

⁸ Подробнее см.: [Обатнина, 2018а].

ется, задавался вопросом, какие цели ставит перед собой сменовеховское движение, когда агитирует эмиграцию развернуться лицом к Советам. Для писателя-индивидуалиста всякое руководство его личной и творческой жизнью извне было достаточно подозрительным фактором, подразумевающим манипуляцию и ограничение свободного выбора. Свершившийся переворот воспринимался им как неминуемая катастрофа, обусловленная самим ходом истории России. В 1917 г. он вместе с Пришвиным и Соколовым-Микитовым еще пытался средствами политической сатиры противостоять насильственной большевистской власти⁹, но после Октября самоустранился от политических оценок новой реальности, публично защищая только общекультурные ценности. В эмиграции, вопреки ожиданиям соотечественников, не признававших Россию с большевиками, Ремизов неоднократно демонстрировал оптимистический взгляд на постреволюционное поколение литературной молодежи, хотя его позиция утвердилась независимо от сменовеховской агитации¹⁰. Не последнюю роль в политико-идеологической ориентации Ремизова за рубежом сыграло мнение находящегося в Германии М. Горького. Так, описывая в письме к жене встречу на открытии берлинского Дома ученых 20 мая 1922 г., писатель ограничился лишь короткой фразой: «Разговаривал и о „Вехах“. Горький *тоже* (курсив мой. — Е. О.) против» [Ремизов, 2018, с. 55]. Лапидарность высказывания в контексте ежедневной переписки является красноречивым подтверждением уже состоявшейся в сознании супругов оценки сменовеховства. Заметим, что вечер того же дня Ремизов провел в компании Алексея Толстого. «Рабоче-крестьянский граф», как вскоре прозвали Толстого и на родине, и за границей, к этому времени уже был изобличен в сотрудничестве со сменовеховской газетой «Накануне» и, готовясь к отъезду в Москву, публично заявил, что ради идеи «великодержавности России» он готов «признать реальность существования (...) правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России — нет», а также «делать все, чтобы помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни и т. п.» [Толстой, 1922, с. 2].

В отличие от зарубежных непримиримых борцов с большевизмом Ремизов и Горький ценили талант младшего соотечественника и даже сочув-

⁹ Подробнее см. [Субботин, 1992].

¹⁰ Возникшее тогда же евразийское направление по формальным признакам, исключая агрессивный антагонизм по отношению к Советам, с тем же успехом могло рассчитывать на привлечение Ремизова в свои союзники. О взаимоотношениях с евразийцами см.: [Письма Святополк-Мирского к Ремизову, 2003; Обатнина, 2019, с. 24–27].

ствовали его положению «изгоя»¹¹. Несмотря на давнюю историю отношений, в свое время омраченную именно специфической этикой «графа»¹², Ремизов, например, узнав об исключении Толстого не только из парижского Союза писателей, но также из берлинского писательского объединения, был поражен, насколько политическая составляющая устройства эмигрантской жизни оказалась существеннее, чем собственно профессионально-цеховая. В следующем письме он делился с женой: «Очень меня взволновало, узнал, что и здешнее „Литератур(ное) общест(во)“ изгоняет Толстого. Уж больно это нехорошо. Все-таки, что бы человек ни сделал, а лишать писател(ьского) звания нельзя» [Ремизов, 2018, с. 64]¹³.

Что касается личных взаимоотношений Ремизова с редакцией газеты «Накануне», то обошлось без притязаний на взаимную симпатию: писатель ни в газете, ни в ее литературном приложении никогда не печатался¹⁴, да и среди сотрудников «Накануне» не нашлось настоящих поклонников его таланта. Отклики наканунеевских рецензентов на две наиболее «ностальгические» книги Ремизова, посвященные памяти о России, — «Ахру. Повесть петербургская» (1922) и «Кукха. Розановы письма» (1923) — отличались непривычной резкостью трактовок ремизовских произведений¹⁵, которая в эти годы еще не проявлялась даже в лагере наиболее последовательных противников большевизма, зачисливших Ремизова за его связи с советской печатью в «красные» писатели. Вполне вероятно, что причиной негативного

¹¹ Ср. мнение о Толстом, высказанное З. Н. Гиппиус в письме С. П. Ремизовой-Довгелло 13 апреля 1922 г.: «...тут играл непримиримость, а теперь говорит, что т(ак) к(ак) он первый русский драматург, то обязан ехать в Россию, (...) для начала Толстой пошел в „Накануне“, цель которого, как объявлено, разложить и „доканать“ русскую эмиграцию...» [LampI, 1978, S. 172].

¹² Подробнее см. историю взаимоотношений, связанных с инцидентом на маскараде 1911 г. [Обатнина, 2001, с. 61–77].

¹³ Ср. позднюю авторскую редакцию этого фрагмента: «Что меня очень взволновало: узнал, что за парижским и наше берлинское „Литературное общество“ изгоняет А. Н. Толстого за „сменовеховство“. Все-таки, что бы человек ни сделал, а лишать его имени „писателя“ нельзя. А кроме того, Толстые не на каждом шагу, и кто это исключает, какие это писатели — „мошकारа“» [Ремизов, 2018, с. 56]. Ср. также письмо Горького Н. И. Бухарину от 1 июня 1922 г. по поводу скандала вокруг имени Толстого в эмиграции: «...вот, сейчас здесь травят Алексея Толстого, вероятно, сегодня ему устроят публичный скандал. С какой дикой злобой пишут о нем „Руть“ и „Голос“. А человек этот виноват только в том, что он — искренний человек и великолепный художник» (цит по: [Примочкина, 2003, с. 114]).

¹⁴ Среди корреспонденции Ремизова сохранилось одно письмо редактора только что образованной газеты «Накануне» (первый номер вышел 22 марта 1922 г.) Ю. В. Ключникова от 29 марта 1922 г., в котором говорится о необходимости встречи «по некоторым литературным делам» (Amherst College Center for Russian Culture, USA. В 1. F. 5. P. 2).

¹⁵ См. отклик, в значительной степени посвященный книге «Ахру» [Василевский, 1922], а также [Гуль, 1924].

восприятия ремизовских книг в этой среде послужил эффект своего рода обманутого ожидания, возникшего после первого значительного выступления писателя в эмигрантской печати с очерком «Крюк. Память петербургская» [Ремизов, 1922]¹⁶. Содержательный посыл этого, пожалуй, единственного в своем роде художественно-публицистического произведения, вписывающегося в парадигму автобиографической прозы писателя, по внешним признакам отвечал не только настроениям идеологов национал-большевизма, связывавших с Россией мечту о новом государстве, но и их призыву к эмигрантам возвращаться домой¹⁷.

Между тем только ангажированное сменовеховством читательское восприятие могло не заметить принципиальной разницы в содержании сходных культурных категорий и идей, с помощью которых Ремизов объективировал взгляд на реальность, совершенно независимый от идеологических влияний. Вынесенное в заголовок слово *Крюк* Ремизов возводил к немецкому *die Krücke* и на семантических значениях исходного корня обосновал тему «своей» России как единственной «опоры», позволяющей мыслить и работать. По самоощущению Ремизова, сконцентрированному на болезненной адаптации к положению эмигранта, «русскому писателю (...) без России никак невозможно» (с. 6).

В этой интерпретации с образом вынужденно покинутой родины связывается вовсе не великое будущее рабоче-крестьянского государства, обещающее большевиками, а напротив, лишенное поэтического ореола место приложения творческих сил — крюк, на который «вешают, *вешаются*, и которым крюком зацепив крючник *тяжести неохватимые тащит, крюк-опора* (курсив мой. — *Е. О.*)» (с. 6). В таких конкретно-объективных словообразах выразилась ремизовская мысль о России как о судьбе, и нередко гибельной судьбе, которую не выбирают, но которой неизбежно обречен следовать писатель, в отличие от художника, философа и ученого, преимущественно космополитичных в своем мировоззрении: «Писатель не философ, это философ, как балерина, музыкант и художник, — планетные, его куда хочешь ткни, везде ему дом от океана до океана и от пупа ледяного до пупа ледяного» (с. 6).

¹⁶ Текст был опубликован с авторской датировкой: *1. XII. 1921. Берлин*. Впоследствии очерк в сокращенной редакции включен в книгу «Ахру. Повесть петербургская» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922). Далее цитаты в тексте приводятся по первой публикации с указанием страниц в скобках.

¹⁷ Идея, в частности, была выражена в программной статье С. С. Чахотина «В Каноссу!» («Смена вех», 1921).

В очерке со всей определенностью была заявлена и тема национального самовыражения отечественной литературы, черпающей вдохновение в «русской стихии», что, с точки зрения вовлеченных в движение сменеховства читателей, несомненно, обнаруживало в Ремизове союзника, утверждающего особый мессианско-национальный характер русского народа. Восходящий к народническому идеализму постулат о сугубо национальном стремлении к воле заключался в тираде: «...пройди ты всю землю с края на край, нигде на всем свете так не пламенна мечта о воле, как только в России» (с. 7).

Характерно, что писатель, используя слово «воля», вкладывал в него не столько определение цели революционных преобразований в устройстве общества, сколько стихийную энергию неизбывной народной мечты, послужившую детонатором октябрьского катаклизма. Ремизов, остро переживая бедственное положение рунированной страны и не забывая о первых жертвах большевистского террора (о расстреле Гумилева он вспоминает в своем очерке дважды), рассказывал и о первых обнадеживающих признаках зарождения новой культуры, которая «проросла» на старом фундаменте и нуждалась в опыте и мастерстве писателей ушедшей России. Представитель творческого труда новой эры, по Ремизову, это, прежде всего, зрелый писатель — «не гость, а свой оголтелый», который, «пройдя весь крестный путь новой жизни (а ведь в мир идет новая жизнь!) сохранит ее огненную душу в слове» (с. 6), а также воспитанная им литературная молодежь, открытая как европейской, так и отечественной традиции. Писатель, спасшийся из советского Петрограда, вопреки ожиданиям многих соотечественников, более всего из пережитого в постреволюционном Петрограде ценил воспоминание о голодной, но радостной весне 1920 г., когда «Дом Искусств и Дом Литераторов огласился новыми молодыми птичьими голосами», «и эту весну, — признавался Ремизов, — не забыть» (с. 7). Публикация «Крюка» в первом номере «Новой русской книги» за 1922 г. стала частью эмигрантского дискурса, посвященного новой России, выразителями которого вместе с Ремизовым выступили Андрей Белый и И. Эренбург, — которые также находились под обаянием молодежных творческих сил весны 1920–1921 гг.¹⁸

¹⁸ Так, А. Белый в статье «Культура современной России», как и Ремизов, описывал тот же процесс обновления, участником которого стал сам: «Весной 1920 года повеяло вдруг какой-то бурной, полной новых возможностей весной: это „независимые“ люди новой, духовной революции перекликались друг с другом, пока безымянные...» [Белый, 1922, с. 3]. Между тем возвращение Белого в Москву в реальности не имело под собой идеологической подоплеки. И. Эренбург, находившийся за рубежом в качестве советского журналиста, также не нуждался в сменеховской идеологии.

Номинативный и даже эмблематический принцип ремизовских воспоминаний, несомненно ориентированных прежде всего на эмигрантскую аудиторию, призван был при помощи культурных сигнатур предъявить образ новой русской литературы, который для писателя был персонифицированно связан с именами его учеников — представителей группы «Серапионовы братья» и именами классиков единого культурного пространства:

«...какое имя у молодой поросли русской под огненный буй и шум?

Слышу — Гофмана — Гоголя — Достоевского —

А. Белого — Ремизова

— словарь — слово —

слово — исток письма

матерьял — Россия

современность

1918–1920» (с. 7–8).

Первенство имени Гофмана в ряду названных культурных ориентиров подчеркивало авторское убеждение в преемственной связи современной русской литературы с немецкой романтической традицией. Мысль об общности культурного пространства очевидным образом была противопоставлена идее мессианского предназначения России в европейском мире. Смысловое значение в очерке имеет и композиционное построение. Обрамлением основного текстового корпуса послужили короткие наблюдения этимологического характера с использованием несколько шокирующих просторечных реплик, не требующих пояснений в своей очевидности: «...крюк-опора — die Kücke — слово немецкое и очень-то нос задирать нечего!» (с. 6); «И вот еще: и не только крюк-опора, а и сама дратва — эта связь и спай — наша сапожная дратва — проволока, провод — der Draht — тоже немецкое слово и морду пожалуйста не вороти!» (с. 10).

Именно эти экспрессивные выражения заставляют задуматься о полемическом звучании очерка, который адресовался в том числе и сменовеховцам, выдвинувшим тезис об исключительности роли России для судьбы Европы. При помощи своих лингвистических находок автор упорно настаивал на том, что при всей самоценности русской национальной культуры она принадлежит европейскому пространству по естественному ходу становления, где с условной опорой-крюком соединены прочной связью (der Draht) явления языка и культуры. Таким образом, Ремизов подчеркивал принципиальное отличие собственных представлений о патриотизме от сменовеховской идеологии, пытавшейся внедрить в сознание соотечественников ложную мысль о национальном превосходстве России.

В эмигрантском сообществе «Крюк» был прочитан под кардинально разными углами зрения. Для зарубежных сменовеховцев очерк, очевидно, представлял собой публичное заявление известного писателя-эмигранта, в котором была сформулирована, в сущности, идея «особого пути России» и выражены надежды на сохранение в революционной буре культурного фундамента. Ремизовское же убеждение в том, что «русскому писателю да еще в такую пору — столпотворенную — без России никак невозможно» (с. 6), могло быть даже позаимствовано сменовеховцами для девиза движения «возвращенцев».

В другом лагере у Ремизова тут же нашлись оппоненты. Анонимный рецензент газеты «Руль», несомненно выражавший редакционную позицию категорического отказа от сотрудничества с «Совдепией», поставил под сомнение лингвистическую компаративистику писателя, язвительно заметив: «...пребывание в Берлине обогатило А. Ремизова познаниями в немецком языке, но познания эти пока, по-видимому, очень скромны. Только этим и можно объяснить, что он уверяет, будто русское слово „крюк“ обозначает то же самое, что немецкое „Krücke“. На этом он даже построил заглавие своего очерка. Приходится сказать ему, что Krücke совсем не „крюк“, а просто костыль. Значит, и вся игра слов пропадает [Руль, 1922, с. 6]¹⁹.

Однозначно негативно — как соглашательство с большевиками — расценила аналогичные высказывания Ремизова в эмигрантской прессе и З. Н. Гиппиус, представлявшая мнение парижской литературной и политической эмиграции, наиболее радикально настроенной к «Советам». Ее реакция, не лишенная сарказма, прозвучала в письме к жене писателя С.П. Ремизовой-Довгелло от 1 февраля 1922 г.: «...радость велія по этому поводу у большевиков, они на моих глазах это раздувают, везде кричат и на Ал(ексея) Мих(айловича) ссылаются, что вот и он понял советскую власть, и он советует эмигрантам возвращаться к ней, — в Россию» [Lampf, 1978, S. 171].

Таким образом, публикация очерка «Крюк» создала вокруг Ремизова конкретный идеологический контекст. Характерно, что и сменовеховцы, и их оппоненты увидели в новом произведении Ремизова только ожидаемый ими смысл. Однако тезисы идеологии национал-большевизма, особенно в том ключе левого народничества, который получил развитие на страницах просоветской газеты «Накануне», только формально совпадали с высказанными в «Крюке» ремизовскими оценками современных тенденций зарождающей-

¹⁹ Здесь стоит вступить за Ремизова, уточнив, что русское существительное «крюк» и немецкое «die Krücke» являются производными древнескандинавского «krókr» (крюк) [Фасмер, 1986, с. 390].

ся советской культуры. При внешнем сходстве с «виталистской риторикой» идеологов сборника «Смена вех», рассматривавших процессы становления Советского государства с точки зрения «философии самоутверждающейся жизни» [Дмитриев, 2010, с. 80], публицистический пафос очерка «Крюк» отличался тем, что был личным выражением чувства преданности культуре, неотделимой частью которой Ремизов себя ощущал²⁰.

* * *

Эмигрантские рецепты очерка «Крюк» кажутся вполне предсказуемыми, чего не скажешь о той «цепной реакции», которую спровоцировало это произведение в сознании оставшегося в России М. М. Пришвина. Начнем с того, что Пришвин испытывал искренний пиетет к литературной личности Ремизова, считая его поэму «Слово о гибели Русской Земли» (1917) «художественным памятником русского патриотизма», равнозначным «Слову о полку Игореве» и «Истории государства Российского» Карамзина [Пришвин, 2016, с. 195]. Пришвин был убежден в ремизовском особенном чувстве «родины», выражение которого не дискредитировалось политическими или националистическими мотивациями.

«Ремизов чрезвычайно оригинальный писатель, — писал он в своем дневнике, — единственный русский писатель-патриот; это слово — патриотизм — без чувства пошлости можно соединить с именем единственного писателя Ремизова. Я помню случайные сочинения, напр(имер), Родионова «Наше преступление», — в них также есть это чувство боли за Россию, но эта боль выводит в мрак, в публицистику черносотенца, Ремизов всегда остается чистым в грязи... Если спросить себя, можно ли было жить в России с ненавистью в сердце к поработителям народа и не примкнуть к лагерю людей, создавших ее гибель слева, то скажешь, что нельзя было, но Ремизов исключение: он мог жить так, как юродивый» [Пришвин, 2016, с. 59].

²⁰ В этом смысле Ремизов сближался с Андреем Белым, для которого понятие «патриотизм» имело отношение к ноосфере, которая возникла как результат творческой работы единомышленников, объединенных общей судьбой на фоне исторических сломов русской жизни. Уникальным «очагом» творческого свободомыслия в пореволюционные годы стала для Белого «Вольная философская ассоциация» («Вольфила»). Ср. высказывание, обращенное к Иванову-Разумнику по возвращении в Москву из Берлина в ноябре 1923 г.: «Да, Разумник Васильевич, я не только остался патриотом „Вольфила“, но стал также патриотом свободного „вольфильствования“. И — да, все высокое и светлое, что было пережито нами совместно в связи с русской революцией, стало в сознании еще выше и еще светлее, а сравнение современной Германии с современной Россией сделало меня „патриотом“ России (в особом скифском смысле). Ужасна Германия: организовано, бездыханно, серо, и „соглашательски“ тихо садится на дно» [Андрей Белый и Иванов-Разумник, 1998, с. 249].

Не изменилось это отношение и после того, как стало известно, что «Ремизов убежал за границу» [Пришвин, 2016, с. 289], потому что для самого Пришвина, укрывшегося в деревенской глуши от новой власти, в которой он явственно распознал Левиафана, петроградская жизнь была не ближе, чем для Ремизова, поселившегося в Берлине. Он так и писал Иванову-Разумнику, отвечая на торжество «скифа»-максималиста, узнавшего из газет, что их товарищ теперь «раскаивается» в своем решении эмигрировать:

«Вообще вас всех, ученых, образованных и истинных людей в Петербурге, я считаю людьми заграничными, и вы меня маните, как за граница, как бегство от чудища. (Что вы спорите с Ремизовым, где быть, в Питере или за границей, мне кажется делом вашим семейным.) Много раз я пытался уехать за границу (или в Питер), и каждый раз меня останавливала не мысль, а чувство, которого я выразить не могу и которого стыжусь: оно похоже на лень, которую Гончаров внешне порицает в Обломове и тайно прославляет как животворящее начало...» [Пришвин, 2016, с. 318–319].

В марте 1922 г. Пришвин, все же сделав над собой усилие, отправился в Москву на литературные заработки и сразу оказался в орбите деятельности И. Г. Лежнева. Обстоятельства их знакомства неизвестны, но уже во втором номере только что образованного журнала «Россия» появился очерк «Письмо из Батищева», практически объявивший о возвращении писателя в литературную жизнь столицы. Пришвин, очевидно, тогда же изучил программу сменовеховцев и четко представлял себе границы их целей. Например, по его наблюдениям, принципы дальнейшей политики национал-большевизма, намеченные соратником Лежнева В. Г. Таном-Богоразом, сводились к следующему: «Некоторый минимум мира необходим для творчества, и потому надо находить пути сближения с большевиками» [Пришвин, 2016, с. 359]²¹. Самого же редактора и идеолога советского сменовеховства он сразу отметил как человека, рожденного для осуществления НЭПа. Возможно, полагаясь именно на утверждения Лежнева, Пришвин в своем дневнике называет решающую силу современной советской жизни в ближайшей перспективе становления государственности. Это «мужик, мелкий буржуа — вот всему основа, и он, формируясь, овладеет процессом» [Пришвин, 2016, с. 359].

Лежнев, лично познакомившийся с Ремизовым осенью 1923 г., в своих письмах, адресованных писателю по возвращении в Москву, старался создать впечатление некоего литературного единомыслия и творческого союза

²¹ В издании Дневников [Пришвин, 2016], несомненно, допущена опечатка: не «Тон», а «Тан (Богораз)».

с отдельными представителями «старой» и «новой» литературы, входившими в ближайший ремизовский круг друзей. Поэтому имя Пришвина в его упоминаниях выполняло функцию «пароля», гарантирующего доверительность в общении корреспондентов. Отчитываясь по приезде из Берлина о выполнении ремизовских поручений, он писал: «Все книги с надписями и в Москве, и в Петрограде переданы по назначению. Особый энтузиазм проявлял М. М. Пришвин, который, кажись, собирается писать Вам»²².

Однако отмеченный Лежневым пришвинский «энтузиазм» был скорее лишь маскировкой подлинных настроений писателя. Отнюдь не радостной эмоциональной палитрой окрашен его дневник этого времени. Несколько дней спустя после упомянутой Лежневым встречи, 7-го ноября, Пришвин действительно принимается за письмо своим старым друзьям — супругам Ремизовым, которое начинает с рассказа о том, как публикация очерка «Крюк» в «Новой русской книге» изменила вектор его «самоустранения» от жизни «под чудищем», на возвращение к творческой активности: «Прощлый год, в это время, я выбрался из глуши в Москву, прочитал, что Вы пишете („Крюк“ и др.), обрадовался, взобрался сам на волну и начал сочинять свои писания» [Пришвин, 2009, с. 63].

Далее письмо в весьма прикровленной форме содержало поистине трагический рассказ о том, как желание воспрянуть творчески было встречено глухим и непроницаемым идеологическим заслоном. Он продолжал: «Если бы это волна была правильная, то непременно мы бы с Вами встретились, и я Вас все поджидал. Но это оказалась волна неправильная, сам шеф нашего литературного движения объявил, что литература отходит опять на задний план. Все мои большие замыслы разбиты, и опять из-за куска хлеба бьюсь, как рыба об лед. Опять не до писем без дела» [Пришвин, 2009, с. 63].

Как видно из строк черновика, Пришвин избежал пространных описаний пережитого потрясения, да и, судя по всему, вообще не отправил своего письма²³. Однако смысл пришвинских строк позволяет нам понять логику его действий как адекватных контексту сменовеховского движения. Что же могло особенно вдохновить Пришвина в очерке «Крюк»? Все, что он прочел о петроградской жизни, было ему хорошо известно, но вот не-

²² Amherst. Series 1. B. 1. F. 9.

²³ Очевидно, что и это письмо так и не было отправлено, хотя в дневнике писателя за 1924 г. встречаются краткие записи, свидетельствующие о планах написать Ремизовым. Не случайно лейтмотивом обоих писем стала мысль о невозвратном времени, когда писатели жили событиями общей истории и понимали друг друга без лишних объяснений. См. об этом в нашем комментарии к письмам Лежнева в изд.: [Обатнина, 2021].

зависимость его литературного учителя²⁴, который, находясь в эмиграции, в среде, по преимуществу оппозиционной «новому» русскому миру, написал о своих надеждах, связанных с Россией, не могла его не затронуть. И тогда он тоже возмечтал у себя в Москве выразить правдивый, индивидуальный взгляд на действительность, который оправдывал бы его участие в литературной жизни Страны Советов. Страницы дневника Пришвина за 1922 г. позволяют раскрыть «умолчания» в незаконченном письме Ремизову. На самом деле за недомолвками эпистолярного текста стояло желание рассказать о попытке напечатать книгу «Мирская чаша. 19-й год XX века» (другое название — «Раб обезьяний») и о его прошении к Л. Троцкому, написанном с очевидными, как ему казалось, аргументами от лица не «врага», а писателя, переживающего за будущее советской литературы. В официальном обращении к председателю Реввоенсовета он просил прочесть его повесть и содействовать ее публикации, поскольку судьба этого произведения оказалась в прямой зависимости от партийных установок. Предвидя реакцию на свое произведение, он писал: «...из беседы с т. Воронским выяснилось, что едва ли цензура ее разрешит, т. к. повесть выходит за пределы данных им обычных инструкций. За границей я ее печатать не хочу, так как в той обстановке она будет неверно понята, и весь смысл моего упорного безвыездного тяжкого бытия среди русского народа пропадет. Словом, вещь художественно-правдивая попадет в политику и контрреволюцию. Откладывать и сидеть мышью в ожидании лучших настроений — не могу больше. Вот я и выдумал обратиться к Вашему мужеству, да, советская власть должна иметь мужество дать существование целомудренно-эстетической повести, хотя бы она и колола глаза» [Пришвин, 2016, с. 354].

Через некоторое время партийный руководитель передал писателю через Воронского свое мнение: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна» [Пришвин, 2016, с. 362–363].

Эти события из пришвинской биографии относились к сентябрю 1922 г., а весной 1923-го в борьбе за право на свое индивидуальное творчество, отстаивая свой «дом личности», как он выразился в письме к Троцкому [Пришвин, 2016, с. 354], Пришвин с марта по май публикует три очерка в берлинской «Накануне». Заметим, что в это время филиал редакции газеты уже

²⁴ Ср. также отклик на воспоминания Ремизова и Гиппиус, опубликованные в эмигрантской печати: «До чего хорошо написал Ремизов о Розанове во 2-м №-е „Окна“ и тоже Гиппиус в 3-м „Окне“. Вот старики! у нас тут и не веет даже...» [Пришвин, 2009, с. 204; запись от 22 сентября 1923 г.].

открыт в Москве и некоторые «попутчики», не допускающиеся на страницы пролетарской печати, публиковались в Берлине²⁵.

Дневник Пришвина не раскрывает истории его взаимоотношений с накануневцами. О факте сотрудничества писатель упоминает *post factum* и лишь в связи с сомнениями, отвечать на письмо Ремизова или нет. В дневнике от 16 марта 1923 г. Пришвин оставил эмоциональную запись: «Приехала Мар. Мих. Шкапская из Берлина. Иду к ней, говорят, Ремизов через нее мне что-то хочет передать, если это будет упрек за сотрудничество с А. Толстым в „Накануне“, я отвечу Ремизову, что обнять Алешу ничего, в худшем случае он пёрднет от радости и через минуту дух разойдется, а довольно раз поцеловать Пильняка, чтобы всю жизнь от следов его поцелуя пахло селедкой» [Пришвин, 2009, с. 7].

Еще только собираясь прочесть ремизовское послание из Берлина, Пришвин уже испытывал прессинг коллективного мнения, угнетающего его личный выбор свободного писателя. Сразу оговоримся, что опасения были сильно преувеличены болезненным переживанием самого Пришвина, которому вообще были свойственны рефлексии на тему ответственности за личные поступки перед судом истории²⁶. Процитированная эскапада обнаруживает очевидный факт соотнесения Ремизова с Б. Пильняком, к которому Пришвин в 1923 г. после кратковременного сближения 1922 г. уже испытывал недоверие не только как к умевшему до известной степени совмещать авторскую свободу и толерантность к официальной идеологии²⁷, но и как к носителю совершенно иного писательского опыта. Для Пильняка, как судил Пришвин, Октябрьская революция и ее последствия представляли собой богатый литературный материал и одновременно повод к искусственной возгонке энтузиазма и патриотизма. К чувствам Пришвина примешивалась

²⁵ См., в частности, о сотрудничестве М. Булгакова в комментариях [Булгаков, 1989, с. 84–88]. Ср. принципиальную позицию А. А. Ахматовой, опротестовавшей публикацию своих стихотворений, появившихся в «Накануне» без ее ведома (см.: Литературные записки. 1922. 1 авг. С. 23). См. также: [Рубинчик, 2019, с. 41–55].

²⁶ Комплекс вины, связанный с прецедентами публикаций в «Накануне», по-видимому, проявился в другой дневниковой записи, которая отражает психологию интеллигента, осознающего свою причастность к российской истории: «Я — виноват, это значит, я — свободный человек, то есть я что-то сделал свободно, что-то причинил — я! И я же изменил этот путь свой, нахожу его неправым: я виноват, делайте со мной что хотите, я отдаю свое прошлое на казнь (вам ведь нужен козел отпущения), но что бы вы ни делали с ним, с моим прошлым, в настоящем я — свободен, это другое я, и в будущем жизнь моя будет другая» [Пришвин, 2009, с. 18].

²⁷ Мирозозренческие расхождения Пришвина с Пильняком начались в 1922 г., когда выяснилась разность писателей в художественном описании революционной действительности в романе Пильняка «Голой год» и пришвинской «Мирской чаше». Подробнее см. в черновиках писем Пришвина своему оппоненту [Пришвин, 2016, с. 360–361].

и обида, что в эмиграции на место друзей-единомышленников в окружении Ремизова заступили друзья-«подмастерья»²⁸, об эпигонстве которых он с досадой задавался вопросом: «Почему посев Ремизова дает такие дурные всходы, почему у него переняли только манеру (довольно дурную), а все его святое (возрождение России) осталось втуне?» [Пришвин, 2009, с. 8].

Пришвинские публикации в «Накануне» выглядят также намеренным контр-действием по отношению к Пильняку, который в мае 1922 г. отличился небывалой принципиальностью, публично в эмигрантской печати отказавшись от сотрудничества с газетой. В своем заявлении писатель, внешне охранявший личную свободу от влияния партий и идеологий, мотивировал принятое решение тем, что печатающиеся в газете выбирали позицию отчуждения от России, вместо того чтобы писать о ней изнутри. Его заявление имело очевидное созвучие с основной темой очерка Ремизова «Крюк» («русскому писателю без России никак невозможно»), однако уже не ставило под сомнение справедливость избранного социалистического пути: «Тем, кто хочет быть с Россией, — должно быть в России — должно перепроверить свои вехи, — тем надо знать будни России» [Пильняк, 1922, с. 43].

Весной 1923 г. Пришвин после провала его повести «Мирская чаша» демонстративно публикуется в «Накануне» как человек, знающий всю изнанку современной советской жизни: от глухой деревни, где среди общей растерянности человек, как и встарь, жив милосердием, — до московской, где, по его словам, наступило «время садического совокупления власти с литературой» [Пришвин, 2016, с. 254]. Если первые два очерка Пришвина были посвящены деревенским реалиям, то третий — «Сопка Маира» — представляет собой послание, в котором он, обращаясь к некоему «зарубежному другу», описал создавшийся в Москве непреодолимый тупик для свободной творческой работы. Исследователи справедливо угадывают за мифическим зарубежным корреспондентом вполне конкретного Ремизова²⁹. Однако мотивы для такой адресации актуализируются только в связи с содержанием очерка «Крюк». Сопоставив фрагменты неотправленных пришвинских писем с историей несостоявшейся публикации его «Мирской чаши», мы определенно можем сказать, что очерк «Сопка Маира» представлял собой «открытое письмо», в котором содержался ответ на оптимизм ремизовского «Крюка», воспринятый Пришвиным как патриотическое «прекраснодушие».

²⁸ Историю отношений писателей см. во вступительной статье к публикации: [Пильняк — Ремизов, 2003], а также в материалах эпистолярного наследия [Пильняк, 2010, по именному указателю].

²⁹ См. коммент. в изд.: [Пришвин, 2004, с. 601].

Если очерк «Сопка Маира» в манере инверсивной иронии, замещающей чувство патриотизма чувством благодарности американскому фонду помощи, рассказывает о нищете и неустройстве писательского быта и об упадке профессиональных навыков издательских работников, превращающих усилия писателя в фарс, то дневниковые записи констатируют совершенно безвыходную ситуацию: «...я понял, что я в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи, потому что мне видны только страдания бедных людей и еще теперь — торжество богатых и властных, что я под игом никогда не обрету себе в душе точки зрения, с которой революция наша, страдания наши покажутся звеном в цепи событий, перерождающих мир» [Пришвин, 2004, с. 369].

В первых строках послания Ремизову Пришвин подчеркивает осознанный выбор печатного органа для своего глубоко личного послания. «...Но я в „Накануне“ потому и пишу, что это доходит до Вас, а когда я думаю иногда, что по каким-то совершенно случайным и внешним для нас обстоятельствам мы, быть может, совсем и не увидимся, то становится грустно» [Пришвин, 2004, с. 535].

По-видимому, Пришвин, воспринявший «Крюк» как «сменовеховское» произведение, использовал свою публикацию «Сопки Маира» в «Накануне» как личное предупреждение Ремизову о том, что весна 1920 г. была лишь случайным эпизодом в ходе становления новой, полностью контролируемой властью культуры. С возвращением в Москву для него наступила личная «смена вех»: от внутренней эмиграции к коллективной жизни Союза писателей, окунувшись в которую он почувствовал себя еще более «чужим» в родной стране. Осенью 1923 г. нравственное чувство подсказывало, что выбранный им рупор газеты «Накануне» ошибочен. После краха с публикацией «Мирской чаши» рельефно раскрылся истинный образ сменовеховца: «Все время, пока я вот уже месяц в Москве бегаю, мне кажется, что это не я бегаю и устраивает, что это существо живучее, проворное, жадное старается, как все, приспособиться, это какой-то действительно цинический сменовеховец или барон Кыш³⁰, все время я чувствую себя не только в обезьяньем мире, но и порождающим обезьяну» [Пришвин, 2004, с. 363].

Характерно, что титулованный «князь» Обезьяньей Великой и Вольной палаты М. М. Пришвин³¹ в своем духовном одиночестве не был расположен к ремизовской трактовке образа обезьяны как благородного антипода

³⁰ Герой повести «Мирская чаша».

³¹ О статусе Пришвина в ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной палате см.: [Пришвин — Ремизов, 1995, с. 164].

человека. Его понимание реальности шло вослед ницшеанской мысли об извращении человеческой природы. Вместе с тем ремизовская идея обезьяньего братства как союза свободно мыслящих творческих людей все же отразилась в модусе поступков двух писателей, отличавшихся независимостью взглядов. Стоит признать, что «Крюк», несмотря на идиллический настрой по отношению к «новой культуре», был очевидной манифестацией позиции писателя, независимой от политически обусловленных мнений и идеологической конъюнктуры.

Литература

- Андрей Белый и Иванов-Разумник, 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
- Белый, 1922 — *Белый А.* Культура современной России // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 3.
- Булгаков, 1989 — *Булгаков М. А.* Письма: жизнеописание в документах / Вступ. ст. В. В. Петелина, коммент. В. И. Лосева и В. В. Петелина. М.: Современник, 1989. 576 с.
- Василевский, 1922 — *Василевский И. (Не-Буква)*. Хихиканье в уголке: (Алексей Ремизов. «Шумы города») // Накануне. Лит. прил. 1922. 31 декабря, № 33. С. 13–15.
- Гуль, 1924 — *Эрг [Гуль Р. Б.]*. Алексей Ремизов. Кукха. Розановы письма. Изд-во З. И. Гржебина. 1923. (125 стр.): [Рец.] // Накануне: [Лит. неделя]. 1924. 23 марта, № 69 (586). С. 7.
- Гуль, 1927 — *Гуль Р.* Жизнь на Фукса. М.; Л.: Госиздат, 1927. 272 с.
- Дмитриев, 2010 — *Дмитриев А.* Большевики, интеллигенты и российская само-бытность: к истории сменовеховских диагнозов // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э. А. Паина. М., 2010. С. 70–95.
- Квакин, 2006 — *Квакин М. В.* Между белыми и красными: Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего пути. [М.]: Центрполиграф, 2006. 412 с.
- Обатнина, 2001 — *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 383 с.
- Обатнина, 2018a — *Обатнина Е. Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А. М. Ремизова // Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. / [Отв. ред.-сост. Н. А. Прозорова]. СПб.: Росток, 2018. С. 11–47.
- Обатнина, 2018b — *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 8–45.
- Обатнина, 2019 — *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «La vie», или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 14. С. 8–44.

- Обатнина, 2021 — Письма И. Г. Лежнева А. М. Ремизову (1923–1926) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. СПб.: Росток, 2021. Кн. 3 (в печати).
- Пильняк, 1922 — *Пильняк-Вогану Б.* В редакцию Новой русской книги // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 43.
- Пильняк, 2010 — *Пильняк Б. А.* Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 1: 1906–1922. 567 с.; Т. 2: 1923–1937. 671 с.
- Пильняк — Ремизов, 2003 — Учитель или подмастерье? Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Д. Кассек // Новое литературное обозрение. 2003. № 3 (61). С. 247–272.
- Письма Святополк-Мирского к Ремизову, 2003 — «...С Вами беда — не перевести»: Письма Д. П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Альм. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. [Вып.] 5. С. 335–401.
- Примочкина, 2003 — *Примочкина Н. Н.* Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 364 с.
- Пришвин, 2004 — *Пришвин М. М.* Цвет и крест: Неизвестные произведения 1906–1924 годов / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. В. А. Фатеев. СПб.: Росток, 2004. 606 с.
- Пришвин, 2009 — *Пришвин М. М.* Дневник, 1923–1925 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток, 2009. 559 с.
- Пришвин, 2016 — *Пришвин М. М.* Дневник 1920–1922 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. 2-е изд., испр. СПб.: Росток, 2016. 494 с.
- Пришвин — Ремизов, 1995 — Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 157–209.
- Ремизов, 1922 — *Ремизов А.* Крюк. Память петербургская // Новая русская книга. 1922. № 1. Февраль. С. 6–10.
- Ремизов, 1923 — Ремизов о себе // Россия. 1923. № 6. С. 25–26.
- Ремизов, 2018 — *Ремизов А. М.* «На вечерней заре»: Главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е. Р. Обатниной, подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81.
- Рубинчик, 2019 — *Рубинчик О.* «Не с теми я...»: Анна Ахматова и Наталия Крандиевская // Сюжетология и сюжетография. 2019. Т. 2. С. 41–55.
- Руль, 1922 — «Новая русская книга». 1922. № 1: [Рец.] // Руль. 1922. 26 февр., № 390. С. 6 (без подписи).
- Соколов-Микитов, 1922 — *Соколов-Микитов И.* Письмо А. Н. Толстому («Я теперь счастлив тем, что я в России...») // Накануне. Лит. прил. 1922. 15 окт., № 22. С. 7.
- Субботин, 1992 — *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература. 1992. № 1. С. 205–215.
- Толстая, 2005 — *Толстая Е. Д.* Человек меняет веки: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 446–472.

- Толстая, 2013 — Толстая Е. Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.
- Толстой, 1922 — Открытое письмо Гр. А. Толстого Н. В. Чайковскому // Накануне. 1922. 14 апреля, № 17. С. 2.
- Устрялов, 1920 — Устрялов Н. В. В борьбе за Россию: (Сборник статей). Харбин: Окно, 1920. 84 с.
- Фасмер, 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. 2-е стер. изд. М.: Прогресс, 1986. Т. 2: Е–Муж. 671 с.
- Lampf, 1978 — Lampf H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 164–194.

References

- [Anonym] (1922). 'Novaya russkaya kniga. 1922. № 1. [Critique]', *Rul'*, 26 fevr., No 390, 6.
- Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. *Perepiska* (1998). A. V. Lavrov, J. Malmstad, T. V. Pavlova, ed. St. Petersburg: Atheneum; Pheniks. 736 p.
- Belyi, A. (1922). 'Kul'tura sovremennoi Rossii', *Novaya russkaya kniga*, 1, 3.
- Bulgakov, M. A. (1989). *Pis'ma: zhizneopisanie v dokumentakh*. V. I. Losev, V. V. Petelin, ed. Moscow: Sovremennik. 576 p.
- Dmitriev, A. (2010). 'Bol'sheviki, intelligenty i rossiiskaya samobytnost': k istorii smenovekhovskikh diaznozov', in: E. A. Pain, ed. *Ideologiya "osobogo puti" v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya*. Moscow: Tri kvadrata, 70–95.
- Erg [R. B. Gul'] (1924). 'Aleksi Remizov. Kukha. Rozanovy pis'ma. Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina. 1923. (125 str.). [Retsenzija]', *Nakanune [Lit. nedelya]*. 23 mar., No 69 (586), 7.
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Vols. 1–4. O. N. Trubachev, transl., B. A. Larin, ed. Moscow: Progress. Vol. 2. 671 p.
- Gul' R. (1927). *Zhizn' na Fuksa*. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 272 p.
- Kvakin, M. V. (2006). *Mezhdubelymi i krasnymi: Russkaya intelligentsiya 1920–1930 godov v poiskakh Tre't'ego puti*. Moscow: Tsentrpoligraf. 412 p.
- Lampf, H. (1978). 'Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello', *Wiener slawistischer Almanach*. Vol. 1, 155–194.
- Obatnina, E. (2001). *Tsar'Asyka i ego poddannye: Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 383 p.
- Obatnina, E. R. (2018). 'Etyudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: nachalo emigratsii. 1921–1922 gody', *Literaturnyi fakt*, 7, 8–45.
- Obatnina, E. R. (2018). 'Rossiya v pis'menakh: sovetskaya korrespondentsiya v emigrantskom arkhive A. M. Remizova', in: *Literaturnyi arkhiv sovetskoi epokhi: sbornik statei i publikatsii*. [N. A. Prozorova, ed.]. St. Petersburg: Rostok, 11–47.
- Obatnina, E. R. (2019). 'Etyudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: "La vie", ili zhizn' "chudesnym obrazom". Parizh, 1924–1925', *Literaturnyi fakt*, 14, 8–44.
- Otkrytoe pis'mo Gr. A. Tolstogo N. V. Chaikovskomu (1922), *Nakanune*, 14 apr., No 17, 2.
- Pil'nyak-Vogau, B. (1922). 'V redaktsiyu Novoi russkoi knigi', *Novaya russkaya kniga*, 5, 43.
- Pil'nyak, B. A. (2010) *Pis'ma*. K. B. Andronikashvili-Pil'nyak, D. Kassek, ed. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk. Vols 1. 567 p. Vol. 2. 671 p.

- Pis'ma I. G. Lezhneva A. M. Remizovu, 1923–1926 (2021), E. R. Obatnina, ed., in: *Literaturnyi arkhiv sovetskoj epokhi: sbornik statej i publikatsij*. St. Petersburg: Rostok. Vol. 3 [In print].
- Pis'ma M. M. Prishvina k A. M. Remizovu (1995). E. R. Obatnina, ed., *Russkaya literatura*, 3, 157–209.
- Primochkina, N. N. (2003). *Gor'kii i pisateli russkogo zarubezh'ya*. Moscow: Institut mirovoj literatury Rossijskoj akademii nauk. 364 p.
- Prishvin, M. M. (2004). *Tsvet i krest: Neizvestnye proizvedeniya 1906–1924 godov*, ed. V. A. Fateev. St. Petersburg: Rostok. 606 p.
- Prishvin, M. M. (2009). *Dnevnik 1923–1925*, ed. Ya. Z. Grishina, L. A. Ryazanova. St. Petersburg: Rostok. 559 p.
- Prishvin, M. M. (2016). *Dnevnik 1920–1922*. Ya. Z. Grishina, A. V. Kiseleva, L. A. Ryazanova, ed. St-Petersburg: Rostok. 494 p.
- Remizov, A. (1922). 'Kryuk. Pamyat' peterburgskaya', *Novaya russkaya kniga*, 1, 6–10.
- A. M. Remizov. 'Na večernej zare. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S. P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gody' (2018). E. R. Obatnina, A. S. Uryupina, ed., *Literaturnyi fakt*, 7, 46–81.
- 'Aleksij Remizov o sebe' (1923), *Rossija*, 6, 25–26.
- Rubinchik, O. (2019). "Ne s temi ya...": Anna Akhmatova i Nataliya Krandievskaya', in: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. Vol. 2, 41–55.
- '...S Vami beda — ne perevesti. Pis'ma D. P. Svyatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)'. R. Kh'yuz, ed. (2003), *Diaspora*. Paris: Atheneum; St. Petersburg: Feniks, 5, 335–401.
- Sokolov-Mikitov, I. (1922). 'Pis'mo A. N. Tolstomu ("Ya teper' schastliv tem, chto ya v Rossii...")', *Nakanune. Literaturnoe prilozhenie*, 15 oct., No 22, 7.
- Subbotin, S. I. (1992). 'K atributsii psevdonimnykh sochinenij iz *Prostoi gazety*', *Russkaya literatura*, 1, 205–215.
- Tolstaya, E. D. (2005). 'Chelovek menyaet vekhi: Aleksei Tolstoj po puti iz Parizha v Berlin', in: *Shipovnik. K 60-letiju Romana Davidovicha Timenchika*. Moscow: Vodolej Publishers, 446–472.
- Tolstaya, E. D. (2013). *Klyuchi schast'ya: Aleksei Tolstoj i literaturnyi Peterburg*. Moscow: No-voe literaturnoe obozrenie. 544 p.
- Ustryalov, N. (1920). *V bor'be za Rossiju. Sbornik statej*. Kharbin: Okno. 84 p.

М. Н. Власова

ТАЙНЫ СУДЬБЫ (СЮЖЕТ О ГАДАНИИ У ЦЕРКОВНОГО ЗАМКÁ)

Резюме

В статье проанализированы варианты и версии сюжета, бытующего на Терском берегу Белого моря: о гадании на паперти, у замка, запирающего церковь. В крестьянских поверьях и прозе пространство церкви, в особенности ночью, насыщено трансчеловеческим присутствием; здесь сосредоточены и противостоят сверхъестественные существа и силы самой разной природы.

Структура и семантика сюжета рассмотрены в сопоставлении со структурой и семантикой типологически родственных повествований. Основная цель автора — показать неоднозначность актуализируемых сюжетом представлений о предопределении, судьбе и пределах человеческого знания.

Ключевые слова: фольклористика, этнография, традиционное мировоззрение, несклочная проза

Marina N. Vlasova

MYSTERIES OF FATE: FORTUNE TELLING AT THE CHURCH LOCK

Abstract

This study analyzes variations and versions of a plot typical for the folklore of the Tersk coast of the White Sea: fortune telling on the church-porch at the lock that seals the church. In

© М. Н. Власова, 2020

peasant beliefs and stories, the church space is full of a superhuman presence, especially at night. Supernatural beings and forces of various nature gather here and fight. The structure and semantics of the plot are examined in comparison with the structure and semantics of typologically related narratives. The main goal is to show the ambiguity of ideas about predetermination, fate and limits of human knowledge actualized by the plot.

Keywords: folkloristics, ethnography, traditional worldview, folk stories

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-112-142

Корпус повествований о гаданиях в русской традиции обширен. Он включает и сюжетные повествования (былички), и «бессюжетные» рассказы, детально описывающие тот или иной способ «узнавания судьбы».

Гадания не теряли притягательности на протяжении столетий. Примета с гаданием и ворожкой издревле была неотъемлемым атрибутом языческих верований [Сенаторский, 1883, с. 5, 11].

После принятия христианства практика «угадывания судьбы», согласно церковным канонам подвластной одному лишь Богу и одному Ему ведомой, была осуждена Церковью, но оказалась неискоренимой.

В этом контексте особый интерес представляют варианты и версии сюжета, бытующего на Терском берегу Белого моря, — о гадании непосредственно у церковного здания, на паперти, у замка, запирающего церковь.

В 80-х гг. XX в. этот сюжет я записывала неоднократно; иногда его рассказывали кратко и как бы с опаской.

«Кто к церковному замку гадать ходит... Пол весь под ним ходит, шевелится, кверху поднимается. Кто ходил к замку, тот свою смерть знал: когда умрет»¹.

«Матка гадала. В церкви у замка гадала.

Все половицы под тобой перевернет, на одной мостинке окажешься!»²

Известны и две развернутые версии этого повествования³.

В тексте, опубликованном Балашовым⁴, человек, гадавший у церковного замка, не только узнает час своей смерти, но и завещает детям прийти к нему на могилу в двенадцать часов ночи, чтобы он им «все (...) рассказал»

¹ Архив собирателя М. Н. Власовой (далее — АС), Варзуга Терского р-на Мурманской обл., С. С. Чунина, 1922 г. р., 1984.

² АС, Варзуга Терского р-на Мурманской обл., С. С. Чунина, 1922 г. р., 1984.

³ Возможно, что этот сюжет записан в большем количестве версий и вариантов и я не обладаю всей полнотой информации. На Терском берегу он известен преимущественно в д. Варзуге и в развернутых версиях связывается с именем варужанина Гаврилы Чунина.

⁴ Запись сделана Д. М. Балашовым в 1961 г. от Еликоницы Иоакимовны Мошниковой, 1922 г. р., жительницы д. Варзуги.

(вероятно, поведал бы об их будущем либо о судьбе мира) (дети, кстати, этот завет не исполняют).

«Дедко Гаврил жил на конци деревни, Павлинов отец. У него еще было детей много, он на трех женах был женат.

Вот он в двенадцать часов ночи пошел к церковному замку. Оделся в рубаху, в кальсоны чистые — бывало и так, что живые не вертались оттуда, — ночью мимо церкви-то бежишь, так ноги в ж... утыкают!

Пришел к замку, — уж не знаю, как они спрашивают, — и вот на паперти заперебирает пол, прямо по одной половине. Сначала там, в церкви, потом под ним, все крыльцо заперебирает, все мостинки ребром станут. А дедко был не трусливого десятка.

И вот человек-то к нему выходил или через замок говорили? Через замок. И ему всё говорили оттуда. И он про всех узнал. Какая жись у всех будет и кто когда умрет. Он велел детям-то придти на могилу в двенадцать часов ночи (*тогда бы он вышел из могилы и рассказал*), а они не ходили. Ну, он знал, когда ему смертный час-то придет, и совпало.

А шел обратно: подойдет вперед и поворотится назад, а то черт догонит. И так он все шел домой» [Балашов, 1970, с. 342].

Моя запись, сделанная также от Е. И. Мошниковой почти через четверть века (в 1987 г.), в общих чертах повторяет текст, зафиксированный Балашовым:

«Ну вот, у церковного замка. Я старика-то того уже не знаю, знаю его сыновей. А был Гаврила такой. Гаврила Чунин. Ну, в молодости, — ну такой заугарина был он! Никого, ни чёрта, ни лешего, никого не боялся.

Стали они с ребятами спорить, что „пойду слушать к церковному замку“. Ну вот, надо к церковному замку пойти в двенадцать часов ночи. Ну, он пошел. А ребята, это, стали подзадоривать, мол... В то время к церковному замку пойти — знаешь как, оторопь берет!

Ну вот, он пришел там (*я не знаю как, что там надо говорить*). Ну вот, он два раза сходил, ему ничего не сказали.

— Ты приходи на третий! — Голос. Там из церкви голос, что: „Приходи на третий раз. Вот приходи во всем чистом“.

Это как бы испытание на твердость духа. Ну вот, он пошел с дому, оделся все в чисто — то есть нижнее белье имеется в виду. Пришел к замку (*вот не знаю, что надо говорить там, что он не так просто пришел, надо что-то сказать, наверно...*) Ну вот. И... Под ним все половицы... Он стоит вот тут. Вот у этой церкви он стоял, в которой сейчас амбар у нас. Все половичины у него перевернулись ребром! Так все ходуном заходило! И он устоял. И потом голос оттуда:

— Раз ты выдержал (*дня-то два тоже были какие-то ему испытания, а вот на третий раз вот под ним половицы все эти ребром стали, и тогда — голос ему*), а сейчас, — говорит, — раз ты выстоял, то есть все испытания вынес, сейчас я, — говорит, — расскажу всю твою судьбу!

Вот. А он в то время стоит. Молодой был.

— Вот ты, — говорит, — женишься три раза. У тебя будет три жены. От первой жены у тебя будет столько-то детей, от второй жены у тебя будет столько-то детей. И у третьей жены у тебя будет столько-то детей. И вот в такой-то месяц, в такой-то день, в такой-то час ты умрешь!

Действительно, он женился на трех женах. От у него первая была Матрена, от ней был — Фалалей, Михаил (*я хорошо знаю этих мужиков, погибли, один — на фронте*). От второй жены у него был (*ту-то звали Матрена, вторая — Евгения*), была, это, Аня, дочь, Гаврил. Было еще две девушки, да они утонули. (*Там у нас есть остров такой, в острове. Там два озера есть, утонули в озере — они в озере катались на санках, ледок-то тоненький был, провалились.*) Вот это — от второй жены. Он женился на третьей, Матреной звали (*ту я тоже хорошо знаю*). Вот столько-то детей у них было: Женька, Сашка, Настя и Тонька! Пять. Вот так все.

А когда пришел час ему помирать, он сказал, что: „Я вот в такой-то час умру!“

Вот именно, очень страшное гадание, и далеко не каждый может вынести. Надо, вишь, назад пойти-то, чтобы не оглядыватца!»

Запись этого, по-видимому, достаточно устойчивого сюжета была сделана мною и в 2008 г., от Тамары Владимировны Дьячковой, также варзужанки.

«(Соб.: — *А у церковного замка гадали у вас?*)

— Гадал ходил один. {...} Очень страшное гадание! Вот мама-то и рассказывала, как гадали-то. Гадал ходил Гаврил Чунин дак. Вот здесь был Захар, там — Павлин. Вот их отец — Гаврил. Не помню, как отчество. Давно дело было дак. „Пошел, — говорит, — оделся во все чистое“. Оделся, всё, пошел. Но потом сказал: „Никому больше не советуно ходить!“

(Соб.: — *А в какое время?*)

— В Святки. Ночью ходил. Ходил — как отбивался-то. „Пошел — полны карманы гвоздья, — говорит, — набрал“. Ну, пришел, всю судьбу узнал свою. И всё, обратно пошел.

(Соб.: — *А гвозди зачем?*)

— От дьявола-то надо отбиватца! Дьявол сзади бежит. „Бежу-бежу, — говорит, — наперед пятами повернусь, следы запутать. И гвозди по сторонам кидаю. Он пока гвозди-то соберет, я опять вперед бежу. (*Жил-то далеко,*

в верхнем концы, дак пока убежал дак...) Гвозди-то и выкидываю, пока гвозди-то собирает — я опять вперед и убежу. Опять слышу взади топот... Опять поворачиваюсь, вперед пятами иду, опять начинаю гвозди кидать. Опять вперед. Ну, и убежал!“

(Соб.: — Дьявол за ним от самой церкви гнался?)

— Да, от самой церкви. У этой церкви гадал, у Петропавловской.

(Соб.: — Как дьявол мог в церкви оказаться?)

— Он не в церкви, он на улице был, дьявол. Обратно-то пойти... „Стою, — говорит, — ну все мостки перевернуты, ну все мостки перевёрнуты, на одной доске стою!“ Потом доски обратно все положитцы. Он на паперти гадал-то. На крыльце, на улице, у замка-то, дак на улице. ⟨...⟩ Простился со всема и пошел гадать. Всё узнал, всю судьбу. Что было, так и вышло».

Как и в быличке Мошниковой, в этой версии Гаврил, отправляясь гадать, переодевается во все чистое и, кроме того, прощается с домашними на случай, если не вернется. Едва устояв на выскальзывающем из-под ног деревянном настиле паперти, он узнаёт свою судьбу.

В остальном тексты разнятся по деталям и композиции.

Мошникова акцентирует тему тоекратного испытания, которому подвергается гадалщик; Дьячкова — бегство после гадания спиной вперед («вперед пятами») от дьявола, преследующего гадалщика.

Гвозди, который бегущий задом наперед гадалщик раскидывает горстями, как любой другой острый и железный предмет, — повсеместно используемый оберег от нечистой силы. Замечу, что в данном сюжете дьявол не просто останавливается у гвоздей, как у неких препятствий, но тщательно их подбирает.

Запись, сделанная от той же Т. В. Дьячковой семью годами позже, в общих чертах повторяет текст 2008 г., за исключением того, что в ней содержится намек на диалог гадалщика и того, кто вещает его судьбу.

«Вот и спрашивает: поговорка. „Дорог ли в городе лук да чеснок?“ Вот там начинает... То то спросит, другое спросит — ему всё отвечает. У церкви, у замка слушает. И всё ему. Всю судьбу рассказали.

(Соб.: — Про лук и чеснок у церкви спрашивал?)

— Да... Ну, начинает... Как-то у них разговор начинался. Не знаю. „Дорог ли в городе чеснок?“ Начинает ему рассказывать, судьбу его начинает».

Несмотря на путаность повествования, в нем проглядывает изложение одного из эпизодов «гадания-испытания», сопровождаемого вопросами и ответами (подробнее об этом см. ниже).

В версии Мошниковой Гаврила Чунин идет гадать ночью «на спор» (ситуация, характерная для некоторых севернорусских сюжетов о святоч-

ных «узнаваниях судьбы»⁵). В версии Дьячковой он гадает на Святках. Вера в судьбоносность двух святочных недель, определяющих дальнейший ход года и повороты человеческой судьбы, традиционна и устойчива.

Обычно святочные гадания обращены к нечистому духу, черту⁶, на Терском берегу именуемому почти исключительно дьяволом. Распространены и представления о возможном присутствии нечисти в церковном здании.

«Многие из здешних крестьян верят, что нечистая сила живет даже при церквях, в особенности на кладбищах, а также на мельницах, в казенных зданиях, например в училищных», — сообщали в конце XIX в. из Вологодской губернии⁷.

Самыми страшными местами считаются овины, бани, церковь⁸, а также «мельницы да кладбища», поскольку «там предполагается присутствие нечисти» [Бондаренко, 1890, с. 2–3] (сопоставление всех этих опасных пространств существенно для структуры и семантики рассматриваемого сюжета, на чем остановимся ниже).

Черти могут пребывать возле церкви (на погосте), на церковной колокольне: «При первых ударах колокола, как призыва к богослужению, крестятся. Некоторые ограждают себя крестным знаменем не прежде, как

⁵ Гадая («слушая судьбу» у пустого дома) или взяв «на спор» во время Святков камень с банной каменки, юноша встречает суженую [Соколовы, 1915, с. 19–20, 164–165 (Новг., Белоз.); Иваницкий, 1890, с. 186–187 (Волог.); Богатырев, 1916, с. 59 (Арх.); Чернышев, 1950, с. 26–28 (Псков.); Зиновьев, 1987, с. 118–122 (В. Сиб.)]. Сюжет о суженой из бани, пустующего дома и т. п., не всегда приуроченный к Святкам, соотносен, возможно, с некогда бытовавшими предбрачными, переходными обрядами, обычаями. Подробнее см.: [Власова, 1999, с. 154–170].

⁶ С Николаина дня до Крещения (с 19 декабря по 19 января соответственно; здесь и далее даты даются по новому стилю) «сатана повелевает своим слугам ходить по земле и предсказывать их судьбу, чтобы больше и лучше любил их народ» [Ефименко, 1877, с. 191 (Арх.)]. В Святки нечистая сила «наиболее жизнедеятельна, „не испорчена“ и может помочь людям в их стремлении заглянуть в будущее и указать их судьбу» [Болонев, 1978, с. 57 (Забайк.)]. Разгул нечисти во время больших христианских праздников — это и «бесовские игрища» — торжество тьмы, неотвратимо сменяющееся торжеством света; и глобальные празднества всех сил и существ, населяющих мир (безотносительно к их «христианскому» либо «языческому» происхождению). «До христианства в представлениях славян, надо полагать, не было силы „нечистой“ и уж, конечно, „рати Христовой“, а была лишь одна сверхъестественная сила, имевшая довольно неясные и расплывчатые формы и населявшая, по верованиям древних славян, весь окружающий их мир» [Толстой, 1976, с. 309–310]. После христианизации Руси духи — «хозяева» земли, воды, плодородия, людских судеб однозначно нечистыми, отталкивающими в народных представлениях сразу не стали, что отразилось и в практике гаданий. Гадание «с участием» черта, нечистого, лешего и пр. считали верным, хотя опасным, греховным; сопровождали охранительными действиями (очерчиванием и расчерчиванием, «зачуркиванием»).

⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 344. Л. 5 (Волог., 1898).

⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 147. Л. 8–9. (Волог., 1898).

только при первом ударе колокола, водясь суеверным убеждением, что при первых трех ударах колокола *не наши* только что с колокольни падает»⁹.

Ночь — время кознодейственных служб нечисти. «Шел раз мужик ночью и видит: церковь стоит, освещена, и в церкви служба идет. Двери растворены, он вошел и стал молиться. Только глядит, а у попа и у причта лица какие-то неподходящие.

„Нечисто что-то“, — думает себе.

Стал мужик к дверям пятиться, задом.

А это были нечистые. Увидали они мужика, кинулись они из церкви. Глядят нечистые: из церкви назад ни одного следа нет, а только в церковь.

Поискали, поискали, да и бросили» [Садовников, 1884, с. 246—247 (Симб.)]¹⁰.

Помимо чертей в церкви обитает «колокольный мертвец» (именуемый также «маном») — покойник, появляющийся на колокольне либо возле нее ночью и заграждающий путь людям [Словарь, 1981, с. 354 (Новг.); Черепанова, 1983, с. 49; Смирнов В. И., 1920, с. 31—32 (Костр.)]¹¹.

На Тамбовщине подобное существо ассоциируется с еретиком — это «покойник из колдунов», греховный человек, которого не принимает земля, обитающий на церковной колокольне [Звонков, 1889, с. 77]¹².

Подле церкви, на погосте, пребывают покойники, предки.

«У кладбищенских ворот постоянно находится привратник (*приворотник*). Как только донесут из села покойника до ворот кладбища, он

⁹ Слова, пословицы, загадки, простонародный календарь, суеверия, приметы, обычаи, заговоры и песни, употребляемые в г. Боровичах и его уезде // АРГО. Р. XXIV. Оп. 1. № 29. Л. 16. «На перекрестках черти собираются и играют в бабки или бьются на кулачках, любят тоже собираться на колокольнях...» [Иваницкий, 1890, с. 120—121 (Волог.)].

¹⁰ Монах, отшельник, даже ангел — личины беса в легендах и житийной литературе [Рязановский, 1915, с. 49, 55, 52; Померанцева, 1975, с. 131]. Ср. также сюжеты о превращении пребывающего в церкви дьявола (черта) в ангела — по воле Бога и благочестивого отшельника [Андрушиков, 1912, с. 51; Садовников, 1884, с. 251]. Звонарем, дьячком прикидывается ведьма, которая душит (загрызает) пришедшего на церковную службу священника [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 678. Л. 8 (Новг., Белоз.); Неклепаев, 1903, с. 57—58 (в этой записи из Сургутского края священника находят задушенным в алтаре)]. Сходные повествования обычно повествуют о мести ведьмы-покойницы, которой священник отказал в предсмертном напутствии.

¹¹ См. также: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 836. Л. 5—6 (Новг., Череп.).

¹² Еретик — колдун, умерший без напутствия и христианского погребения; он не владеет руками (они сложены крестом), но имеет острые зубы [Осокин, 1856, с. 199—200 (Вятск.); Харитонов, 1848, с. 146—147 (Арх.)]. Еретика — женщина, продавшая душу черту [Звонков, 1889, с. 77 (Тамб.)]. По сообщению М. Б. Едемского, «самое слово *еретик* — в постоянном употреблении у народа, наряду со словами *татарин*, *чудь*, и имеет значение ругательства для характеристики человека злого, тяжелого, мрачного и скрытного, с недобрим глазом. Ругательство часто выражается в форме: „Еретик — золезны зубы“ или „еретик — тотарин“» [Едемский, 1908, с. 211 (Волог.)].

становится приворотником — и стоит на своем посту до появления следующего покойника, с появлением которого он идет и ложится в могилу. (...)

Покойники ходят с сумерек до утренних петухов, навещают родственников и близких знакомых.

В сумерки, как церковный сторож (*трапéзник*) ударит в колокол (*часы отбиват*) покойники встают из могил и бегут на водопой. Как только запоют в селе петухи, они спешат укрыться в своих могилах» [Виноградов, 1923, с. 85–86 (Ирк.)]¹³.

По ночам умершие отправляют в церкви свои службы.

«Была старушка богомольная, а у ней померла подружка кумушка. Старушка была к службы ходить охоча. Услышала звон ночью и заходит в церковь, а покойных полна церква.

Старушка, ее знакомая кумушка, саван сняла с себя и говорит:

„Ночь мы молимся, а не вы, выйди о нас, чтобы не слышали другие!“» [Ончуков, 1909, с. 570 (Олон.)]¹⁴.

Покойник, как истый «хозяин», присматривает за порядком на погосте и в церкви. Он защищает человека, спасающегося в часовне от мстительного мертвеца («В моем доме, — говорит, — в моей защите!»)¹⁵; изгоняет вора, покусившегося на церковную икону [Садовников, 1884, с. 237; Афанасьев, 1985, с. 60–62]; приглашает погостить своего живого приятеля [Афанасьев, 1985, с. 62, 67].

И, напротив, те умершие, которых оставляют «на испытание», в церковном здании бесчинствуют.

«Однажды такую церковь решил посетить ночью один смелый солдатик. Зашел он в нее до полуночи и залез на печку, а сам взял с собой на всякий случай сковородку.

¹³ «Твердо держится верование, что мертвый продолжает жить в могиле. Отсюда он является людям. На кладбищах, как рассказывают, часто видят покойников, особенно церковные сторожа. Встают они из могил в белых саванах и тянут веревку сторожевого колокола, помогая сторожу звонить и вступая с ним в разговоры» [Смирнов В. И., 1920, с. 47 (Костр.)]. Первый покойник, схороненный на кладбище («хозяин кладбища»), привечает путника; напутствует умерших, которые идут на помин в деревню («Идите себе с Богом!») [Добровольский, 1891, с. 124–125 (Смол.)]; «Когда вечером первый раз караульщик (кладбища) ударит в колокол, говорят: „Черт погнал мертвецов на водопой!“» [Бондаренко, 1890, с. 3].

¹⁴ «Сообщество умерших» продолжает отмечать вслед за живыми праздники, в особенности Пасху. «В субботу на воскресенье, вечером, все покойники с погоста собираются в церковь к службе. Ходят со свечами вокруг церкви. Свечи горят синим огоньком» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 702. Л. 11–12 (Новг., Белоз.)).

¹⁵ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 3. П. 3. № 128. Л. 225. Немнюга Карпогорской вол. Пинежского у. Архангельской губ., П. С. Патракеева, 1863 г. р., 1927.

Как только часы пробили полночь, все еретики, что лежали в церкви, выскочили из своих гробов и начали прыгать и скакать по церкви. Но вскоре они учуяли свежий человеческий дух, обозрили солдата и мигом бросились к печке, но взлезть на печку и достать солдата не удалось, потому что солдат уселся на сковородке, а сковородка, известное дело, предохраняет от всякой этой нечисти.

Тогда видят еретики, что ничего не могут поделывать с солдатом, и принялись от злости своими долгими зубами грызть печку. Они уже совсем было подгрызли печку, и солдат чуть было не свалился вниз, как вдруг запели петухи, и все еретики сейчас же разбежались по своим гробам.

Тогда солдат слез с печки, и, чтобы еретики не заметили его следов, куда он уйдет, вышел из церкви *взапятки (задом)*.

На следующую ночь солдат опять пришел, но в церковь не зашел, а залез на дерево, что стояло здесь, у церкви, над колодецем. Очень уж хотелось ему досмотреть, что теперь будут делать еретики и найдут ли его. Как только наступила полночь, еретики опять с шумом и с ужасным скрежетом выскочили из своих гробов и опять бросились к печке. Но солдата там нет, а следы ведут к печке, выходных же следов тоже не видно...

С диким воем принялись они всюду разыскивать солдата и, выбежав из церкви, стали искать его по окрестностям. Здесь они увидели в колодце отражение в воде солдата, сидевшего на дереве, и это отражение приняли за самого солдата. Обрадовались еретики, что наконец-то нашли его, и стали закидывать колодец камнями, думая, что погребают солдата...

Когда пропели петухи, еретики опять залегли в свои гробы» [Неклепаев, 1903, с. 50–51 (Сургут.)].

Сообщая, что «всех мертвецов, подозреваемых в еретничестве, раньше оставляли на испытание в церкви», собиратель, опубликовавший этот текст, уточняет: еретики и еретицы «встают» после смерти; прыгают со связанными руками (руки связывают ниткой всем умершим); у них отрастают длинные зубы (они ими «скыркают») [Неклепаев, 1903, с. 50].

«Испытание в церкви» — это и выявление греховной сути покойника (чаще всего — колдуна либо ведьмы, способных «вставать и ходить» после смерти), и его «заклятие» (лишение сверхъестественной силы)¹⁶.

¹⁶ Способность колдунов (ведьм) «вставать» после смерти крестьяне объясняли по-разному: неуспокоенностью, озлобленностью, ненасытностью колдуна (ведьмы); греховностью (дьявол «не допускает» его умереть по-христиански [Осокин, 1856, с. 199]); тем, что в обличье мертвеца «ходит» вселившийся в него нечистый (мотив повсеместно распространен). Колдуна «не принимает земля» [Ушаков, 1896, с. 179; Минх, 1890, с. 26, и др.].

«Жил-был помещик, и была у него одинака дочь, раскрасавица, а ведьма. И был у того помещика дворник, и забил он помещичью собаку. Вот помещик дворника и зовет: „Я тебя за свою собаку сгною, смерти предам! А если помирать не хочешь, пушай твой сын восемнадцати годов мою дочку-покойницу в черкви отчитывает“.

Ну, делать нечего, хоть и страшно, а иттить надо. И пошел вьюноша в церковь. Снял крест с шеи, да крестом круг написал, да в тот круг и стал, а крест на шею одел. Стал он читать, до полночи дочитал, а тут она встала да давай его ловить! Ходит, ругается, а за круг не пройдет. Как петухи запели, тут она и пала. Он ее обратно в гроб и положил. На другу ночь опять так же сделал, а она и чертей звала, все его искали, пол повыдергали, ставенки посрывали, а в кругу не нашли.

А на третью ночь он два креста надел. Как она к кругу подошла, он один крест — в руку, а другой ей на шею бросил да и говорит: „Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!“ Тут она стала женщина нага, а живая. Повел он ее из церкви, к помещику повел. Ну, тот ее этому вьюношу и замуж отдал»¹⁷.

Это повествование — версия широко распространенного сюжета **307 Девушка, встающая из гроба**¹⁸. Варьируясь в крестьянских интерпретациях, он может составить основу многоэпизодной сказки, равно как и «сугубо достоверной» былички, относимой к категории несказочной прозы. Однако, за редким исключением, «отчитывание», нейтрализующее колдовство, происходит в церкви либо в кладбищенской часовне. И несмотря на априорную святость места действия, сопровождается магическим очерчиванием и рядом других охранительных, очистительных действий, ибо ночная церковь (часовня) оказывается вполне доступной для козней «встающей из гроба» ведьмы и подвизающейся подле нее нечисти.

«Днем царевна спит, а как наступит ночь, встает из гроба»; пытается «подпустить» к стоящему в очерченном кругу человека «змея, огонь и бейсей»; «напускает страсти»; грызет каменную стену, чугунный пол, летает змеем, поджигает церковь [Смирнов А. М., 1917а, с. 248 (Новг.), с. 210—211 (Волог.); Афанасьев, 1985, с. 76—77; Смирнов А. М., 1917б, с. 840—841 (Тобол.)].

Значительная часть включающих такие эпизоды повествований опосредованно описывает, как нам кажется, изгнание нечисти, которая вселилась

¹⁷ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 3. П. 3. № 139. Л. 248. Холм Пинежского у. Архангельской губ., Н. В. Лохновский, 1843 г. р., 1927.

¹⁸ Сюжет атрибутирован по изд.: СУС.

в бесноватую (одержимую злом) девицу по ее собственному произволению или по чьей-то злой воле (по «насылу недобрых людей»)¹⁹.

В религиозной практике исцеление («отчитывание») бесноватых (кликуш) осуществлялось в церкви священником. Заслышав слова церковного песнопения или Евангелия, кликуша падала и билась в судорогах, «крича на голоса»: «Начинает она сначала ржать по-лошадиному, по-собачьему брехать, а как, этта, откритит, глаза у ней сделаются все равно как огонь...» [Попов, 1903, с. 384 (Орл.)].

Ср.: во время чтения псалмов «обмершая» царевна оживает. Она «грозит, рвется вперед, кричит на разные голоса, и по-собачьи, и по-кошачьи...» [Афанасьев, 1985, с. 74].

Изгнание вселившейся нечисти, сопровождаемое произнесением священных текстов, магическими действиями, — завершается «перерождением» (оживлением) умершей.

«...малец выгнал всё гадьё до остатку из царевны, так што она после петухов уж не легла в гроб, а стала дремать. (...) Когда поутру донесли царю, што царевна оживилась, он очень обрадовался, приказал читать над ей евангельские книги, пока не спало с ей все волшебство. Гадьё же у церкви велел скоплять и в печке сжечь» [Смирнов А. М., 1917а, с. 249]²⁰.

В повествованиях, приближенных по структуре и семантике к быличкам (несказочной прозе), «оживающая покойница» чаще предстает не очарованной (спасенной) жертвой, а колдуньей, ведьмой, которая упорно преследует ненавистного ей человека и погибает «окончательно» [Колчин, 1899, с. 40–42 (Тул.); Никифоров, 1961, с. 366 (Арх.)].

«Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит. (...) Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть ее в землю...» [Афанасьев, 1985, с. 77]²¹.

Согласно крестьянским поверьям, священники наделены даром смирать (заклинать) всех «неуспокоенных мертвецов».

«Прежде, когда попы не умели заклинать покойников, — покойники часто домой приходили. Я сама еще такое дело помню. У нас в селе жил на

¹⁹ «А в царской дочери сидела окаянная сила» [Смирнов А. М., 1917а, с. 248]. Таким «вселением» традиционно объясняли особый вид болезненных явлений, известный под названием кликушества (икоты, беснования). Повсеместно верили, что кликуша наделена сверхъестественными способностями (ее посредством «действует» сидящий в ней нечистый дух, бес).

²⁰ Гадьё — мыши, лягушки, крысы, «гады» — осязаемо-материальные обличья нечистых духов.

²¹ Сходно могут развиваться и сюжеты, в которых фигурирует ведьма-старуха [Зеленин, 1915, с. 70–72 (Вятск.)]. Подобные повествования могут быть отнесены к типу **307 Девушка, встающая из гроба** лишь с большой натяжкой.

отлете мой дед, — материн дядя, и как помер, так и повадился каждую ночь приходить к себе домой. Из окон избы — погост весь виден, так ночьми месячными сколько раз видели из окошка: отворит он у погоста воротца, — и прямо домой. Идет в своем халате, в каком его схоронили, полами помахивает, — и на двор. (...) Наконец уже поп откопал старика и заклил его.

А еще в нашем селе одна покойница к своим детям приходила. Как только останутся они в полдень (*что полночь, что полдень, одна ведь им цена*), в рабочую пору, одни — так придет к ним покойница. Придет, воду вскипятит, всем деткам головы перемывает, выхолит их, а если дѣжка тут стоит, то придут, а хлебы уж замешены, и дети говорят: „Мамка наша приходила“. Всѣ расскажут, как она их мыла, холила, рубашки на них сменяла. Они ничуть и не боялись, потому что младенцы без греха. А прочие старшие очень опасались, и тесто, которое она замесит, выбрасывали. Ее тоже заклил поп.

Нынче уж и слуху нет, чтобы покойники домой приходили. Нынче уж всякий попок умеет покойника заклисть, когда на него землю бросает» [Семенова, 1898, с. 233–234 (Ряз.)].

В близком по тематике повествовании умершая мать заботится о шестерых детях-сиротах, которых невзлюбила мачеха, — до тех пор, пока по ней не отслужили панихиду, «а батюшка не дал заклисть и не запечатал могилу» [Порфенцева, 1974, с. 10 (Ирк.)].

Необходимость заклисть покойника вполне уживается с охарактеризованной выше верой в естественное продолжение «жизни» умершего на кладбище и даже в пределах родной деревни²².

Восприятие умерших двойственно: они кровно близки, способны помочь и одновременно опасны. Появление покойного родственника вне установленных поминальных сроков — нарушение «правильного» круговорота бытия, тревожащее, грозящее бедой.

²² Так сохранено и переосмыслено давнее представление об умерших родных как о «живых», даже «телесных» существах, не прерывающих сношений с людьми, принимающих участие в делах семьи, рода. «Сироты, пред вступлением в брак и равно в военную службу ходят прощаться на могилы своих родителей, испрашивая их благословения» (*Иером. Макарий. О религиозных обычаях и предрассудках в Нижегородской губернии // АРГО. Р. XXIII. Оп. 1. № 97. Л. 6 об. (1850 г.)*). «В Патерике Печерском действительно описывается, как в 1463 году тела печерских усопших святых ответили на голос священника в Велик день: „Христос Воскресе!“» [Калинский, 1877, с. 466]. Умерших «притягивают» и чрезмерное горе родных, и дети-сироты, и недоделанные дела, и тоска по живым. «Проведать-то, думаю, вас надо ведь!» — поясняет покойница причину своего появления (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 679. Л. 9 (Новг., Белоз.)). В ряде распространенных сюжетов (особенно — о «посмертном возвращении» мужа к жене) уточняется, что в обличье покойника «ходит» нечистый дух, черт. «Черт способен принимать вид умерших и тревожить их близких» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 835. Л. 13–14 (Новг., Череп.)). Однако эта трактовка не универсальна.

И все же заклетье покойника — мера, чаще применяемая к вредоносным «мертвецам-еретикам», не до конца подвластным даже Богу.

«Досель, говорят, худо от еретиков было, сохрани Бог, как худо. Давно это было... После того как Христос по земле прошел, — еретикам ход усекло, вся нечисть розбежалась. А то было время: только сонцё за лес село, — не оставайся один на улице: беда!

Да и в избу ползут. Из-за того в избе все волоковые окна были. Как сонце за лес — и оконце закрывают. (*Волоковые окна еще и мы у старых изб помним: такие маленькие были, — человеку пролезти нельзя было.*) {...}

Днем еретики были как чурки, лежали.

Еретиков не примала мать сыра земля: народ знаткой (*вещий, колдунны*). Под старой колокольной недавно найден был покойник в земле: закован в золезно, гробу нет, а он нетленён» [Едемский, 1908, с. 211]²³.

И хотя, по утверждению части крестьян, «еретики не стали ходить, когда Господь заклёл» [Едемский, 1908, с. 211], мертвецов, подозреваемых в еретничестве, продолжали оставлять «на испытание» в церкви.

Детальные описания того, как протекало это испытание, — помимо трехдневного пребывания в церковном здании — пока не найдены²⁴. Покойников помещали под наблюдение церковных сторожей, что вкупе с суевериями церковного причта могло приводить к трагическим последствиям.

«Любопытно поверье о том, что если мертвец, привезенный в церковь, оживет и выйдет оттуда, то вслед за ним умрет двенадцать попов в том приходе, — это имеет здесь очень широкое распространение, — сообщал из Вятской губернии Н. Добротворский. — Говорят, что в него верят и попы, и молва народная рассказывает по этому поводу много печальных и странных историй.

²³ Ср. приведенное выше поверье тамбовских крестьян, согласно которому мертвый колдун-еретик обитает на церковной колокольне (земля его «не принимает»). Представления об особой связи покойников, в особенности греховных мертвецов, с колоколами могут основываться на вере в очистительную, возрождающую (перерождающую) силу колокольного звона. Для умерших неестественной смертью «подают разные вклады на колокол, вновь покупаемый, веря, что звон колокола — этот глас Господень — вызвонит из ада душу умершего...» (*Иером. Макарий*. О религиозных обычаях и предрассудках в Нижегородской губернии. Л. 9). Вдова повесившегося купца избавляет его от загробных мук, жертвуя на колокол. «Этим колоколом и спаслась купцова душа. Оно и верно ведь: как в колокол к обедни али к утрени ударят, сколько душ христианских перекрестится и к Богу вздохнет — тысячи!» [Семенова, 1898, с. 232–233 (Ряз.)].

²⁴ Предположительно такое испытание могло включать трехдневное чтение Псалтири по умершим («отчитывание» умерших), о чем косвенно свидетельствуют сюжеты типа СУС 307 **Девушка, встающая из гроба**. Испытанию на стойкость и благочестие подвергаются и люди, которые противодействуют греховным (опасным) мертвецам.

Говорят, что попы, нанимая церковного сторожа, между прочим, уговариваются с ним, чтобы он не выпускал из церкви ни одного покойника, заранее принимая грех на свои головы. И много будто бы народу загублено в церкви сторожами.

У меня записано несколько рассказов, в которых с поразительным драматизмом описано, как воскресшие покойники кричали из церкви людям добрым: „Помогите, спасите!“ Как они рвались и металась по церкви, перебегая от одного окна к другому, били стекла, грызли решетки зубами, а сторож в это время гонялся за ними с колом и бил их по голове, по спине, по рукам (...) Мне все это передавали сами очевидцы.

По большей же части воскресшего мертвеца спроваживают на тот свет втихомолку, без всякого шума (уговорив „ожившего“ несчастливца сделать три поклона, церковный сторож, подобравшись с молотком сзади, изо всех сил бьет его по голове, а затем укладывает в гроб, тщательно прикрыв рану)»²⁵.

Несмотря на весьма вероятные преувеличения и свойственную народным интерпретациям мифологизацию реальных событий, это сообщение содержит, по-видимому, некоторую долю правды — по отношению к очнувшимся после длительного забвения («обмиравшим») людям. «Прошу читателя не забывать, что все это я не от себя говорю, а передаю только то, что гласит народная молва», — уточняет Добротворский²⁶.

Народная молва наделяла священников способностью не только заклинать, но и «показывать» в церкви умерших.

«Один мужчина тоже умер. Не мужчина, но сын. Сын ронный умер. Он был единственный-единственный, один. Мать со стариком осталась вдвоих. И она так плакала, так плакала по етому сыну... Сил нет!

До чего ж она плакала, до чего ж она плакала... Шесть недель прошло, она всё плачет. И дальше больше плачет!.. Там соседки ей говорят: „Сходи ты к священнику, посоветуйся, ну что ты, как с ума сошла!“

Ну, она и пошла к священнику и стала ему рассказывать. А священник ей и отвечает: „Слушай, если ты не боишься, то ты согласишься, ты сама всё увидишь. Ты ничаво не бойся. От согласи в церкви переночавать, всё сама увидишь!“

Ну, она думала-думала. „Быть того не миновать, — на етого священника говорит, — пойдем!“ Ну, он ей церкву открыл. Очартил яе. И он ей

²⁵ Добротворский Н. Этнографические сведения об Орловском уезде Вятской губернии // АРГО. Р. X. Оп. 1. № 40. Л. 15–16 об.

²⁶ Там же.

строго-настрого сказал: „С чарты не выходи! В сторону никуда не гляди, гляди прямо. Прямо гляди на алтарь. Ну, я и свечей зажигать не буду. И тебя закрою на замок... Ну, с чарты не выходи!“

Ну, священник ушел. Времени там сколько прошло... Всё на свету, она всё на свету увидела, она всех покойников-то увидела! Ой!

И как вышли удавившие, которые идут, плачут. И потом идут от все, которые в церкви проведенные. Идут... И самым последним она увидела своего сына: мокрый идет такой, дряблый. Подходит сын к ней и говорит: „Мам, не плачь ты! Ты так сильно плачешь по мне! Ты посмотри, какой я мокрый. Как мне тяжело ляжать. Не плачь ты, мам!“

И он прошел. Ну что больше... Она так остановилась... Ну и всё. И больше она ничего не видела, так и стоит впотьмах. Очарочная. Ну, светать как стало, как там петухи пропели, ну, священник приходит: „Ну что, — говорит, — видела?“ — „Ой, батюшка, видела — мокрый!“ — „Вот, — говорит, — не надо плакать по нему!“ От он ето, что-то ей в церкви поделал, потом молитву каку прочитал или что... Потом уже ета баба плакать не стала...»²⁷

Версия сюжета СУС –755А* **Бочка слез** актуализирует и представления о страданиях умершего, по которому безмерно тоскуют²⁸, и веру в ответственность магических манипуляций священнослужителя.

Выделим такие подробности повествования, как необходимость оберегающего «очерчивания», казалось бы, в освященном и безопасном пространстве²⁹ и обязательность погружения в полную темноту (свечи погаше-

²⁷ АС, Пономарёво Холмского р-на Новгородской обл., М. П. Афанасьева, 1926 г. р., 1987.

²⁸ Ср.: в ночной церкви матери является дочь-покойница, сгибающаяся под тяжестью ведер, которые наполнены материнскими слезами [Виноградов, 1923, с. 34–35 (Ирк.)]. Безмерное горе близких причиняет страдания умершим: «Ты думаешь, душенька его не тоскует? Ведь и она там плачет, как ты» (АРЭМ. Ф. 7, оп. 1. № 339 (Волог.)). Тот, по кому сильно плачут, на том свете сидит в болоте; только детские слезы о матери – «дозволенные слезы» [Виноградов, 1923, с. 34]. Родители не должны плакать по детям, от этого дети все глубже погружаются в землю; если же по ним не плачут, дети возносятся [Иваницкий, 1890, с. 114 (Волог.)]. См. также: [Черепанова, 1996, с. 36] (отстояв ночь или три ночи в церкви, можно облегчить участь детей-покойников).

²⁹ Очерчивание — непреложное условие относительной безопасности человека, оставленного в церкви «на испытание», осуществляемое наделенными едва ли не безграничной властью силами зла. «Женщину, заспавшую ребенка, ставят в церкви на три ночи на покаяние. Около ее чертят на полу круг, из которого она не должна выйти, пока не придет поп. Дьявол, несмотря на то, устраивает, по верованию крестьян, иногда страшные штуки. Так был случай, что в первую ночь стояния женщины он поджег церковь, на вторую ночь опрокинул церковь (она была деревянная) и прогрыз стену, а на третью ночь поставил церковь кверху дном» [Иваницкий, 1890, с. 112]. В записи из Симбирска черти выманивают кающихся родителей из очерченного священником круга и «растаскивают» (умертвляют) их [Садовников, 1884, с. 234–235].

ны). Устремляя взгляд на алтарь, прихожанка видит «всё на свете», включая шествие «всех на свете» умерших.

Разные «планы» или «уровни» единого в многообразии, явленного и неявленного бытия сосуществуют, дополняя, достраивая друг друга. Церковь уподобляется мирозданию, в котором мир иной соположен повседневному миру живых, а смерть — не завершение жизни: это лишь иная форма человеческого существования, «преодоление мирского, неосвященного состояния» [Элиаде, 1994, с. 112–113, 119].

Итак, церковное здание, в особенности ночью, предстает не умиротворенно-благостным, но насыщенным трансчеловеческим присутствием сакральным пространством, где сосредоточены и противоборствуют сверхъестественные существа и силы самой разной природы, а победа светлых начал далеко не всегда предсказуема³⁰.

Обычай гадания подле церкви (на паперти, у церковной двери), у кладбищенской часовни зафиксирован в ряде губерний России.

Типологически рассказы о подобных гаданиях принадлежат к группе повествований о «слушании судьбы» (подслушивании) у запертого (закрытого) помещения — амбара, риги, конюшни и пр.

«В один из вечеров идут к риге или какому-нибудь другому зданию, запертому на замок, садятся к двери и слушают. Если услышишь „бряск“ (бряканье) денег или как пересыпают хлеб, то жених будет богатый» [Арефьев, 1902, с. 125 (Енис.)].

Слушают у амбара (сыплется зерна — к богатому жениху; метут — к бедному) [Соколовы, 1915, с. 520 (Новг., Белоз.)].

³⁰ Эта динамичная многозначность — следствие трансформации языческих верований. Церкви зачастую воспринимались крестьянами как особые «колдовские» места; священников, церковный причт наделяли чертами волхвов, колдунов. В какой-то мере этому способствовали церковные власти, стремившиеся сделать свое учение более популярным, доступным: храмы могли возводиться на месте языческих святилищ либо рядом с ними [Буслаев, 1862, с. 8–9; Щапов, 1906, с. 269–270]. Охарактеризовать соотношение языческих и христианских элементов в мировоззрении русских крестьян непросто — они, по крайней мере, взаимообусловлены. Ср., к примеру, представления о полуверницах (полуверках) — полунечистых существах, «верующих и в „благоверную“ веру, но в то же время и в дьявольскую» [Соколовы, 1915, с. XLII (Новг., Белоз.)]. Напоминающие полуверков черти-присыпальнички (приспанные, погубленные дети, которые «унесены чертом»), во время обедни находятся в церкви, по левую сторону алтаря, но когда при пении Херувимской песни священник открывает царские врата, испытывают страшные мучения и спешат уйти [Добровольский, 1908, с. 15 (Смол.)]. «Полевой, дворовый, лесной или другое невидимое существо» отличны от злых духов, «иногда покровительствуют любимому животному, человеку, дому, входят даже в храм, где и пребывают, как известно, до пения Херувимской песни» [Вересов, 1895, с. 10 (Новг.)]. Водяной озера Ильмень — «оглашенный христианин» [Остряков, 1861, с. 396–397].

«Под Рождество надо приложить ухо к замку амбара, тогда услышишь, как говорят между собою рыбы, лежащие там. (*Колымчане хранят в амбарах подледный промысел.*)

От них услышишь всю судьбу» [Шкловский, 1892, с. 114 (Колыма)].

Иногда такие гадания сопровождаются краткими вопросами-просьбами.

«Ну, мы пошли гадать... К коням (к конюшне. — М. В.). К коню вороному: „Конь вороной, тропни ногой!“ Конь и пошел, подруги тропнули. Мы пошли дальше... Пошли гадать мне. И там вороной конь: тот как пошел и ногой стукнул об дверь!

И мы обе тот год вышли замуж»³¹.

Более сложные по структуре и семантике сюжеты могут включать диалог вопрошающих и вопрошаемого.

«Ходят слушать к убитому борову, который должен быть повешен в замкнутом нежилом помещении. Одна старуха рассказала про себя такой случай:

„Сидели, говорит, мы на посадке, и вздумалось нам идти погадать к убитому борову, который висел в амбаре. Пришли к амбару, очертили круг и стали в него. Я первая спросила: ‚Боров, скажи мою судьбу!‘ Боров ответил: ‚Скажу, только угадайте, сколько горошин в мерке‘. Услышав голос, мы в ужасе бросились бежать домой. Бежим и слышим, что за нами кто-то гонится. Оглянулись — какая-то фигура, вся в белом, бежит за нами. Мы в избу, и сказали старухе. Та сейчас же одела нам на головы горшки. К нашему ужасу большая белая фигура схватила нас за головы, сорвала с голов горшки, разбила их вдребезги об стену и тут же с хохотом провалилась сквозь землю...

Если бы мы не одели горшки, то лишились бы своих буйных головушек. Случилось же все оттого, что мы, когда слышали в амбаре голос, не зааминили, а сразу убежали. Если бы мы сказали ‚аминь‘, то все было бы благополучно, в это время делается так страшно, что забудешь, где и находишься“» [Сергеев, 1905, с. 7 (Новг.)]³².

³¹ АС, Истрибуицы Холмского р-на Новгородской губ., К. Д. Васильева, 1912 г. р., 1988. Обычай гадать у конюшни (или у скотного двора), обращаясь к лошади, сохранялся в Новгородской области вплоть до середины XX в. «А девчонки к двору бегали: „Выйду я замуж? Выходи, лошады!“ И начнет ходить лошады, а мы испугаемся и убежим» (АС, 1988).

³² Концовка с разбиванием горшков вместо голов характерна для ряда сюжетов о неосмотрительных гадальщиках. Ср.: [Георгиевский, 1902, с. 61 (Олон.); АС, Тетрино Терского р-на Мурманской обл., Ф. П. Самохвалова, 1906 г. р., 1987.

Ср.: «стяг» (кусок) мяса «прорицает» в житнице³³. Под Новый год девки кричат у амбара: «Туша, покажи уши!»; их преследует зарезанный поросенок [Сказочная комиссия, 1927, с. 10].

Ходят слушать «к туше» и, зачертившись, спрашивают: «Скажи-ка, туша, сущую правду, что я думаю?» — «Угадай, сколько во мне суставов, тогда я тебе всю правду скажу». — «А ты угадай, сколько у меня поперёк утолщин и сколько вдоль основы!» Если туша отгадает, девица спрашивает, кто ее суженый [Соколовы, 1915, с. 519 (Новг., Белоз.)].

Очевидно, что этот сюжет бытует в разных версиях и вариантах: кратких и развернутых, насыщенных различными подробностями.

Отметим те из них, которые прослеживаются и в повествовании о гадании у церковного замка.

Прежде всего — «замкнутость» помещения, подле которого гадают (что, впрочем, не является препятствием для преследующей гадалщиц «туши»).

Существенно и то, что вопрошание о судьбе в форме чередования вопросов — ответов (или загадок — разгадок) превращается в испытание гадающего, инициируемое первым заданным вопросом.

Намек на возможность именно такого испытания содержится в версии былички о гадании у церковного замка, записанной в 2015 г. от Т. В. Дьячковой: «„Дорог ли в городе лук да чеснок?“ Вот там начинает... То то спросит, другое спросит — ему всё отвечает». Аналогичные диалоги, точнее — спровоцированные «каверзным вопросом» монологи входят в состав сюжетов о чудесном спасении людей, вторгающихся во владения духов-«хозяев» овина, бани.

«Собрались деуки на Святки в одну хату на игрище. Собраушись, и давай одна одное загонять. Спорили, спорили. Одна девушка-сиротка, у ей мачеха была. „Кто, — говорят, — девки, сходит в овин за колосником в двенадцать часов?“ — „Что же делать? — сирота эта. — Я схожу“. Ну и пошла. Приходит в овин, только за колосник — цап ее за руку! „Стой, девушка, чтой-то на овине сидит?“ — „Лен“. — „А как это лен работают?“ И стала она йому, шуту³⁴, указывать: „Вот придет весна, станут землю пахать,

³³ В почти пародийной версии «стяг мяса» «пляшет, скачет, по полу бегает», выскакивает из житницы и гонится за гадающими девками. «Оне — бежать. Прибегли домой, забились на печь, глядят. А стяг-от выбежал в дверь да и пляшет у голбца. Спужались очень, а мужик тут нашелся поумнее, взял да и сказал: „Бараний зад, воротись назад!“ Ну, он и ушел назад в житницу» (Добротворский Н. Сказки, легенды, предания и т. д. Орловского уезда Вятской губернии // АРГО. Р. X. Оп. 1. № 39. Л. 26 об.–27).

³⁴ «Шутом» может именоваться и черт, и водяной, и нечистый дух неопределенного обличья.

пашут долго-долго... (*это она нарочно тянет, чтобы время потянуть*). Заборонуют, тады лен посеют, тады опять заборонуют... Лен растет долго-долго... Выберут, составят у бабки... Йон долго выстайается... Свезут тады на вин, смолотят, постелют... Йон лежит долго-долго... Уложится... Подымут йго, поставят у кукишки, йон сохнет долго-долго... Потом его посодют на вин, начнуть мять долго-долго...“»

Превратив свой ответ на вопрос о том, что такое лен и как его обрабатывают, в подробнейшее повествование, затягивающееся «до первых петухов», девушка-сирота спасается от овинника и получает от него дары (неразумная дочь ее мачехи «комкает» ответ и погибает) [Смирнов А. М., 1917b, с. 543–544 (Смол.)].

Сюжет о подобном испытании, обычно — девушки, незамужней женщины, в XIX–XX вв. записан неоднократно³⁵. Входящий в него пространный рассказ (в нашем случае — о выращивании и обработке льна) — особый фольклорный жанр, «житие» значимого в крестьянском обиходе растения, предмета, продукта [Черепанова, 1996, с. 150].

Нередко такое растение либо предмет, как и повествование о нем, становится оберегом. «Когда мнут лен в банях, шутов там не бывает, и даже одну бабу со льном он (шут. — М. В.) не возьмет: на льну на каждой головке крестик» [Завойко, 1917, с. 37 (Костр.)].

Фрагменты спасительных «житий» включены в быличку об избавлении девушек от пустодомки, легкомысленно приглашенной ими на посиделки [Рождественская, 1941, с. 143–144]³⁶. Пустодомка — сверхъестественное существо, напоминающее и домовую «хозяйку», и кикимору (шишимору): она прядет; способна влиять на людские судьбы.

В повествовании о ней, отличающемся сложным построением, запечатлены, возможно, фрагменты посиделочной (святочной) игры с «вещей пряхой». Ср.: старухи на Святках наряжались шишиморами (надевали «шоболки», рваную одежду) и прядли, сидя на полатах; девушки хватали шишимору за ноги, она их била палкой [Завойко, 1917, с. 38 (Костр.)].

Мотивы, вошедшие во вторую часть этого повествования (преследование девок; битьё горшков, надетых на головы), характерны для былички о гадании «у свиной туши». Можно предположить, что и данный сюжет имеет

³⁵ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 261. П. 5. № 22. Л. 1–3. АС, Дворищи Хвойнинского р-на Новгородской обл., Е. С. Кубачёва, 72 г., 1983; [Черепанова, 1996, с. 61–62 (Арх.)].

³⁶ Запись сделана в д. Тамиче Онежского р-на Архангельской обл. от М. С. Дьячковой, 76 л. В этой быличке, защищая девушек, «предметы-обереги» (стол, «портяна скатерка», «хлебная мякушка» и соль) вещают о себе сами. Аналогично построен сюжет об избавлении от являющегося в дом покойника [Ончуков, 1909, с. 570 (Олон.)].

опосредованное отношение если не к «вопрошанию о судьбе», то к святочной «игре-испытанию».

В быличке со сходной завязкой (на посиделки, устроенные в бане, приглашена дохлая кобыла) неосмотрительных девушек, как и в сюжете с «пропращивающей тушей», спасает заданная кобыле «загадка-задача».

«В полночь, среди самого разгара посиделок, идет в баню к девушкам кобыла и спрашивает, зачем ее звали. Девушки оторопели от страха. Однако старшая из них нашлась что ответить: предложила кобыле сосчитать нитки в такой-то рубашке. И вот кобыла принялась считать, отхватывая зубами считанные нитки. „Если сосчитаю, то я вас переем!“ — грозила кобыла девушкам. Оставалась не сосчитанной всего одна нитка. Но тут уж наступил рассвет, и кобыла принуждена была удалиться из бани» [Добровольский, 1891, с. 142 (Смол.)].

Загадывание и отгадывание может входить в сюжет и как условие получения искомым знаний от сверхъестественного существа, и как способ избавления от него.

«Одныжды девки слушать пошли (о Рождестве). Пустой дом тут в деревне был, — так вот туда оне и забрались. Парни проведали это да и забились на полати запрежа еще, попугать девок хотели. Вот ладно. Взошли девки в избу, а тут из подполу бес и вылезает. Заганул им загадку: „Что, — бают, — за три косы да что за три дуги?“ Девки спужались страсть. Парни тут и шепнули им: „Вы, — бают, — не бойтесь, мы отгадаем“. Вот и бают бесу: „А три косы, — бают, — коса у девки, да коса, что косят, да коса у петуха; а и три радуги, — бают, — дуга запрегательная, да дуга — радуга, да дуга — бровь у красной девушки“. Чорт видит: отганули. „Бегите, — бают, — скорее, скорее, не то — худо будет“. Оне сичас — драло. Только у одной девки сарафан спал; так тут в избе и остался, голая домой прибежала. Посмотрели на другой день, а сарафан весь по ключьям так и разбросан по всей избе» [Смирнов А. М., 1917b, с. 393 (Вятск.)]³⁷.

Обращение к духам-«хозяевам» либо к оживающим (одухотворяемым?) животным, жизненно необходимым для крестьянского обихода (кобыла, боров)³⁸, характерно для многих сюжетов, в которых люди узнают либо испытывают свою судьбу.

³⁷ «Записано со слов крестьянки Авдотьи Горовой», 1882.

³⁸ Нечистый дух прибегает в образе свиньи, или «скотская душа» встает как живая [Неклепаев, 1903, с. 137–136 (Сургут.)]. В рождественскую ночь или в крещенский сочельник ходят слушать, как скотина, обретшая дар человеческой речи, предсказывает судьбу [Потанин, 1864, с. 63 (Томск.)]. «Только дослушать надо до конца, хоть приятное, хоть неприятное...» (не дослуша-

Почитаемый «хозяин» в пределах своих владений, овинник властен над урожаем, плодородием, благополучием людей; он и милостив, и коварен. Многоплановы и представления о банных «хозяевах», о небезопасном «банном пространстве»³⁹.

Баня и овин (рига, гумно) вплоть до последней четверти XX в. традиционно избираются для гаданий, равно как и пустующие либо заброшенные людьми строения — владения кикиморы-пустодомки, чертей и пр. (в сюжете о «туше-прорицательнице» она помещается именно «в нежилом замкнутом помещении»).

Столь же притягательна для «узнавания судьбы» церковь с прилегающим погостом.

Ср.: «Партия девушек идет к церкви на кладбище. Здесь каждая из девушек поодиночке подходит к церковной двери и слушает. Если послышится, что в церкви поют: „Положим на главы их венцы“ — выйти замуж в предстоящем году. Если послышится: „Елицы во Христа креститесь..“ — девушке родить; „Со святыми упокой“ или „Святый Боже“ — помереть» [Тиханов, 1904, с. 115 (Брянск.)].

Слушают у двери церкви; наиболее смелые — у дверей часовни на кладбище (звуки, сопровождающие венчание, пророчат замужество, сопровождающие отпевание — смерть) [Неклепаев, 1903, с. 131 (Сургут.)].

Пребывание гадающего на церковной паперти отсылает нас к редкой записи из Рязанской губернии.

«Под Новый год можно узнать, кто умрет в приходе в течение года. Для этого надо около полуночи сесть одному на церковную паперть. В самую полночь, пока сторож ударяет в колокол, пойдут друг за дружкой в церковь люди. Надо постараться их узнать и слушать, что запоют каждому из них, когда он входит в церковь: кому запоют свадебный стих — тот женится или выйдет замуж в течение года, а кому „со святыми упокой“ — тот непременно умрет. Себя тоже можно видеть идущим в церковь» [Семенова, 1898, с. 228].

Полуночная процессия «новогодних прообразов» живых людей, входящих в церковь, равнозначна ночной процессии «всех на свете умерших», шествующих по церкви. Церковное здание (или «мироздание») заключает в себе «всё на свете», прошлое и будущее, все судьбы и тайны Бытия⁴⁰.

ешь — умрешь) [Шкловский, 1892, с. 114 (Колыма)] См. также СУС 934В* Смерть, предсказанная в новогоднюю ночь.

³⁹ Подробнее см.: [Власова, 2015, с. 740–742, 749–750].

⁴⁰ Как уточняет Е. И. Мошникова (запись 1961 г.), гадая у церковного замка, Гаврила Чунин узнал не только свою судьбу — «он про всех узнал. Какая жись у всех будет и кто когда умрет».

Гадание у церковного замка, считающееся одним из самых опасных, но «самым верным, чтобы узнать свою судьбу» [Лесков, 1894, с. 222], не исчерпывается «выслушиванием» раздающихся в церкви звуков. Как и в сюжетах, проанализированных выше, оно предполагает испытание гадающего.

Особое внимание привлекают замкнутость (закрытость для человека) пространства, хранящего тайны будущего, а также метаморфозы разрушающихся и воссоздающихся паперти и церковного пола, выразительно описанные Еликонидой Иоакимовной Мошниковой: «...и вот в паперти заперебирают пол, прямо по одной половине. Сначала там, в церкви, потом под ним, всё крыльцо заперебирает, все мостинки ребром встанут».

В версии Е. И. Мошниковой эпизод, где, по сути, необходимо устоять на уходящем из-под ног основании церкви, — третье, самое опасное испытание «на твердость духа».

«Ну вот, он два разá сходил, ему ничего не сказали. „Ты приходи на третий!“ — Голос. (...) „Раз ты выдержал (дня-то два тоже были какие-то ему испытания, а вот на третий раз вот под ним половицы все эти ребром стали, и тогда — голос ему), а сейчас, — говорит, — раз ты выстоял, то есть все испытания вынес, сейчас я, — говорит, — расскажу всю твою судьбу!“»

Какими были два первых испытания, рассказчица не уточняет. По всей вероятности, они предполагали диалог со всезнающим обитателем церковного здания, и, судя по намекам, содержащимся в версии Т. В. Дьячковой, этот диалог мог иметь форму обмена «вопросами-загадками»: «То тó спросит, другое спросит — ему всё отвечает».

Немаловажно, что этот диалог ведется «через замок». «„И вот человек-то к нему выходил или через замок говорили?“ — „Через замок“».

Ни в одной из версий сюжета замок не отпирается (с ним вообще не производится никаких действий), что, возможно, символизирует и недостижимость сакрального пространства, и непреложность запретов, лишь ненадолго преодоленных посредством тоекратного, смертельно опасного испытания, которому подвергается гадающий (подобный путь к обретению запретного знания для других гаданий не характерен).

Рассматриваемый сюжет предельно заостряет опасно-притягательную ситуацию: «вопрошание о судьбе» возле церковного здания выражается в чрезвычайно редком для гаданий стремлении узнать точное время своей кончины, которое должно быть ведомо одному лишь Богу.

«Смерть — Божья воля»; «...кому умереть, какую смертью и когда — Бог на роду написал»; «Бог по душу не пошлет — сама душа не выйдет»

[Попов, 1903, с. 121, 186]; «Судьбы своей не обойдешь и не объедешь, один у нас доктор — Бог» [Иванов, 1892, с. 1011]; «При рождении человека в мир Бог напишет в Книге живота, какая и отчего ему смерть прилучится»; «предопределения Божия о смерти человека никто не может изменить»⁴¹. «По мнению крестьян, у всякого человека своя смерть: „Как много людей, столько и смертей, всякому человеку при рождении Бог дает смерть и наказет (*скажет*), когда она должна его уморить“»⁴².

Ср. также представления о «подответности» смерти и Богу, и дьяволу: «Смерть живет у дверей ада. Ее посылает Бог из ада умертвить человека. Она ходит каждый день к Богу и спрашивает, какого роста умертвлять людей. Потом возвращается к темному царю и сказывает, сколько умертвила людей»⁴³.

В свете подобных воззрений нельзя не задуматься о том, к кому обращен сакраментальный вопрос о часе кончины и чей голос отвечает на него из ночной, можно сказать, «перенаселенной» сверхъестественными обителями церкви.

В первом из текстов, записанных от Е. И. Мошниковой, бегло говорится об угрожающем гадалщику черте. Во второй сделанной от нее записи черт отсутствует; упомянут лишь запрет оглядываться назад, возвращаясь после гадания, — в общем-то, традиционный для действий, чреватых бедственными последствиями.

Причины появления дьявола (черта) возле церкви ни в одной из записей рассматриваемого сюжета не объяснены и, подчеркну, не спровоцированы неверными (неосмотрительными) действиями гадалщика, как, например, в быличке о «туше-прорицательнице». (Вывавшись из запертого помещения, туша борова преследует девушек, забывших произнести охранительное слово «аминь».)

В сюжете о гадании у церковного замка человек достойно выдерживает предустановленные испытания и получает искомый ответ.

Мстительный дьявол (черт) появляется не из запертого церковного здания. Он поджидает Гаврилу Чунина снаружи, на паперти (это особо отмечено в версии Т. В. Дьячковой), и как будто бы никак не соотносен с запертой церковью, откуда раздается «вещающий судьбу» голос.

Не занимаясь гипотетическим «достраиванием» сюжета, можно с известной долей уверенности предположить, что кознодейственный дьявол

⁴¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 344. Л. 9–10 (Волог.).

⁴² Там же. № 841. Л. 1–2 (Новг., Череп.).

⁴³ Там же. № 702. Л. 11–12, 1898 (Новг., Белоз.).

не тождественен неведомому прорицателю. Трудно также сказать, действует ли он самочинно, пытаясь покарать удачливого гадалщика, либо по велению высших, божественных сил должен сгубить человека, решившегося на смертельно опасное, приоткрывшее «тайну тайн» гадание.

Нет ответа и на вопрос о том, кто прорицает тайну смерти — пребывающие в сакральном пространстве силы добра⁴⁴ либо амбивалентная нечисть, чье «ведение» все же несравнимо со «всеведением Божиим» [Рязановский, 1915, с. 56].

Неясность представлений об источнике запретного знания придает повествованию «недоразгаданную» многозначность.

Список сокращений

- Арх. — Архангельская губ., обл.
- Брянск. — Брянская губ.
- Волог. — Вологодская губ., обл.
- Вятск. — Вятская губ.
- Ирк. — Иркутская губ., обл.
- Енис. — бассейн р. Енисей
- Костр. — Костромская губ.
- Новг. — Новгородская губ., область
- Новг., Белоз. — Белозерский у. Новгородской губ.
- Олон. — Олонецкая губ.
- Ряз. — Рязанская губ.
- Симб. — Симбирская губ.
- Смол. — Смоленская губ., обл.
- Сургут. — Сургутский край
- Тобол. — Тобольская губ.
- Тул. — Тульская губ.

Литература

- Андроники, 1912 — *Андроники В. А.* Народные песни, сказания и легенды Махловской волости Юрьевецкого уезда // Костромская старина. Кострома, 1912. Вып. 7. С. 35–60.

⁴⁴ У русских крестьян бытовали гадания при посредстве православных атрибутов и «персонифицированных» празднеств. Ср. обращение к празднику Введения во храм Пресвятой Богородицы (4 декабря; по-народному — Виденьё, Видение): «Видение во храм, веде меня во храм, с кем я буду венчаться! Укажи мне того суженого, с кем я буду обручаться!» (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 231. П. 1. № 74. Л. 88 об. (Новг.)). В Новгородской же области, гадая в ночь на 4 декабря, мыли пол и, положив под изголовье скрученную тряпку, просили «Виденьё» показать во сне дом жениха: «Свяди мяня, где мне жить-поживать и полы мывать!» (АС, Иструбищи Холмского р-на Новгородской обл., А. Г. Дмитриева, 1915 г. р., 1988). Ср. также популярное гадание по страницам Псалтири [Черепнин, 1929, с. 192]. Тем не менее вопрошание о часе своей кончины, обращенное к Богу, кажется избыточно дерзновенным.

- Арефьев, 1902 — *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия Восточносибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1902. Т. 32, № 1–2. С. 65–140.
- Афанасьев, 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 3. 495 с.
- Балашов, 1970 — *Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л.: Наука, 1970. 448 с.
- Богатырев, 1916 — *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии: (Из летней экскурсии 1916 г.) // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. 91–92, № 3–4. С. 42–80.
- Болонев, 1978 — *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 158 с.
- Бондаренко, 1890 — *Бондаренко В.* Народные поверья // Тамбовские губернские ведомости. 1890. № 84. С. 2–3.
- Буслаев, 1862 — *Буслаев Ф. И.* Местные сказания владимирские, московские и новгородские: Две лекции из курса истории русской литературы // Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. С. Тихонравовым. М.: Тип. Грачева и К^о, 1862. Т. 4. С. 3–24.
- Зеленин, 1915 — Великорусские сказки Вятской губернии: Сборник Д. К. Зеленина. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1915. XLIV, 640 с. (Записки ИРГО по отд. этнографии; Т. 42).
- Вересов, 1895 — *Вересов П. Г.* Васильев вечер // Новгородские губернские ведомости. 1895. № 100. С. 2–4.
- Виноградов, 1923 — *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири // Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: [б. и.], 1923. Вып. 5. С. 261–345; [Отд. отт.] 87 с.
- Власова, 1999 — *Власова М. Н.* «О святках молодые люди играют игрища...»: (сюжет о проклятой-невесте в записи А. С. Пушкина и в современных интерпретациях) // Мифология и повседневность. СПб.: [б. и.], 1999. Вып. 2. С. 154–170.
- Власова, 2015 — Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. 2-е изд. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2015. 909 с.
- Георгиевский, 1902 — *Георгиевский А.* Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края: В 4 вып. Петрозаводск: Тип. губ. правления, 1902. Вып. 4. С. 53–61.
- Добровольский, 1891 — Смоленский этнографический сборник: В 4 ч. / Сост. В. Н. Добровольский: СПб., 1891. Ч. 1. 716 с. (Записки ИРГО по отд. этнографии; Т. 20).
- Добровольский, 1908 — *Добровольский В. Н.* Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губернии) // Живая старина. 1908. Вып. 1. С. 3–16.
- Едемский, 1908 — *Едемский М. Б.* Из кохшенгских преданий: IV. Еретика // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 211–216.
- Ефименко, 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. 221 с. (Известия ИОЛЕАиЭ; Т. 30, вып. 1: Труды этногр. отдела, кн. 5).
- Завойко, 1917 — *Завойко Г. К.* В Костромских лесах и по Ветлуге-реке: Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг. // Тру-

- ды Костромского общества по изучению местного края: Этнографический сборник. Кострома, 1917. Вып. 8. С. 3–40.
- Звонков, 1889 — *Звонков А. П.* Очерк верований крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 2. С. 63–79.
- Зеленин, 1915 — Великорусские сказки Вятской губернии: Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915. (Записки ИРГО по отд. этнографии; Т. 42).
- Зиновьев, 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.
- Иваницкий, 1890 — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. 234 с. (Известия ИОЛЕАиЭ; Т. 69, вып. 1: Труды этногр. отдела, кн. 11: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России, вып. 2).
- Иванов, 1892 — Суеверия крестьян: Этнологические очерки И. Иванова, священника с. Георгиева при р. Лухе // Родина. 1892. № 30. С. 1011–1013.
- Калинский, 1877 — *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1877. Т. 7. С. 265–480.
- Колчин, 1899 — *Колчин А.* Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 42, № 3. С. 1–60.
- Лесков, 1894 — *Лесков Н. С.* Святки в Кореле // Живая старина. 1894. Вып. 2. С. 222–223.
- Минх, 1890 — Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии / Собраны в 1861–1888 годах А. Н. Минхом. СПб., 1890. 152 с. (Записки ИРГО по отд. этнографии; Т. 19, вып. 2).
- Неклепаев, 1903 — Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк И. Я. Неклепаева // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. Омск, 1903. Кн. 30. Отд. 2. С. 29–230.
- Никифоров, 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 387 с.
- Ончуков, 1909 — Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1909. 646 с.
- Осокин, 1856 — *Осокин С. М.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 60, № 11. С. 1–40.
- Остряков, 1861 — *Остряков П. Г.* Суеверия в Новгородской губернии // Новгородские губернские ведомости. 1861. № 46. С. 394–398.
- Померанцева, 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
- Попов, 1903 — *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. VIII, 404 с.
- Порфенцева, 1974 — *Порфенцева Г.* Об устно-поэтической традиции Приленья // Сказки Приленья / Под ред. Е. И. Шастиной. Иркутск: [б. и.], 1974. С. 7–13.
- Потанин, 1864 — *Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник: В 6 вып. СПб.: Тип. В. Голловина, 1864. Вып. 6. 154 с.
- Резанова, 1902 — Этнографические материалы, собранные в деревне Саломыковой Обоянского уезда, учительницей Е. И. Резановой // Курский сборник: В 7 вып. Курск: Изд. Курск. губ. стат. к-та, 1902. Вып. 3, ч. 2. С. 5–109.

- Рождественская, 1941 — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Зап. текстов, вступ. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск: Архгиз, 1941. 224 с.
- Рязановский, 1915 — *Рязановский Ф. А.* Демонология в древнерусской литературе. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1915. 126 с.
- Садовников, 1884 — Сказки и предания Самарского края / Зап. и собр. Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. 388 с. (Записки ИРГО по отд. этнографии; Т. 12).
- Семенова, 1898 — *Семенова О. П.* Смерть и душа в поверьях и в рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 228–234.
- Сенаторский, 1883 — *Сенаторский Н.* Вера древних русских христиан в небесные знамения. Киев: Г. Т. Корчак-Новицкий, 1883. 135 с.
- Сергеев, 1905 — Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии / Зап. А. Сергеевым; сообщ. Д. К. Зелениным // Живая старина. 1905. Вып. 1/2. С. 1–55.
- Сказочная комиссия, 1927 — Сказочная комиссия в 1926 году: Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л.: Изд-во Гос. рус. геогр. о-ва, 1927. 72 с.
- Словарь, 1981 — Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1981. Вып. 17. 384 с.
- Смирнов А. М., 1917а — *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пг.: Тип. Рос. АН, 1917. Вып. 1. 504 с. (Записки ИРГО по отд. этнографии; Т. 44, вып. 1–2).
- Смирнов А. М., 1917б — *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пг., 1917. Вып. 2. С. 505–990. (Записки ИРГО по отделению этнографии; Т. 44, вып. 1–2).
- Смирнов В. И., 1920 — *Смирнов В. И.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края: Второй этнографический сборник. Кострома: Тип. «Северный рабочий», 1920. Вып. 15. С. 21–126.
- Соколовы, 1915 — Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1915. XVI, CXVIII, 666 с.
- Тиханов, 1904 — *Тиханов П. Н.* Брянский говор: Заметки из области русской этнологии. СПб.: Тип. Имп. АН, 1904. 263 с. (Сборник ОРЯС Имп. АН; Т. 76, № 4).
- Толстой, 1976 — *Толстой Н. И.* Из заметок по славянской демонологии. 2. Каков облик дьявольский? // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М.: Советский художник, 1976. С. 288–319.
- Ушаков, 1896 — *Ушаков Д. Н.* Материалы по народным верованиям великоруссов // Этнографическое обозрение. 1896. Кн. 29–30, № 2–3. С. 146–204.
- Харитонов, 1848 — *Харитонов А.* Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии // Отечественные записки. 1848. Т. 57, № 3/4. С. 132–153.
- Черепанова, 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 168 с.
- Черепанова, 1996 — *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 211 с.
- Черепнин, 1929 — *Черепнин Л. В.* Из истории русского колдовства XVII в. // Этнография. 1929. № 2. С. 86–109.
- Чернышев, 1950 — Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 342 с. (Литературные памятники).

- Шкловский, 1892 — Шкловский И. В. Очерки крайнего Северо-Востока. Иркутск: Тип. штаба Иркут. воен. округа, 1892. (Записки Восточносибирского отдела ИРГО по общей географии; Т. 2, вып. 1).
- Щапов, 1906 — Щапов А. П. Сочинения: В 3 т. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. Т. 1. 803 с.
- Элиаде, 1994 — Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

References

- Afanas'ev, A. N. (1985). *Narodnye russkie skazki*. L. G. Barag, N. V. Novikov, eds. Moscow: Nauka. Vol. 3. 495 p.
- Andronikov, V. A. (1912). 'Narodnye pesni, skazaniya i legendy Makhlovskoi volosti Yur'evetskogo uezda', *Kostromskaya starina*. Iss. 7, 35–60.
- Aref'ev, V. S. (1902). 'Materialy po etnografii Eniseiskogo uezda Eniseiskoi gubernii', *Izvestiya Vostochnosibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 32, No 1–2, 65–140.
- Balashov, D. M. (1970). *Skazki Terskogo berega Belogo morya*. Leningrad: Nauka. 448 p.
- Bogatyrev, P. G. (1916). 'Verovaniya velikorussov Shenkurskogo uezda Arkhangel'skoi gubernii (Iz letnei ekskursii 1916 goda)', *Etnograficheskoe obozrenie*. Vol. 91–92, No 3–4, 42–80.
- Bolonev, F. F. (1978). *Narodnyi kalendar' semeiskikh Zabaikal'ya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)*. Novosibirsk: Nauka. 158 p.
- Bondarenko, V. (1890). 'Narodnye pover'ya', *Tambovskie gubernskie vedomosti*, 84, 2–3.
- Buslaev, F. I. (1862). 'Mestnye skazaniya vladimirskie, moskovskie i novgorodskie: Dve lektsii iz kursa istorii russkoi literatury', in: *Letopisi russkoi literatury i drevnosti*. N. S. Tikhonravov, ed. Moscow: Tipografiya Gracheva i K°. Vol. 4, 3–24.
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 168 p.
- Cherepanova, O. A. (1996). *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 211 p.
- Cherepnin, L. V. (1929). 'Iz istorii russkogo koldovstva XVII veka', *Etnografiya*, 2, 86–109.
- Chernyshev, V. I. (1950). *Skazki i legendy Pushkinskikh mest. Zapisi na mestakh, nablyudeniya i issledovaniya V. I. Chernysheva*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk. 342 p.
- V. N. Dobrovolskii, ed. (1891). *Smolenskii etnograficheskii sbornik, 4 Vols.* (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 20). St. Petersburg. Vol. 1. 716 p.
- Dobrovolskii, V. N. (1908). 'Nechistaya sila v narodnykh verovaniyakh (po dannym Smolenskoi gubernii)', *Zhivaya starina*, 1, 3–16.
- Edemskii, M. B. (1908). 'Iz kokshen'gskikh predanii. IV. Eretiki', *Zhivaya starina*, 2, 211–216.
- Efimenko, P. S. (1877). *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoi gubernii*. Moscow: Tipografiya F. B. Millera. 221 p.
- Eliade, M. (1994). *Svyashchennoe i mirskoe*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 144 p.
- Georgievskii, A. (1902). 'Narodnaya demonologiya', in: *Olonetskii sbornik: Materialy dlya istorii, geografii, statistiki i etnografii Olonetskogo kraya, 4 Vols.* Petrozavodsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. Vol. 4, 53–61.

- Ivanitskii, N. A. (1890). *Materialy po etnografii Vologodskoi gubernii* (Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii. Vol. 69, Iss. 1. Trudy etnograficheskogo otdela, 11. Sbornik svedenii dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii. Iss. 2). Moscow. 234 p.
- Ivanov, I. (1892). 'Sueveriya krest'yan. Etnologicheskie ocherki I. Ivanova, svyashchennika sela Georgieva pri reke Lukhe', *Rodina*, 30, 1011–1013.
- Kalinskii, I. P. (1877). 'Tserkovno-narodnyi mesyatseslov na Rusi', in: *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. St. Petersburg. Vol. 7, 265–480.
- Kharitonov, A. (1848). 'Ocherk demonologii krest'yan Shenkurskogo uезда Arkhangel'skoi gubernii', *Otechestvennye zapiski*. Vol. 57, 3/4, 132–153.
- Kolchin, A. (1899). 'Verovaniya krest'yan Tul'skoi gubernii', *Etnograficheskoe obozrenie*. Vol. 42, 3, 1–60.
- Leskov, N. S. (1894). 'Svyatki v Korele', *Zhivaya starina*, 2, 222–223.
- Minkh, A. N. (1890). 'Narodnye obychai, obryady, sueveriya i predrassudki krest'yan Saratovskoi gubernii. Sobrany v 1861–1888 godakh A. N. Minkhom', *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. St. Petersburg. Vol. 19, Iss. 2. 152 p.
- Neklepaev, I. Ya. (1903). 'Pover'ya i obychai Surgutskogo kraja. Etnograficheskii ocherk', in: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Omsk. Vol. 30, 2, 29–230.
- Nikiforov, A. I. (1961). *Severnorusskie skazki v zapisyakh A. I. Nikiforova*. V. Ya. Propp, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR. 387 p.
- Onchukov, N. E. (1909). *Severnye skazki. Sbornik N. E. Onchukova*. St. Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. 646 p.
- Osokin, S. M. (1856). 'Narodnyi byt v severo-vostochnoi Rossii. Zapiski o Malmyzhskom uезде (v Vyatskoi gubernii)', *Sovremennik*, Vol. 60, 11, 1–40.
- Ostryakov, P. G. (1861). 'Sueveriya v Novgorodskoi gubernii', *Novgorodskie gubernskie ведомости*, 46, 394–398.
- Pomerantseva, E. V. (1975). *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре*. Moscow: Nauka. 194 p.
- Popov, G. (1903). *Russkaya narodno-bytovaya meditsina. Po materialam etnograficheskogo byuro knyazya V. N. Tenisheva*. St. Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. VIII + 404 p.
- Porfentseva, G. (1974). 'Ob ustno-poeticheskoi traditsii Prilen'ya', in: E. I. Shastina, ed. *Skazki Prilen'ya*. Irkutsk. 7–13.
- Potantin, G. N. (1864). 'Yugo-zapadnaya chast' Tomskoi gubernii v etnograficheskom otnoshenii', in: *Etnograficheskii sbornik*, 6 Vols. St. Petersburg: Tipografiya V. Golovina. Vol. 6, 1–154.
- Rezanova, E. I. (1902). 'Etnograficheskie materialy, sobrannye v derevne Salomykovoii Oboynskogo uезда, uchitel'nitsei E. I. Rezanovoi', in: *Kurskii sbornik*, 7 Vols. Kursk: Izdanie Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vol. 3, 2, 5–109.
- Rozhdestvenskaya, N. I. (1941). *Skazy i skazki Belomor'ya i Pinezh'ya*. Arkhangel'sk: Arkhgiz. 224 p.
- Ryazanovskii, F. A. (1915). *Demonologiya v drevnerusskoi literature*. Moscow: Pechatnaya A. I. Snegirevoi. 126 p.

- Sadovnikov, D. N. (1884). *Skazki i predaniya Samarskogo kraya*, zapisany i sobrany D. N. Sadovnikovym (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 12). St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 388 p.
- Semenova, O. P. (1898). 'Smert' i dusha v pover'yakh i v rasskazakh krest'yan i meshchan Ryazanskogo, Ranenburgskogo i Dankovskogo uездov Ryazanskoj gubernii', *Zhivaya starina*. 2, 228–234.
- Senatorskii, N. (1883). *Vera drevnikh russkikh khristian v nebesnye znameniya*. Kiev: G. T. Korchak-Novitskii. 135 p.
- Sergeev, A. (1905). 'Iz byta i poezii krest'yan Novgorodskoi gubernii. Zapisano A. Sergeevym. Soobshcheno D. K. Zeleninym', *Zhivaya starina*, 1/2, 1–55.
- Shchapov, A. P. (1906). *Sochineniya*, 3 Vols. St. Petersburg: Izdanie M. V. Pirozhkova. Vol. 1. 803 p.
- Shklovskii, I. V. (1892). *Ocherki krainego Severo-Vostoka* (Zapiski Vostochnosibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchei geografii, Vol. 2, Iss. 1). Irkutsk: Tipografiya shtaba Irkutskogo voennogo okruga.
- S. F. Ol'denburg, ed. (1927). *Skazochnaya komissiya v 1926 godu. Obzor robot*. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 72 p.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* (1981). Leningrad: Nauka. Vol. 17. 384 p.
- Smirnov, A. M. (1917). *Sbornik velikoruskikh skazok Arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva* (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 44, Iss. 1–2). Petrograd: Tipografiya Rossiiskoi Akademii nauk. Vol. 1. 504 p.
- Smirnov, A. M. (1917). *Sbornik velikoruskikh skazok Arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva* (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 44, Iss. 1–2). Petrograd: Tipografiya Rossiiskoi Akademii nauk. Vol. 2, 505–990.
- Smirnov, V. I. (1920). 'Narodnye pokhorony i prichitaniya v Kostromskom krae', in: *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja. Vtoroi etnograficheskii sbornik*. Kostroma: Tipografiya "Severnyi rabochii". Vol. 15, 21–126.
- B. Sokolov, Yu. Sokolov, eds. (1915). *Skazki i pesni Belozerskogo kraja*, zapisali B. i Yu. Sokolovy. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoi. XVI, CXVIII, 666 p.
- Tikhanov, P. N. (1904). *Bryanskii govor. Zametki iz oblasti russkoi etnologii* (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 76, 4). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 263 p.
- Tolstoi, N. I. (1976). 'Iz zametok po slavyanskoi demonologii. 2. Kakov oblik d'yavol'skii?', in: *Narodnaya grav'yura i fol'klor v Rossii XVII–XIX vekov*. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 288–319.
- Ushakov, D. N. (1896). 'Materialy po narodnym verovaniyam velikorussov', *Etnograficheskoe obozrenie*. Vol. 29–30, Iss. 2–3, 146–204.
- Veresov, P. G. (1895). 'Vasil'ev vecher', *Novgorodskie gubernskie vedomosti*, 100, 2–4.
- Vinogradov, G. S. (1923). *Smert' i zagrobnaya zhizn' v vozzreniyakh russkogo starozhilogo naseleniya Sibiri*. Irkutsk. 87 p.
- Vlasova, M. N. (1999). "'O svyatkakh molodye lyudi igrayut igrishcha...": (syuzhet o proklyatoi-neveste v zapisi A. S. Pushkina i v sovremennykh interpretatsiyakh)', in: *Mifologiya i povsednevnost'*. St. Petersburg. Iss. 2, 154–170.

- Vlasova, M. N. (2015). *Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'yan XIX–XX vekov*. 2 ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 909 p.
- Zavoiko, G. K. (1917). 'V Kostromskikh lesakh i po Vetluge-reke: Etnograficheskie materialy, zapisannye v Kostromskoi gubernii v 1914–1916 godakh', in: *Trudy Kostromskogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja: Etnograficheskii sbornik*. Kostroma. Vol. 8, 3–40.
- Zelenin, D. K. (1915). *Velikorusskie skazki Vyatskoi gubernii. Sbornik D. K. Zelenina*. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 42). Petrograd: Tipografiya A. V. Orlova. XLIV, 640 p.
- V. P. Zinov'ev, ed. (1987). *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka. 401 p.
- Zvonkov, A. P. (1889). 'Ocherk verovaniy krest'yan Tambovskoi gubernii Elatomskogo uezda', *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 63–79.

Е. И. Гончарова

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ И АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ (ИЗ ПЕРЕПИСКИ 1892 Г.)

Резюме

Публикуются 11 писем Василия Розанова и поэта, публициста, ученика К. Н. Леонтьева Анатолия Александрова (1861–1930) за 1892 г. Целью исследования является введение в научный оборот архивных материалов, посвященных раннему периоду творческой биографии Розанова. Анализируются причины возникновения переписки между корреспондентами. На основе исследования архивных материалов: писем Розанова к Т. И. Филиппову (РГАЛИ), дневника Филиппова за 1892 г. (РГИА), писем Филиппова к Розанову (РГАЛИ) — делается заключение, что истинной причиной начавшейся переписки было поручение, полученное Александровым от сенатора Филиппова. Как показывает переписка, Александров выступил в роли первого посредника между Розановым и сановником. В результате анализа архивных материалов выясняется как роль Филиппова в получении Александровым в 1892 г. поста редактора журнала «Русское обозрение», так и его участие в перемещении Розанова из провинции в Петербург весной 1893 г.

Переписка двух литераторов не только освещает тему «Розанов и Александров», но и вносит существенные дополнения в тему «Розанов и консерваторы».

Ключевые слова: В. В. Розанов, А. А. Александров, К. Н. Леонтьев, Т. И. Филиппов, С. А. Рачинский, переписка, консерватизм, журнал «Русское обозрение»

VASILY ROZANOV AND ANATOLY ALEKSANDROV: PERSONAL AND LITERARY DIALOGUE IN THE 1892 CORRESPONDENCE

Abstract

This is the first publication of eleven consecutive letters exchanged in 1892 by the profound Russian intellectual, philosopher and publicist Vasily Rozanov and Anatoly Aleksandrov, a modest poet and a budding journalist. The publication is accompanied by a study of the reasons for their relationship and of the initial stage of their spiritual rapprochement. Rozanov and Aleksandrov started their correspondence in 1892, both being devoted followers of the outstanding Russian religious thinker Konstantin Leontiev and admirers of his intellectual heritage. Over time, their relationship changed significantly, but they maintained personal contacts until Rozanov's death. Mainly thanks to Aleksandrov, the influential high-ranking official and patron of young neo-Slavophile talents, Terty Filippov, showed interest in Rozanov, who then was still little known in Russian intellectual circles and served as an inconspicuous teacher in the provincial town of Bely (Smolensk province). Having acquired the support of their high-ranking patron, Aleksandrov and Rozanov considered 1892 to be a turning point for their social status: Aleksandrov was appointed chief editor of the journal *Russkoe Obozrenie* in Moscow, while Rozanov obtained the opportunity to move to St. Petersburg when Filippov promised to hire him for a small position in the State Control, where Filippov was the chief. The recently found unknown archival drafts of letters from Vasily Rozanov to Filippov and Filippov's letters back to Rozanov (from the collection of the Russian State Archive of Literature and Art) and also excerpts from Filippov's diary of 1892 (in the possession of the Russian State Historical Archive) are published and analyzed here. Changes in Rozanov's views on some aspects of the philosophical work of Konstantin Leontiev are also investigated.

Keywords: Vasily Rozanov, Anatoly Aleksandrov, Konstantin Leontiev, Terty Filippov, correspondence, Russian conservative thought, journal *Russkoe Obozrenie*

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-143-179

Об отношениях Василия Розанова и поэта, публициста, журналиста, коллекционера Анатолия Александрова (1861–1930) известно очень мало¹. Розанов в статье «Судьбы нашего журнального консерватизма», не называя имени Александрова, писал с сочувствием именно о нем — «последнем и самом продолжительном» редакторе журнала «Русское обозрение» [Розанов, 2009, с. 500]. Размышляя о судьбах двух консервативных журналов, он вспоминал встречи в Петербурге с «тюфяком-редактором», о котором ходили темные слухи в связи с растратой царской субсидии, вы-

¹ См.: [Серебряков, 2008, стб. 57–58].

деленной на журнал. Не веря этим слухам и желая защитить Александрова, с которым он сотрудничал с 1892 г., Розанов даже написал письмо начальнику Главного управления по делам печати М. П. Соловьеву. Однако помочь не удалось, и в 1898 г. Александров был вынужден покинуть пост редактора журнала. Со временем отношение Розанова к Александрову изменится. Летом 1915 г., прочитав письма Леонтьева к Александрову, опубликованные в «Богословском вестнике»², Розанов, восхищаясь глубиной их содержания, иронично-пренебрежительно отозвался об адресате. «Какие чудные письма Леонтьева к вислоухому Александрову», — обронил он в письме к П. А. Флоренскому³. В переписке Розанова с Флоренским имя Александрова упоминалось неоднократно. В одном из писем Флоренский заметил, что Розанов ругал Александрова⁴. Когда Розанов решил выяснить, не у Александрова ли хранятся и его письма к Леонтьеву, то неожиданно дал следующую весьма язвительную характеристику своему бывшему корреспонденту: «Дело в том, что „любящий друг Анат. Ал-в“ по „†“ К. Л(еонтье)ва вошел в храмину покойного и сказал „неопытным монахам“ и „служкам гостиницы“, что „друг покойного“ и „разберется“ в бумагах и книжности покойного. И преспокойно „все“ перевез к себе. У него это талант и инстинкт. Молчаливый, и прихрамывая, он к(а)к с котомочкой обхаживает обывательские задние двory и кладет все себе. Он — XVII-го века, и „новейшего не признает“. „Революцию всячески отрицаю“. Ну и прочее. Я был бы рад, если б у него (моя переписка). (...) У А. А(лександр)ова уж „сохранится“» [Розанов, 2010, с. 351]. Александров был одним из душеприказчиков Леонтьева, но Розанов как будто забыл это, хотя в ранней переписке об этом говорится (п. 3).

Публикуемые письма — фрагмент переписки, начавшейся в январе 1892 г. В последующие годы, когда Александров редактировал журнал «Русское обозрение», переписка продолжилась, но дальнейшие отношения носили эпизодический характер. Тем не менее, когда в конце августа 1917 г. Розанов с семьей «бежал» из Петрограда в Сергиев Посад, то за помощью в связи с переездом он обратился к Александрову. Его последние письма к Александрову написаны в 1917 г.⁵

Упреки в адрес Александрова со стороны Розанова изредка звучали в более поздние годы, хотя и ранее были уколы с его стороны. Когда в 1893 г. Розанова пытались сделать соредактором Александрова в «Русском обо-

² См. запись Розанова от 8 июня 1915 г. [Розанов, 2011, с. 217]. Письма Леонтьева к Александрову опубликованы: [Леонтьев, 1914]; отд. изд.: [Александров, 1915].

³ Письмо от 19 июня 1915 г. [Розанов, 2010, с. 349].

⁴ Письмо П. А. Флоренского к Розанову от 20 июня (?) 1915 г. [Розанов, 2010, с. 174].

⁵ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 2. № 15. Л. 75, 80.

зрении», он «в сердцах» назвал того «лакеем»⁶. Правда, спустя некоторое время, решив объясниться, поскольку между литераторами осталось «нечто затаенно-неприятное», Розанов написал Александрову письмо⁷, и отношения были восстановлены, но особой человеческой близости между ними так и не возникло.

Переписку по тематике условно можно разделить на две части. Первая часть, охватывающая период с января по октябрь 1892 г., велась «под знаком» Константина Леонтьева, ушедшего в мир иной два месяца назад — 12 ноября 1891 г. Вторая часть переписки связана с сотрудничеством Розанова в журнале «Русское обозрение». Хронологически она охватывает период с октября 1892 г., когда Александров был официально утвержден на посту редактора журнала, и продолжалась вплоть до 1898 г.

Публикуемый фрагмент переписки относится к раннему периоду творческой биографии Розанова. Имя Розанова к этому времени уже приобрело литературную значимость. «Вы теперь человек известный, — писал ему Н. Н. Страхов еще в 1890 г., — в четырех журналах, „Рус(ском) Вестн(ике)“, „Вопросах философии“, „Журнале Министерства народного просвещения“ и в „Русском обозрении“ — Ваша статья не залежится, а будет тотчас прочитана и оценена» [Розанов, 2010, с. 57]. Розанов считал, что его вступление в литературу началось позже: с выходом в свет философского эссе «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария», напечатанного в журнале «Русский вестник» (1891, № 1–4). Теперь, в январе 1892 г., в этом же журнале появилась его статья «Эстетическое понимание истории»⁸, посвященная историософии К. Н. Леонтьева. Внешним поводом для начала переписки Розанова и Александрова и явился выход в свет этой статьи. Прочитав первую часть статьи, Анатолий Александров тотчас же написал письмо автору, сообщив, что он еще ранее познакомился с ней у К. Н. Леонтьева в Оптиной пустыни.

Известно, что Розанов неожиданно получил письмо от Константина Леонтьева в апреле 1891 г. Вспыхнувшая оживленная и глубокая по содержанию переписка, продлившаяся лишь несколько месяцев, прервалась неожиданной кончиной философа, но Леонтьев успел прочитать в рукописи начало статьи «Эстетическое понимание истории» и пришел в полный восторг. Розанова он читал ранее и теперь писал своему близкому ученику

⁶ Розанов писал Г. А. Рачинскому: «...абсолютно невозможны Александров и Фудель, первый — лакей, второй — лицемер» (письмо от 16 февраля 1894 г. [Розанов, 2010, с. 502]).

⁷ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 727. Л. 24–27.

⁸ [Розанов, 1892а]. В дальнейшем статья печаталась под заглавием «Теория исторического прогресса и упадка» [Розанов, 1892b].

Александрову: «Знакомы ли Вы со статьями Розанова в „Рус. Вестн.“ и „Моск. Ведом.“?»⁹

Александров навел философа в Оптиной пустыни летом 1891 г.¹⁰ «У меня гостит теперь молодой *доцент* моск. универ. Анатолий Александров (27 лет), друг и ученик мой... — сообщал Леонтьев Розанову 5 июля 1891 г. — Он до того восхитился Вашей статьей и Вашими письмами, что если бы не это письмо Ваше, извещающее, что Вы под Москвою, то он непременно бы заехал к Вам в Елец знакомиться (<...> (он едет к родным в Белёв)» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 269]. Тогда Александров и познакомился не только со статьей «Эстетическое понимание истории», но и с письмами Розанова к философу. Знакомство, намеченное им в Ельце, откуда были родом жены литераторов, тогда не состоялось. Розанов в июле 1891 г. оказался в Москве, где проводил медовый месяц с В. Д. Бутягиной и в связи с финансовым крахом был вынужден сочинять статьи для консервативной газеты «Московские ведомости». В письме к Леонтьеву он спрашивал: «Чего доцент Александров, какой науки? Слава Богу, что нашего полка прибывает» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 271]. «Александров — доцент по *русской литер.*», — ответил кратко ему Леонтьев [Там же, с. 272]. Под «нашим полком» подразумевались люди консервативных убеждений. Розанов, как известно, причислял себя в этот период к «ультраконсерваторам» и позже называл эту эпоху своей жизни временем «энтузиазма».

В Москве Розанов написал для «Московских ведомостей» свой первый фельетон, посвященный Леонтьеву и одобренный им, — «Европейская культура и наше к ней отношение»¹¹. И когда в конце августа или начале сентября 1891 г. Леонтьев, только что принявший тайный монашеский постриг, остановился ненадолго в Москве, он встречался с Анатолием Александровым и говорил с ним о розановской статье¹². Розанов знал, что именно Александров еще осенью 1891 г. должен был вести переговоры с типографиями по поводу издания третьего тома книги Леонтьева «Восток, Россия и Славянство»¹³. Поэтому в первом письме он интересовался изданием этого тома, так и не вышедшего в свет.

Таким образом, почва для знакомства Розанова и Александрова была подготовлена. Они слышали друг о друге от Леонтьева, и им казалось, что ученики философа — это «сообщники по убеждениям», которые должны

⁹ Письмо от 3 мая 1891 г. [Александров, 1915, с. 115].

¹⁰ Об отношениях Александрова с К. Н. Леонтьевым см.: [Фетисенко, 2012а, с. 533–561].

¹¹ [Розанов, 1891].

¹² Письмо К. Н. Леонтьева от 3 сент. 1891 г. [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 297].

¹³ См. примеч. 8 к п. 2.

сплотиться для битвы с противниками, стоящими «как густой лес» и закрывающими от родины «светлую и прочную будущность». Под противниками подразумевались либералы.

Анатолий Александров¹⁴ познакомился с Константином Леонтьевым зимой 1884 г. на одной из «пятниц» в доме у философа П. Е. Астафьева, который заведовал университетским отделением Императорского лицея Цесаревича Николая, основанным известным консервативным публицистом М. Н. Катковым¹⁵. Александров был студентом Катковского лицея, когда впервые встретился с философом, тогда еще служившим в Московском цензурном комитете. Их знакомство продолжалось семь лет.

Анатолий Александров родился в Бельском уезде Тульской губернии в семье небогатых дворян. В своих воспоминаниях¹⁶ о детстве он подробно описывает семью, касается истории своего дворянского рода. Закончив уездное училище в Мценске, он успешно выдержал экзамены в Московском лицее Цесаревича Николая и был зачислен пансионером на казенный счет в одно из самых престижных заведений России, закончил его с золотой медалью. Он поступил на историко-филологический факультет Московского университета позже Розанова на пять лет и закончил его одним из первых в 1887 г. В том же году он начал учительствовать в доме Л. Н. Толстого — занимался с его сыном Андреем и жил в квартире во дворе хамовнического дома писателя. Когда Розанов получил первое письмо от Александрова, тот в качестве приват-доцента начал читать лекции по русской литературе в Московском университете.

Розанов в это время служил учителем в провинции. Вынужденный поменять место службы после незаконного, с точки зрения Церкви, венчания с В. Д. Бутягиной, в сентябре 1891 г. он перебирается из Ельца в город Белый и поступает на службу в мужскую прогимназию, директором которой был в течение 11 лет его старший брат. Когда Н. В. Розанова неожиданно в конце октября 1891 г. перевели в Вязьму, Розанов оказался «в страшном одиночестве». У него было ощущение, что он «заживо погребен в Белом»: «...меня, очевидно, закупили здесь, и уже убеждены, что из этой ямы я не выйду, тут и издохну. Но, кажется, им предстоит ошибиться...»¹⁷

¹⁴ Об А. А. Александрове см.: [Русские писатели, 1989, с. 43–44].

¹⁵ Квартира П. Е. Астафьева размещалась в здании лицея на углу Остоженки и ул. Крымский мост.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. № 43.

¹⁷ Письмо к Н. Н. Страхову (1892) [Розанов, 2001, с. 290].

Письма, адресованные Александрову, вплоть до весны 1893 г. писались из этого глухого городка. Для Розанова это был «фазис угрюмого отшельничества», духовного уныния и угнетенности. Неожиданное письмо от Александрова с упоминанием имен К. Н. Леонтьева и сенатора Т. И. Филиппова, полученное в январе 1892 г., обрадовало Розанова. Он еще ранее обратил внимание на стихотворение Александрова «Оптина пустынь», напечатанное в «Московских ведомостях» 15 октября 1891 г.

Первые письма показали, что корреспонденты принадлежат к одному литературно-политическому лагерю и печатаются в одних и тех же консервативных изданиях — журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости». Александров заявил о себе как поэт и как литературный критик статьями о В. Г. Короленко и В. М. Гаршине. В 1891 г. он принял участие в полемике с Вл. Соловьевым, напечатав статью «„Не знаете, какого Вы духа...“ (К вопросу об универсальном христианстве)»¹⁸.

В самом начале в переписке появляется имя Тертый Иванович Филиппова (1825—1899), занимавшего высокий пост государственного контролера, — человека, сыгравшего ключевую роль в скором переезде писателя в Петербург весной 1893 г. Это имя упоминается корреспондентами неоднократно. О нем Розанов впервые услышал от Константина Леонтьева, пытавшегося помочь талантливому литератору выбраться из провинции¹⁹. Кроме того, в «тетрадах с наклейками»²⁰, полученных от Леонтьева и упоминаемых в переписке, он явно прочитал характеристику Филиппова, данную этому «истинному другу» и «благодетелю» философа²¹.

Можно предположить, что действительной причиной первого письма Александрова было желание не столько высказать сочувствие статье Розанова, сколько исполнить поручение высокопоставленного чиновника: переслать литератору книгу Филиппова «Современные церковные вопросы» (1882). «Розанову отослал Вашу книгу, — писал Александров Филиппову, — и получил от него восторженный отзыв о ней, как и ожидал»²². Нужно иметь в виду, что Александров надеялся, что после кончины Леонтьева

¹⁸ [Александров, 1891b]. Статьи Александрова выявлены: [Фетисенко, 2012а, с. 544–546].

¹⁹ К. Н. Леонтьев писал Розанову 19 июня 1891 г.: «В начале июля здесь собирается побывать Тертый Иванович Филиппов; он, по-видимому, в хороших отношениях с гр. Деляновым и может повлиять на это. (...) Что касается до Филиппова, то он мне давний, личный друг, и с ним я могу говорить откровенно...» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 263].

²⁰ См. примеч. 13 к п. 3.

²¹ [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 609].

²² Письмо от 7 апр. 1782 г. (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 1340. Л. 3 об.).

государственный контролер будет руководителем и вдохновителем молодого кружка учеников Леонтьева²³.

Александрову нужно было прежде всего уточнить адрес Розанова для сановного лица. Получив адрес, 7 марта 1892 г. Филиппов первым написал письмо Розанову, выразив восхищение его статьями: «...я приветствую Вас с блестящим началом Вашей литературной деятельности, которая обещает роскошный расцвет и обильную, многоплодную зрелую пору, лишь бы Господь оберег Вас от всяких вредных случайностей, от „сряща и беса полуденного“. Достоинству внутреннего содержания Ваших трудов отвечает и внешний его покров: Ваш превосходный слог переносит мысль в давно уже минувшее время, когда божественный дар слова чтился, как святыня. Примите мой старческий привет, как должную Вашим дарам дань, в залог дальнейших успехов»²⁴.

Выразив уважение к мыслям Филиппова, высказанным в его книге, в ответном письме Розанов искренне признавался, что верности «исторически-установившейся Церкви» у него еще нет и он находится сейчас на «длинном возвратном пути»²⁵. Любопытно, что черновой автограф письма наполнен совершенно иным содержанием. Розанов не только писал о своем глубоком унынии, но и прямо обращался к покровительству Филиппова.

Приведем выдержки из черновика письма: «...я так угнетен своей жизнью, в Вашем сочувствии так уверен (и всегда верил в него), что мне ничего не останется, кроме как сделать это... Больше всего я нуждаюсь в твердой, не колеблющейся руке, в руке свободной, наконец, которая бы указала мне на нужное (...) Не подадите Вы мне помощи, и я, при своей неопытности и нерешительности — заживо погребенный в Белом учитель истории и географии. Что мне в том, что меня читают где-то и кто-то; что мне, когда сам я о предметах, над которыми перегорел и истощился мой ум, не имею возможности перекинуться ни с кем словом»²⁶.

В заключение Розанов просил помочь ему выбраться из провинции: «...возможность перехода от настоящей деятельности или к той, которая бы совершенно отвечала моему умственному складу способностей, или, напро-

²³ Александров писал Т. И. Филиппову 7 апр. 1892 г.: «Мне почему-то думается, что Вам предстоит сделать объединяющим центром и надежным руководителем и вдохновителем нашей осиротевшей после смерти Леонтьева молодой семьи» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 1340. Л. 3 об.).

²⁴ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 12. Л. 2.

²⁵ Письмо Розанова от 19 марта 1892 г. [Фетисенко, 2006, с. 136].

²⁶ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 334. Л. 5; Л. 3.

тив, довольно механической, которая оставляла бы свободной мне голову; и куда-нибудь, только из Белого... Простите, это грубо, это искание должности, занятия...»²⁷

С. А. Рачинский, как известно принимавший самое деятельное участие в судьбе литератора²⁸, уже 17 марта уведомил его о планах Филиппова «перетащить» Розанова в Петербург, дать фиктивную, но хорошо оплачиваемую должность в государственном контроле и сделать из него литературного сотрудника по вопросам церковно-государственным. Рачинский был дружен с Филипповым. Государственный контролер был родом из Ржева и летом всегда приезжал в свой дом на берегу Волги²⁹. Педагог и чиновник часто встречались в 1892 г. Рачинский нередко бывал в доме Филиппова во Ржеве, и сановник приезжал к нему в гости в Татево, иногда даже с сыном. Тем не менее, несмотря на дружеские отношения, Рачинский предупредил Розанова: «Третий Иванович действует путями не всегда прямыми. Самолюбия он безмерного. Самостоятельной мысли в подчиненных он не терпит...»³⁰ Но Розанов имел тогда самые светлые воззрения на Филиппова после чтения его книги и не поверил проницательному суждению Рачинского.

Александров, судя по упоминанию в переписке письма Розанова к Филиппову, был в курсе планов государственного контролера относительно писателя. В первой половине мая 1892 г. Филиппов, приехав в Москву, встречался с Александровым и говорил с «сочувствием» о Розанове (п. 9).

В дневнике Т. И. Филиппова за 1892 г. Розанов упоминается вскользь только однажды, в связи с Леонтьевым³¹. А вот имя Александрова упоминается неоднократно в связи с журналом «Русское обозрение». Еще в мае 1892 г. редактор журнала князь Д. Н. Цертелев, поэт, философ, друг Владимира Соловьева, фактически покинул журнал, отправив ранее в Главное управление по делам печати письмо, разъясняющее причину своего ухода³².

²⁷ Там же. Л. 5.

²⁸ Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — профессор физиологии Московского университета (1859–1868), переводчик, учитель церковно-приходской школы для крестьянских детей в своем имении в Татево (с 1873 г.), расположенном в том же уезде Смоленской губернии, что и город Белый, где учительствовал Розанов. В своем уезде Рачинский открыл 30 школ для крестьянских детей. В январе 1892 г. он написал первое письмо Розанову, который приезжал в Татево неоднократно. См.: [Фатеев, 2013, с. 176–179].

²⁹ См.: [Алексеева, 2008].

³⁰ Письмо С. А. Рачинского к Розанову от 17 марта 1892 г. [Розанов, 2010, с. 418–419].

³¹ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. № 1. Л. 16.

³² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. 1889 г. Л. 51.

Юридическим издателем журнала был Николай Михайлович Боборыкин³³, московский нотариус, давний друг, а теперь также душеприказчик К. Н. Леонтьева, который вынужден был временно взять руководство журналом на себя. Но только в начале июля 1892 г. он предложил Александрову занять опустевшее место редактора «Русского обозрения». Александров, получив заманчивое предложение, пребывал в состоянии нерешительности. Он сразу же обратился за советом к Филиппову³⁴. Тот уже 7 июля 1892 г. отправил ему письмо ободряющего содержания:

«Я в Петербурге, но на днях выезжаю во Ржев, куда приглашаю Вас и г. Боборыкина для переговоров. Мне чуется что-то промыслительное в полученном Вами приглашении; мое разнообразное содействие будет Вам очень полезно. (...) Пишите во Ржев Твер(ской) губ(ернии) о дне Вашего приезда»³⁵.

Запись в дневнике Филиппова от 8 июля весьма существенно дополняет выше процитированное письмо: «Получил письмо от Анат. Александрова³⁶, которому владельцы „Русского обозрения“ предлагают быть редактором вместо кн. Цертелева, который раскапризничал (так!). Он просит моего совета; я его благословил и пригласил для переговоров во Ржев. Это очень важное обстоятельство, которое дает мне влияние, почти власть над журналом: хозяева „Русского обозрения“ Боборыкин, душеприказчик Леонтьева, и Арсений Морозов, издатель древнего крюкового пения, мой почитатель: редакция будет в руках ученика Леонтьева, следом все другие его последователи войдут в состав редакции»³⁷.

Из этой записи следует, что Филиппову нужна была прежде всего власть над «Русским обозрением». Дневниковые записи проливают свет не только на историю неожиданного редакторства Александрова в консервативном журнале, но и на дальнейшие события. Имеется в виду неудачная попытка Филиппова в 1893 г. сделать Розанова соредактором «Русского обозрения».

³³ Боборыкин Николай Михайлович (1856?–?) — выпускник юридического факультета Московского университета, кандидат прав, нотариус Московского окружного суда (с 1883 г.), официальный издатель журнала «Русское обозрение»; двоюродный брат философа П. Е. Астафьева.

³⁴ Александров писал Т. И. Филиппову 5 июля 1892 г.: «...Н. М. Боборыкин, совершенно для меня неожиданно, обратился ко мне с предложением, не соглашусь ли я взять на себя редактирование „Русского обозрения“ (...) Так вот я и нахожусь в нерешимости...» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 1340. Л. 5 об.).

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. № 766. Л. 2.

³⁶ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 1340. Л. 5 об.

³⁷ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. № 1. Л. 30.

Розанов, понимая, что Александрова использовали в этой истории и что инициатором был не он, написал ему письмо, чтобы между ними исчезло «нечто затаенно-неприятное»: «...это нужно было другим и вовсе не было нужно мне: я был бы редактором фиктивным»³⁸.

15 июля 1892 г. Александров и Боборыкин по приглашению Филиппова приехали из Москвы во Ржев за помощью сенатора. В день приезда московских гостей Филиппов сделал запись в дневнике, чрезвычайно важную для понимания ситуации с назначением Александрова на пост редактора и роли в этой истории самого сенатора:

«Утро началось посещением Боборыкина и Александрова, которые приехали ко мне за советом и помощью по делу „Русского обозрения“. (...) Боборыкин, как юридический хозяин издания, согласен заменить кн(язя) Ц(ертелева) Александровым, приват-доцентом Московского университета по кафедре Русской словесности, последователем Леонтьева — словом, человеком и по умственному уровню, и по политическому направлению для правительства вождем. Тем не менее дело это не обойдется без борьбы с большими препятствиями (...) Я снабдил их письмами (...) и так как права Боборыкина неоспоримы, а звание приват-доцента на кафедре Русской словесности и охранительное направление Александрова ручаются за его пригодность как редактора, то — „кто знает“ — на этот раз, быть может, и правда увидит свет, и мне на закате наших дней еще дано будет утешиться проповедью нашего учения»³⁹.

Что касается Розанова, то несмотря на желание Филиппова с ним познакомиться летом 1892 г., встреча так и не состоялась. В августе Филиппов просил приехать к нему во Ржев Розанова, но тот от встречи уклонился⁴⁰.

Таким образом, первым посредником между Розановым и Филипповым, как показывает переписка, был именно Анатолий Александров. Благодаря протекции государственного контролера малоизвестный литератор Анатолий Александров вскоре, в октябре 1892 г., был назначен редактором журнала «Русское обозрение», а Розанов весной 1893 г. перебрался из провинции в Петербург, на службу в государственный контроль, под патронаж Филиппова.

Завершает переписку письмо Александрова от 5 августа 1892 г. с известием о его редакторстве в «Русском обозрении». Теперь для тех, кто был близок к Константину Леонтьеву, а затем попал под покровительство

³⁸ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 727. Л. 24.

³⁹ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. № 1. Л. 34.

⁴⁰ Рачинский сообщал Розанову 20 авг. 1892 г.: «Вчера уехал от нас Т. И. Филиппов. Он очень просит вас приехать к нему во Ржев — познакомиться» [Розанов, 2010, с. 420].

Филиппова, открывалась возможность печататься на страницах этого консервативного органа. В письме Александров обозначил не только свое видение направления «Русского обозрения» — посвятить журнал «памяти нашего общего друга К. Н. Леонтьева», — но и просил помощи Розанова как «единомышленника и брата по оружию» (п. 11). И Розанов соглашался, что на страницах журнала многое можно сделать для развития идей Константина Леонтьева⁴¹.

Однако последующая переписка показывает эволюцию взглядов Розанова по отношению к идеям Леонтьева. В 1895 г. начнется его постепенное отторжение от мировоззрения философа. Когда он прочитал в «Русском обозрении» статью ученика Леонтьева И. Фуделя «Культурный идеал К. Н. Леонтьева»⁴² с выдержками из письма философа, то своими сомнениями поделился с Александровым:

«Я не знаю, насколько Вы точно и неотступаемо держитесь идей Леонтьева; но его письмо к Фуделю (...) излишней, выступающей за край эстетикой, ради коей всё попирается, — признаюсь, меня смутило. Это страшно; это, я думаю, не угодно Богу; против этого надо бороться. Куда же девать смирных и некрасивых? Я сам такой, и за тысячи таких же буду бороться. Ему всё подавай Александров Македонских или Алкивиадов...»⁴³

Несколько позже, в 1896 г., возникнет розановский миф о Леонтьеве — Алкивиаде. Приведем отрывок из письма Розанова к Александрову:

«Эстетика его жестоковейна, и предпочтение Алкивиада Акакию Акакиевичу (а почему мы все не Акакии Акакиевичи?) вызвала бы протест всего христианского мира (...) Вы поймете мотивы, меня заставившие пересмотреть весь вопрос о Леонтьеве. Но, это самое главное: мне пришли в голову такие соображения, которые — я в отчаянье, что не сказал самому Леонтьеву при жизни, — ибо они вдруг заставили бы его отказаться от „три-единого процесса“ истории, пункта исходного всех его теорий?»⁴⁴

Таким образом, переписка двух литераторов не только освещает тему «Розанов и Александров», но и вносит существенные дополнения в тему «Розанов и консерваторы».

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 2. № 15. Л. 10.

⁴² Речь идет о письме К. Н. Леонтьева к И. Фуделю от 6–23 июля 1888 г. Обширный фрагмент письма цитировался в статье Фуделя «Культурный идеал К. Н. Леонтьева» [Фудель, 1895, с. 262–268].

⁴³ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 2. № 15. Л. 38 об.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 2. № 15. Л. 53 об.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в РГАЛИ: Ф. 2. Оп. 2. № 15 (письма В. В. Розанова); Ф. 419. Оп. 1. № 727 (письма А. А. Александрова). Для полноты переписки печатается по автографу с воспроизведением пропуска ранее опубликованное письмо Александрова от 15 января 1892 г.⁴⁵ Авторские подчеркивания одной чертой выделены курсивом. Даты приводятся по старому стилю. Письма Розанова не имеют дат, поэтому они датируются по содержанию.

1

Александров — Розанову
15 января 1892 г. Москва

Москва.
15 янв(аря) 1892 г.

Прежде всего, уважаемый Василий Васильевич, крепко жму Вашу руку за статью «Эстетическое понимание истории»¹... Я имел случай познакомиться с ней еще в рукописи в Оптиной Пустыни, у покойного К. Н. Леонтьева, а теперь вновь пробежал наскоро эту первую, знакомую мне часть, и отложил внимательное ее чтение до напечатания второй², незнакомой мне, половины, чтобы прочитав тогда всю статью разом и получить цельное, законченное впечатление...

Затем покорнейше прошу Вас сообщить мне Ваш *адрес* (подлинный и подробный)³, потому что теперь я не уверен, так ли я Вам пишу, как следует, и найдет ли Вас мое письмо...

А я имею к Вам поручение от Т. И. Филиппова (Государственного Контролера): переслать Вам в подарок его книгу «Современные церковные вопросы»⁴... Не зная же наверное Вашего адреса, я этого сделать не решаюсь...

Извините, что не будучи лично с Вами знаком, я решаюсь писать Вам... Но я так много слышал о Вас *такого*, что необыкновенно сблизило меня с Вами духовно и что дает мне смелость поскорее перешагнуть через эту стену личного незнакомства и поторопиться завязать с Вами сношения в надежде, что они могут скоро перейти и в более теплые и дружеские...

Нам, осиротевшим друзьям покойного К. Н. Леонтьева — и, видимо, единомышленникам очень во многом, необходимо, по моему мнению, сплотиться по возможности в единую тесную дружескую семью: ведь кучкою биться гораздо сподручнее и легче, чем в одиночку.

⁴⁵ См.: [Фетисенко, 2006, с. 133–134].

Да, я знаю Вас заочно и начинаю уже уважать и любить... Думаю, что Вы кое-что слышали обо мне от покойного Конст(антина) Ник(олаевича); по крайней мере, он мне писал, что у него с Вами была обо мне речь. Летом я собирался даже заехать к Вам в Елец, так как был в тех краях, — и только извещение, что Вы были в это время в Москве⁵, помешало мне исполнить свое намерение.

Ваш Анатолий Александров.

Адрес мой: Москва, Остоженка, 3-й Ушаковский пер., д. Истоминой, кв. 1; Анатолию Александровичу Александрову (приват-доценту Императорского Московского университета).

¹ Имеется в виду первая часть статьи Розанова «Эстетическое понимание истории. I—VI» [Розанов, 1892а]. В статье рассматривалась концепция К. Н. Леонтьева о триедином процессе развития.

² В дальнейшем статья «Эстетическое понимание истории» печаталась под другим заглавием — «Теория исторического прогресса и упадка» [Розанов, 1892b]. После письма К. Н. Леонтьева о том, что название статьи верно, но невыгодно с точки зрения практической, Розанов написал письмо редактору «Русского вестника» о перемене названия. Письмо пришло поздно, когда появилась январская часть статьи под исходным заглавием. Следующие части статьи выходили под названием «Теория исторического прогресса и упадка». См. примеч. Розанова к письму Леонтьева от 13 авг. 1891 г.: [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 131–132].

³ С августа 1891 г. Розанов жил в уездном городе Белом в Смоленской губернии.

⁴ См. вступ. ст., с. 149.

⁵ Летом 1891 г. Александров ездил к родным в Белев. До Ельца, где в это время жил Розанов, было немногим более 200 км.

2

Розанов — Александрову

После 15 января 1892 г. Белый, Смоленской губернии

Многоуважаемый Анатолий Александрович!

Радостно мне было получить и прочесть Ваше неожиданное письмо; я действительно о Вас слышал от покойного, незабвенного и дорогого К. Н. Леонтьева; правда, сплотиться нам нужно, бывшим друзьям его, сообщникам по убеждению, раскиданным здесь и там; слабы мы числом, а противники стоят перед нами как густой лес, закрывая от нашей родины всякую светлую и прочную будущность.

На кафедре Университета¹ Вы можете могущественно действовать для ознакомления с его идеями юношества, для привлечения к его книгам

их светлых, впечатлительных душ. Судя по стихотворению Вашему в «Московских ведомостях»², Вы и сами человек впечатлительный и отзывчивый, а родное стремится к родному. Итак, в надежде на будущее личное сближение, пока над свежей могилой нашего общего друга, крепко и дружески жму Вашу руку.

О Т. И. Филиппове я много слышал, и все — неопределенное³. Только К. Н. Леонтьев мне писал, что в течение долгих, долгих лет он ему был близким, не изменившим другом; и вообще К(онстантин) Н(иколаевич) очень горячо, очень преданно к нему относился⁴. С его идеями и стремлением давно мечтал познакомиться; почти не ошибаюсь, думая, что он сторонник восстановления древнего Византизма⁵, и как первого шага на пути к этому, ищет восстановления в нашей истории древнего церковного строя, о последнем и мне мечталось еще в Университете. Книгу его прочту с удовольствием⁶ и прошу Вас непременно выразить ему мое и удивление, и горячую благодарность как за внимание к моей статье о Леонтьеве, так и за посылку своего труда.

Точный мой адрес: в город Белый, Смоленской губернии, в Прогимназию. Василью Васильевичу Розанову, т. е. тот самый, который Вы подписали.

Буду с нетерпением ожидать Вашей посылки, которою Вы, надеюсь, не замедлите.

Искренне Вам преданный
В. Розанов

А здесь неподалеку живет Сергей Александрович Рачинский⁷, о коем Вы, без сомнения, слышали. Нет, еще не перевелись люди с умом и сердцем у нас на Руси, и Бог даст, поменьше уныния да розни, и мы многое можем сделать.

Не слышно ли чего об издании 3-го тома «Восток, Россия и славянство»⁸ и не знаете ли Вы чего о судьбе бумаг К. Н. Леонтьева? Кажется, у него осталась жена?⁹

¹ Александров в это время читал лекции по русской литературе в Московском университете.

² Речь идет о стихотворении Александра, помещенном в коллективной статье-некрологе «Иеросхимонах Амвросий †» (подпись: А). Стихотворение было написано по совету К. Н. Леонтьева и напечатано после известия о смерти о. Амвросия Оптинского. В статью были включены материалы учеников Леонтьева, опубликованные ранее в газете «Московские ведомости» 15 октября 1891 г. (подписи: А. (А. А. Александров), Е. Поселянин и Ф. Ч. (Ф. П. Чуфрин)); [Иеросхимонах Амвросий, 1891, с. 2–3].

³ См. вступ. ст., с. 149.

⁴ К. Н. Леонтьев писал Розанову: «Вы не знаете, что *значил* для меня этот человек в течение 10 и более лет. (...) Только у Филиппова я уже с начала 70-х годов видел и ясное понимание моих

целей, и горячее, твердое, деятельное участие» (письмо от 13 июня 1891 г. [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 252]). Подробно об отношениях Леонтьева и Филиппова см.: [Фетисенко, 2012с].

⁵ Термин «Византизм» принадлежит К. Н. Леонтьеву. Только однажды он употребил это понятие в статье «Византизм и славянство», имея в виду следующее: «...новое *освещение* давно знакомых фактов русской жизни (Православие, Самодержавие и т. п. {...}) опасаясь (тогда в (18)72–(18)73 г.) каких-то *туманных и обманчивых либерально-славянских новшеств* на старой **Греко-**Российской Церковной почве, — я захотел указать на то, что даже и помимо сферы *личной веры* того или иного из нас, — Православие (*Греками-Виз(антийцами) развитое*) имеет для России культурно-государственное *основное значение (просветительно-обособляющее и утверждающее)*. И только... После этого я нигде ни разу не говорил „Византизм“ (поищите-ка!), а всегда уже говорил „Православие“, „Самодержавие“ и т. д., *просто* и как все» (письмо К. Н. Леонтьева к И. И. Фуделю от 10 июля 1891 г. [Фетисенко, 2012b, с. 318]).

⁶ Еще до получения книги «Современные церковные вопросы» Розанов получил письмо от Т. И. Филиппова, который писал ему 7 марта 1892 г., что именно книга и способствовала дружескому сближению с ним К. Н. Леонтьева: «...он не мог спокойно смотреть на общее почти равнодушие к его самобытным и замечательным трудам, он жаждал и славы, в которой упорно ему отказывала общественная тупость и пошлость. Можете посему себе представить, что он должен был испытывать, когда *знаменитый* Суворин говорил о нем: „некто Леонтьев“» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Л. 1 об.).

⁷ См. вступ. ст., с. 151.

⁸ Речь идет об издании третьего тома книги К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство: Сб. статей» (Т. 1–2. М., 1885–1886), который не вышел в свет. Розанов познакомился с первыми двумя томами осенью 1889 г. «Читал я все это время, с восхищением, какого давно не испытывал, 2 т. Леонтьева „Восток. Россия и славянство“: вот ум, вот убежденность, вот язык и тон! (...) Никем я не заинтересован так, как им. Нет, по силе ума — славянофильская партия куда превосходит западную!» [Розанов, 2001, с. 222]. Леонтьев собирался издать и третий том, куда предполагал включить отрывки из напечатанных воспоминаний о своей жизни, но издание не состоялось. См.: [Леонтьев, 2009, с. 775–817]. Рукопись третьего тома он намеревался послать Розанову. В письме от 13 сентября 1891 г. из Сергиева Посада Леонтьев сообщал ему, что на ближайшей неделе Александров начнет переговоры с типографиями об издании книги. Не надеясь быстро найти издателя ввиду отсутствия денег, он писал Розанову: «Вследствие всего этого я и подумал, что могу на целый месяц (напр., до ½ октября) предоставить ее в Ваше распоряжение, — да, кстати же, pošлю Вам и некоторые отрывки из консульских моих воспоминаний, которые были тоже в разное время напечатаны в разных газетах. Эти воспоминания, вероятно, тоже войдут в 3-й том» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 298–299].

⁹ См. примеч. 11 к п. 3.

3

Александров — Розанову
4 февраля 1892 г. Москва

Москва.

4 февр(а)ля 1892 г.

Дорогой Василий Васильевич!

(позвольте мне этим более теплым и сердечным эпитетом заменить несколько холодноватое, натянутое и неуклюжее «многоуважаемый», чтобы

выразить тем бóльшую степень духовной близости, в которой не могу себя не чувствовать по отношению к Вам...).

Спасибо Вам, что Вы так скоро, тепло и сердечно отозвались на мое письмо.

На днях я отправил Вам ту книгу Филиппова, о которой писал в прошлый раз¹; присоединил к ней еще (под той же бандеролью) и № «Моск(овской) иллюстр(ированной) газ(еты)» (от 21 ноября), посвященный моим старанием памяти незабвенного К(онстантина) Н(иколаевича)², а также и № «Гражданина» с очень лестным и вполне заслуженным отзывом о Вашей последней статье в «Русск(ом) вестн(ике)»³.

Будьте так добры известить меня, всё ли Вы получили в целости.

О Сергее Александровиче Рачинском⁴ я, конечно, слыхал и давно уже глубоко уважаю его, горячо люблю и благоговейно люблюсь им и радуюсь на него издали, познакомиться же ближе, лично — не имел еще до сих пор удовольствия. Да, побольше бы нам таких людей, — великая будущность нашей родины была бы обозначена!..

Впрочем, Слава Богу, там и сям, по-видимому, появляется всё больше и больше светлых, отрадных точек; и в настроении молодого поколения заметны уже, кажется, хорошие, добрые признаки... Дай-то Бог, дай-то Бог! Помогите, Боже, всем работникам на этой тернистой, но плодотворной ниве!..

В «Гражданине» (№ 32 от 1 фев(раля) сего года) была помещена моя статья о современном молодом поколении...⁵ Мне бы хотелось, чтобы Вы ее прочли.

Получается ли у Вас кем-либо «Гражданин» и можете ли Вы его достать? Если нет, то я Вам постараюсь достать и вышлю. Во 2 номере «Нивы» за нынешний год был помещен молодой портрет Леонтьева с моей небольшой статьей⁶. Отдал статью о К(онстантине) Н(иколаевиче) и в «Русск(ий) вестн(ик)» (еще во второй половине декабря); Ф. Н. Берг обещал поместить ее, но не раньше марта⁷, т. е. после того как будет закончена печатанием Ваша⁸. Стараюсь делать всё, что могу, как для памяти самого покойного, так и для его очень небогатых наследников, а также и для тех, кто еще не читал его — кому было бы очень полезно его прочесть или — точнее — *вчитаться* в него... Издание первых двух томов «Вост(ок), Рос(сия) и слав(янство)» лежит почти всё еще не распроданным...

Дела покойного я знаю очень близко, так как состою одним из его душеприказчиков (другим душеприказчиком состоит нотариус Н. М. Боборыкин, издатель «Русск(ого) обозрения»)⁹.

Бумаг после К(онстантина) Н(иколаевича) осталось очень немного, и они все еще опечатаны до окончательного утверждения завещания.

Об издании III¹⁰ тома подумываем, но не знаю, скоро ли Господь поможет осуществить эту мысль.

Кроме жены, Лизаветы Павловны, которая — как Вам, может быть, известно — не совсем здорова психически¹¹, ближайшими наследниками покойного является племянница Мария Владим(ировна) (незамужняя) и племянник Владим(ир) Владим(ирович) Леонтьевы, а также и полуприслуга-полувоспитанница Варя (замужняя и семейная)¹². Лизав(ета) Павл(овна) пока живет у племянника, но скоро, как только кончится дело с пенсией, будет жить, вероятно, с племянницей.

Кстати, — родственники покойного К(онстантина) Н(иколаевича) просили меня написать Вам, чтобы Вы были так любезны выслать в Москву, на мое имя книгу наклеек отзывов о покойном, которую он Вам отослал незадолго до своей смерти¹³. Если она у Вас совершенно свободна и более пока не нужна Вам, то высылайте; в противном случае можно, разумеется, подождать, — пока освободится.

Будьте здоровы и счастливы. Еще раз благодарю Вас за письмо. Очень рад нашему, хотя и заочному, знакомству и сближению. Когда будете в Москве, очень рад буду видеть Вас у себя и обнять лично.

Ваш А. Александров.

Адрес: Москва, Остоженка, 3-й Ушаковский пер., д. Истоминой, кв. 1; Анатолию Александровичу Александрову.

Ответ на п. 2.

¹ См. п. 1.

² Номер «Московской иллюстрированной газеты» открывал фотопортрет К. Н. Леонтьева работы В. Ф. Мейснера 1889 г. Александров напечатал в газете некролог о К. Н. Леонтьеве, а также поместил статью «На могиле К. Н. Леонтьева» со своим стихотворением «Чародей» (1884; напеч. без названия), посвященным К. Н. Леонтьеву: «Вокруг него внимательной толпою / Стояли мы... Глагол его звучал, / Лился широкою и бурною рекою / И громом грохотал!.. / Громил он дух мельчающего века / И отживающей Европы торжество, / И рабство русского пред нею человека, / Холопство давнее его...» [Александров, 1891а].

³ Речь идет о статье М. Южного (М. Г. Зельманова) «Еще о К. Н. Леонтьеве». Критик писал о начале «прекрасной» статьи Розанова «Эстетическое понимание истории»: «Статья принадлежит перу г. Розанова, столь великолепно и многообещающе вступившего несколько лет назад на литературное поприще. Статья далеко еще не кончена, но уже по началу можно с уверенностью сказать, что редакция не ошиблась в выборе, начав ознакомление читателей с основными воззрениями К. Н. Леонтьева именно с статьи г. Розанова, так как здесь — это уже и теперь видно — с обычною глубиною схвачена вся сущность предмета и отчетливо и ясно показана читателю» [Южный, 1892, с. 4].

⁴ См. вступ. ст., с. 151.

⁵ Статья Александрова «К вопросу о том, „где же они?“» явилась откликом на заметку «Где же они?», в которой автор задавал вопрос читателям: «...где новые люди с положительным вместо отрицательного направления?» [Александров, 1892a].

⁶ Имеется в виду портрет К. Н. Леонтьева, помещенный в журнале «Нива» вместе со статьей Александрова «Константин Николаевич Леонтьев»: [Александров, 1892b].

⁷ Речь идет о статье Александрова «К. Н. Леонтьев (по поводу статьи о нем в „La Nouvelle Revue“)»: [Александров, 1892с, с. 274–285]. *Берг Федор Николаевич* (1839–1909) — редактор журнала «Русский вестник» с 1887 г.

⁸ Публикация статьи Розанова «Эстетическое понимание истории» была завершена под другим названием в марте 1892 г. См. примеч. 2 к п. 1.

⁹ Архив К. Н. Леонтьева разбирали Александров и Н. М. Боборыкин. Они составляли список новонайденных рукописей, которые хранились позже в Орле у племянницы К. Н. Леонтьева — М. В. Леонтьевой.

¹⁰ См. примеч. 8 к п. 2.

¹¹ Жена К. Н. Леонтьева, Е. П. Леонтьева, страдавшая душевной болезнью, жила в это время у племянника, В. В. Леонтьева, в Тульской губернии.

¹² Согласно духовному завещанию К. Н. Леонтьев оставил все свои сочинения в наследство двум племянницам: Е. В. Самбикиной, жившей в Шамордино (впоследствии игуменья Екатерина), и М. В. Леонтьевой, жившей в Орловском женском монастыре, а также воспитаннице-крестьянке В. Л. Прониной. В помощь были назначены Н. М. Боборыкин, И. И. Кристи и А. А. Александров. См.: [Леонтьев, 2004, с. 36–38].

¹³ У Розанова хранились две переплетенные объемные тетради с наклеенными вырезками из газет с отзывами о К. Н. Леонтьеве, так называемые «тетради с наклейками», собранные его племянницей М. В. Леонтьевой. Эти тетради, прежде чем послать их Розанову в августе 1891 г., Леонтьев перечитал и сопроводил замечаниями, адресованными именно Розанову. Об этих тетрадях Леонтьев в письме к Розанову от 30 июля 1891 г. сообщал следующее: «...я Вам пришло еще книжку с наклеенными разными обо мне отзывами за все время (от (18)76-го года до (18)91-го). Когда я еще жил в своей деревне, лет 10–11 тому назад, у меня жила одна молодая родственница, весьма увлекавшаяся моими идеями. Она вздумала собирать эти отзывы там и сям, и бранные, и лестные, и оставила мне эту книжку» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 275].

4

Розанов — Александрову

После 20 февраля 1892 г. Белый, Смоленской губернии

Дорогой Анатолий Александрович!

Вот как поздно собрался я Вам отвечать на Ваше теплое, задушевное письмо: был и здоров, и не занят, но случились такие расстройства душевные, что и Вам, и еще нескольким лицам только теперь берусь за перо, чтобы отвечать, простите меня за это, не сетуйте, не браните...

Все Ваши посылки я получил в исправности и, разумеется, тотчас же принялся читать. Книга Филиппова превосходна¹: у него мысль воссоединиться нам с людьми старого обряда через дарование им полной равноправности с собою и через открытие свободного внутреннего движения от них

к нам и от нас к ним и наших в их храмы и их в наши; вторая мысль — восстановить живое и постоянное общение с Восточными церквями, с древними патриархатами. И всё вместе имеет задачу восстановление древнего церковного, а вслед за ним и гражданского, и бытового строя жизни. Так я его понимаю; это есть уже дело, есть определенная, видимая тропинка к старотеческим заветам; и в этом великое ее преимущество перед не только литературным славянофильством, которое пока разговаривает красноречиво и сильно, жизнь всё далее и далее уходит в сторону, всё глубже вырывает пропасть между старым и новым. Подавай Бог.

Статья моя о К(онстантине) Н(иколаевиче) оканчивается в марте, и, стало быть, в апреле буду читать Вашу². Желаю от всей души Вам успеха, и еще больше рад, что о К(онстантине) Н(иколаевиче) будет говориться непрерывно. Н. Н. Страхов³ и Ф. Н. Берг писали мне, что шараповская часть моей статьи вышла лучше других⁴; сам я февральскую считаю довольно слабой: были домашние обстоятельства, которые мешали писать непрерывно⁵, а я лишь не отрываясь могу писать с одушевлением.

Здесь «Гражданина» во всем городе никто не получает, да и мне К. Н. Леонтьев писал когда-то, что это почти исключительно петербургская газета⁶. Поэтому буду Вам чрезвычайно благодарен, если Вы пришлете мне № его со статьей Вашей о современном молодом поколении⁷, которую прочту с живейшим интересом.

Теперь самое трудное и для меня мучительное дело: книга с наклейками отзывов о К(онстантине) Н(иколаевиче)⁸: ведь это *почти* завещание мне, судите сами.

Перед самым отправлением ее он вынул эту книгу, очевидно давно им читаемую (он писал мне, что наклейки сделала его родственница), и стал читать, как давно забытое и почти новое. Обращаясь ко мне, он исписал все поля и пустые страницы (их очень много), объясняя свое отношение к разным читателям, поясняя свои теории, и пр., и пр. И вот слова его на последней странице⁹, которые всё лучше могут объяснить Вам:

«21 августа (после прочтения статьи *«Европейская культура и наше к ней отношение»*¹⁰.*

«Вот и я как дурак обрадовался Вашей статьей...»

«Знаете — видно было „назначено“, чтобы я Вам написал все эти заметки к наклейкам! Статью Вашу я получил поздно, а она была здесь у своего хозяина уже с 17—18 (кажется); а я за эти именно дни (его курс(ив))

* Примечание Розанова в низу листа: «Статья, мною написанная в „Моск(овских) Вед(омостях)“ и посвященная очень живому и цельному объяснению теорий К(онстантина) Н(иколаевича)».

занимался этими приписками и NB^м. Прочти я Вашу статью двумя-тремя днями раньше, я бы, вероятно, и не стал бы всего этого писать. Не захотелось бы вспоминать о неприятном; ибо Ваша статья *всё это вдруг разгладила и покрыла!* (его курс(ив)!) Ибо дело не в одних похвалах; хвалили как видите и другие... Главное утешение видеть, что другой человек понимает меня *так, как* (его курсив) я желал быть понятым; находит у меня главным и важным *именно то* (его курс(ив)), что я находил таковым, и т. д.

«Вас я благодарить не буду; не следует человека искреннего благодарить за то, что он высказывает свои мнения; он делает это *не мне* в угоду, а по любви к тому, что он находит *истинным*».

«Но я имею полное основание благодарить Бога за то, что я *дожил* (его курс(ив)) до сближения с Вами, или вернее до Вашего знакомства с моими трудами. Это уже не та благодарность — „*в нюже видехом злая*“¹¹ (или: «Блажен муж его же накажеша Господи —»¹². Это идет, когда вспоминаешь о поведении Каткова, Аксакова, Страхова и др.

«Но, когда касается до Вас, то надо вспомнить другой псалом: „Благослови душа моя Господа и *не забывай всех* воздаяний его“¹³. — Баста».

Ну как мне расстаться с таким сокровищем, которое я, когда перечитывал ночью — точно покойник сидит около меня и дружелюбно рассказывает свои воспоминания, свои мысли, раздражается и смеется над третьими лицами. Вы все его знали, видели, *слышали*: у меня ничего этого нет, не отнимайте же того, что он дал мне о себе. Вы и не знаете, как я успел его полюбить, привязался к нему как к человеку за 3—4 месяца нашей заочной дружбы¹⁴: доказательство: когда, получив в 9 ч(асов) утра № «Моск(овских) вед(омостей)» и еще не снимая адресной обложки, я стал торопливо осматривать оглавление №^{ра} и вдруг увидал:

К. Н. Леонтьев †

и сказал тут же стоявшей жене замирающим голосом: «Леонтьев помер», — она тут же заплакала. Значит, мы его любили оба. Тут смешалось много: и возможность, хоть с затруднением, видеть его летом¹⁵; и мое занятие летом статьями для «Моск(овских) вед(омостей)»¹⁶, и отношение статьи его, коей окончания он так ждал¹⁷. Только и утешения было, что мысль: «Всё равно он умер, зная, что я не изменю его памяти; он верит в силу моей к нему привязанности».

Всем, что есть для Вас дорого, заклинаю Вас поэтому, объясните родным К(онстантина) Н(иколаевича), что возвратить его наклейки мне так больно, такое это для меня лишение, какое я не могу выразить. Это значит

всё у меня от покойника отнять, а он ведь не отнял бы, это я, и Вы, и они чувствуют (верно, он им что-нибудь говорил обо мне): знаю, знаю, что и мне дороги эти отзывы о нем в печати за долгие годы: но может ли ценность этого заменить ценность его собственного слова, — живого для меня, последнего, тогда как то давно похоронено в старых газетах. Да и он сам говорил, что статья моя *всё покрывает* это, что прежнее — лишь предмет был для его раздражения. Скажу по правде, мне родственно и мило тогда же было подумывать, что вот близкая рука собрала о нем все написанное¹⁸, и этому человеку хотел бы я сказать очень, очень доброе слово и тогда, и теперь: пусть он мне не причиняет такой мучительной боли.

Весь Ваш В. Розанов

У меня есть еще том с наклейками: его собственные исправленные статьи, приготовленные для 3-го тома: вот что я желал бы послать немедленно, если они нужны для издания¹⁹.

Ради Бога, устройте для меня оставление других наклеек. Это будет знаком Вашей личной дружбы ко мне, и выражением некоторого расположения его родных ко мне, которое будет мне ценно, близко, которое я бы сохранил как завет от покойника.

Ответ на п. 3.

¹ Позже Розанов писал: «Книгу эту, в той части ее, которая касается не греческой церкви (2-я половина), а нашего русского старообрядчества, я считаю и до сих пор превосходною и правильною, хотя, пожалуй, слишком детальною» [Розанов, 2001, с. 418].

² См. п. 1; примеч. 7 к п. 3.

³ Н. Н. Страхов, прочитав статью в корректуре, писал Розанову 20 февраля 1892 г. по поводу III части статьи «Теория исторического прогресса и упадка»: «А статья вообще удивительная, увлекательная, горящая умом и чувством» [Розанов, 2001, с. 102].

⁴ Речь идет о I части статьи «Эстетическое понимание истории». Упоминается С. Ф. Шарاپов, издатель газеты «Русское дело». Вероятно, в «тетрадах с наклейками» Розанов обратил внимание на статью П. Волженского (Н. А. Уманова и Я. А. Денисова) «Еще русский мыслитель: (Восток; Россия и славянство. Сборник статей К. Н. Леонтьева)» с предисловием С. Ф. Шарাপова (Русское дело. 1887. № 19, 5 дек. С. 12–13; № 20, 12 дек. С. 6–8; № 21/22, 19–26 дек. С. 14–15). См.: [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 624–651]. В предисловии к статье Шарापов писал о «блестящем каскаде мыслей и выводов» К. Н. Леонтьева.

⁵ По поводу части II статьи «Теория исторического прогресса и упадка» Розанов писал Н. Н. Страхову: «А какое блеклое изложение было у меня во всей февральской книжке: это племянники ко мне приходили (их 6) и все отрывали от занятий, едва было засяду за них. Потом они уехали» [Розанов, 2001, с. 102].

⁶ К. Н. Леонтьев писал Розанову, отправляя ему статью М. Южного (М. Г. Зельманова) «„Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского“ В. В. Розанова», опубликованную в газете

«Гражданин»: «Так как я слышал, что „Гражд(анин)“ имеет ход почти исключительно в одном Петербурге, то я думал, что до Вас эта дельная заметка Южного не дойдет» (письмо от 8 мая 1891 г. [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 214]).

⁷ См. примеч. 5 к п. 3.

⁸ См. примеч. 13 к п. 3.

⁹ Розанов приводит текст из «тетрадей с наклейками». Публикацию полного текста тетрадей см.: [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 324–824].

¹⁰ К. Н. Леонтьев отметил статью Розанова «Европейская культура и наше к ней отношение» [Розанов, 1891].

¹¹ Пс. 89: 15.

¹² Пс. 93: 12.

¹³ Пс. 102.

¹⁴ Первое письмо К. Н. Леонтьева к Розанову было написано 13 апреля 1891 г., последнее — 18 октября 1891 г.

¹⁵ К. Н. Леонтьев приглашал Розанова приехать летом 1891 г. в Оптину пустынь: «Отчего бы и Вам не приехать сюда в июне или июле? Я не знаю еще человека (а тем более из молодых, *нового стиля*), который не вынес бы от свидания с Отц. Амвросием таких *особого рода* впечатлений, которые усиливают *личную* веру и располагают к заботе о *личном* спасении (...) И мне было бы в высшей степени приятно познакомиться с Вами не на *одной лишь бумаге*» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 215].

¹⁶ Летом 1891 г. Розанов написал несколько статей для газеты «Московские ведомости»: «Почему мы отказываемся от наследства» (1891. № 185, 7 июля. С. 3–5); «В чем главный недостаток „наследства 60–70 годов?“» (1891. № 192, 14 июля. С. 3–5); «Два исхода» (1891. № 207, 29 июля. С. 2–4); «Европейская культура и наше к ней отношение» (1891. № 225, 16 авг. С. 2–3).

¹⁷ К. Н. Леонтьев писал Розанову 5 июля 1891 г. из Оптиной пустыни: «Статью Вашу обо мне (от которой, конечно, я в восторге!) не осмелился возвратить Вам, несмотря на то, что заметки к ней давно готовы (...) Боже! *Доживу ли* я до того, чтобы видеть Вашу статью оконченной и напечатанной!» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 268–269].

¹⁸ Речь идет о М. В. Леонтьевой. См. примеч. 13 к п. 3.

¹⁹ См. примеч. 8 к п. 2.

5

Александров — Розанову
18 марта 1892 г. Москва

Москва.
18 марта 1892.

Дорогой Василий Васильевич!

Спасибо Вам, душевное, русское спасибо за Ваше милое, сердечное письмо!.. То место его, где Вы пишете о наклейках отзывов о покойном К(онстантине) Н(иколаевиче), тронуло меня до глубины души... Я понимаю теперь, *как* он Вам был дорог и *как* дорога Вам теперь его память, — я понимаю это и от всего сердца этому радуюсь. И то, что Вы *заочно* могли полюбить его *так*, не как писателя только, но и как *человека*, — это делает Вам великую честь! Конечно, эта книга отзывов-наклеек *останется*

*у Вас...*¹ Сейчас родственников покойного здесь нет, но скоро я надеюсь увидеться с ними и постараюсь всё устроить согласно Вашему желанию.

С удовольствием посылаю Вам тот № «Гражданина», который Вы желаете иметь².

Крепко жму Вашу руку и от всей души желаю Вам всего самого лучшего.

Передайте мой душевный привет Вашей супруге³. То, что Вы о ней пишете, что она заплакала при известии о смерти Леонтьева, очень меня тронуло и как-то душевно с ней сблизило.

Весь Ваш Ан. Александров

Р. С. Статьи с поправками, приготовленные для 3-го №⁴, если можно (т. е. если они не нужны Вам сейчас), высылайте: они, разумеется, очень пригодятся при издании.

Ответ на п. 4.

¹ К. Н. Леонтьев упомянул Розанова в завещании среди тех, к которым советовал обращаться «для изданий, отзывов, советов». См.: [Леонтьев, 2004, с. 41].

² Речь идет о статье Александрова в «Гражданине». См. примеч. 5 к п. 3.

³ Имеется в виду В. Д. Буягина.

⁴ Речь идет о третьем томе книги К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство: Сб. статей». См. примеч. 8 к п. 2.

6

Розанов — Александрову

Начало мая 1892 г. Белый, Смоленской губернии

Многоуважаемый Анатолий Александрович!

С величайшим удовольствием прочел статью Вашу о Леонтьеве — особенно важен ее конец, где Вы даете сжатый синтез его общественно-политических взглядов¹. Кажется, мы с Вами выполнили долг относительно дорогого покойника и нашего друга, у него было и много других друзей, но мы с гордостью можем сказать, что сделали больше их для его памяти, его оценки. Если бы Вы сделали справку в магазинах насчет продажи его «Востока»² etc. — неужели статьи наши *нисколько не повлияли* на их распродажу?! Это было бы убийственно.

Очень томлюсь я своим назначением в г. Белом. 4 тыс(ячи) жителей, аптека, где даже хина не горька и свиное сало, втираемое в тело, оставляет после себя шарики, должно быть, извести, на днях забежавший на гимназический двор заяц и пойманный там сторожами — всё это может Вам дать

понятие о полудеревне, состоящей из двух длинных, крест-накрест пересекающихся улиц, в которой я живу. Добавьте какие-то странные сквозняки, свистящие всегда по улицам, и от которых я простуживаюсь буквально каждый раз, как попытаюсь выйти гулять, добавьте свиней, коров, а перед Пасхой и лошадей, спокойно пасущихся на улице. Душно, скучно, невозможно жить; жаль молодости, жаль лучших годов жизни, убиваемых в такой глуши.

В силу всего этого я взял намерение: во что бы то ни стало вырваться отсюда в течение лета, и, знаете, хотелось бы очень в Университетский город, т. е. в Москву, Ярославль, а нет, так в Киев или в Харьков. Будет сидеть по уездным норам.

Если на лето куда-нибудь уедете из Москвы, сообщите мне свой летний адрес.

За доброе слово Ваше о моей статье о Леонтьеве душевное Вам спасибо, чудак Берг только насмешил публику, переменив заглавие моей статьи, конечно, вне моих намерений³. Ну, да это не существенно.

Посылаю Вам одновременно с сим статью К(онстантина) Н(иколаевича) из «Гражданина»⁴. За дозволение сохранить комментированные для меня вырезки из газет(ных) отзывов о его сочинениях⁵ — бесконечное Вам мое спасибо.

Знаете ли Вы лично Третья Ивановича Филиппова? Если да, и если состоите с ним в переписке⁶, не передадите ли ему от моего имени самую глубокую мою благодарность за его внимание ко мне и моей судьбе, которого я никогда не забуду, но воспользоваться которым я не мог — по обстоятельствам, от него очевидно скрытым и им не предвиденным. Всего тяжелее, что при этом он может не так понять меня как человека, может приписать мне черты характера, которых во мне никогда не было. Крепко жму Вашу руку
Ваш В. Розанов

Есть у меня маленькая мечта — защитить *pro venia legendi*⁷ и примазаться к Университету: как Вы думаете, трудно это? Невозможно?

¹ Речь идет о статье Александрова «К. Н. Леонтьев. (По поводу статьи о нем в „La Nouvelle Revue“)». В заключительной, VII главе Александров дает самое общее понятие о мирозерцании К. Н. Леонтьева, представляющем собой, по его мнению, строгую, самобытную систему: [Александров, 1892с, с. 274–285]. Отметив, что философская система Леонтьева может послужить предметом нескольких трудов, Александров указал на «превосходный этюд В. В. Розанова, появившийся в предыдущих книгах „Р. В.“»: [Александров, 1892с, с. 275]. Статья Александрова явилась откликом на статью «Un portrait littéraire russe: M. Constantin Léontiev» («Портрет русского литератора: г. Константин Леонтьев». — *фр.*) [Tchernoff, 1889]. Эту статью француза Портье д'Арка (псевд. А. Tchernoff), жившего в Петербурге, Александров перевел в 1889 г. Леонтьев помечил в «тетради

с наклейками»: «Александров (ныне доцент), один из близких мне юношей, приготовил довольно большой, но сжатый обзор моих сочинений, с разбором статьи Чернова и с поправками его хронологических и других ошибок. — Отдал Бергу, но Берг нашел, что статья слаба, и возвратил ее Александрову» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 686]. Переработанную статью Александров напечатал в «Русском вестнике», включив фрагменты перевода статьи француза. Статью Портье д'Арка Леонтьев переслал Розанову (письмо от 14 авг. 1891 г. [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 136]).

² Речь идет о книге К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство: Сб. статей» [Леонтьев, 1886].

³ См. примеч. 2 к п. 1.

⁴ Вероятно, речь идет об открытом письме к князю Мещерскому, которым за несколько дней до собственной кончины К. Н. Леонтьев откликнулся на уход своего духовного наставника старца Амвросия Оптинского. Это не обычная некрологическая статья, а материалы, посвященные старцу и опубликованные ранее в газете «Московские ведомости» духовными детьми о. Амвросия (см. примеч. 2 к п. 2). Среди опубликованных материалов было стихотворение Александрова «Оптина пустынь» [Леонтьев, 1891]; см. также: [Леонтьев, 2004, с. 805–816].

⁵ См. примеч. 13 к п. 3.

⁶ См. вступ. ст., с. 149–150.

⁷ Для получения права чтения (*лат.*). Имеется в виду специальное сочинение, которое давало написавшему право чтения лекций в университете, т. е. возможность получения приват-доцентуры. Таким образом можно было читать специальный курс в университете.

7

Розанов — Александрову

Между 5 и 20 мая 1892 г. Белый, Смоленской губернии

Многоуважаемый и дорогой
Анатолий Александрович!

Я Вам послал 5-го числа телеграмму, которую, надеюсь, предупредил передачу Вами некоторых слов моего письма Тertiю Ивановичу Филиппову¹: я их написал в досаде, что одно третье лицо, избранное им для посредничества между собой и мною², скрыло от меня до времени непосредственное участие во мне самого Тertiя Ивановича, и тем затемнило всё дело; прибавилось и еще кое-что досадное. Но вчера, за минуту до посылки Вам телеграммы, это третье лицо было у меня, всё объяснило к моему удовольствию и, главное, передало ответ свой Тertiю Ивановичу в форме, вполне меня удовлетворившей. Мои слова, написанные в письме Вам и переданные Тertiю Ивановичу, всё бы перепутали и поставили бы меня в ложное и неестественное отношение к нам обоим. Итак, я уверен, что ничего этого не случилось; и слава Богу. Но Вы все-таки, будьте добры, уж известите меня, поспела ли вовремя моя телеграмма.

Что Вы теперь пишете? Я пишу крошечную статейку о «Добрых людях Древней Руси» В. О. Ключевского, моего, да верно и Вашего профессора³.

Не мешало бы нам с Вами обменяться фотографиями; когда Вы кончили курс в Москов(ском) Унив(ерситете)? И в нем ли?⁴

Ваш всей душой
В. Розанов

¹ Среди писем Розанова, сохранившихся в архиве Александрова (РГАЛИ), телеграмма отсутствует.

² Можно предположить, что речь идет не о С. А. Рачинском, а о Василии Осиповиче Лутковском, предводителе Бельского уездного дворянства, создавшем в селе Корчежино сельскую школу наподобие школы Рачинского в Татеве. Лутковский был другом старшего брата Розанова Николая Васильевича, возглавлявшего ранее прогимназию в Белом. Розанов был с Лутковским в дружеских отношениях. Весной 1892 г. вместе с ним Розанов собирался в Татеву к Рачинскому для обсуждения планов Т. И. Филиппова «перетащить» Розанова в Петербург. О том, что кроме Рачинского, Филиппова и самого Розанова в планы мог быть посвящен Лутковский, говорит письмо Розанова: «Лутковский за лето до того наболтался здесь о моем прокурорстве в Синоде, что я не могу выйти из дому без крайне неприятных встреч, засматриваний и косвенных намеков. Вот уж нескромность, не соответствующая его положению» (письмо к С. А. Рачинскому от 18 авг. 1892 г. [Розанов, 2010, с. 493]).

³ Речь идет о статье Розанова «В. О. Ключевский о Древней Руси: В пользу пострадавших от неурожая» (Русский вестник. 1892. № 7. С. 213–227). Статья явилась рецензией на брошюру В. О. Ключевского «Добрые люди Древней Руси» (1892). Профессор Московского университета и Московской духовной академии В. О. Ключевский 12 декабря 1892 г. прочитал в пользу пострадавших от неурожая лекцию о благотворительности, необходимой России и теперь. Ключевский преподавал на историко-филологическом факультете, когда там учились и Розанов, и Александров. Розанов очень ценил наставника, и это была его первая статья, посвященная Ключевскому.

⁴ Александров, закончив гимназическое отделение Московского лицея Цесаревича Николая, основанное М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым, перешел на историко-филологический факультет университетского отделения лицея и был одновременно вольнослушателем Московского университета. Университетский курс студенты лицея заканчивали за три года, а не за четыре, как студенты Московского университета. Они держали государственные экзамены наравне с университетскими студентами и получали дипломы первой или второй степени.

8

Александров — Розанову
20 мая 1892 г. Москва

Москва
20 мая.

Простите, Бога ради, дорогой и многоуважаемый Василий Васильевич, что я несколько замедлил своим ответом Вам. Причиной этого было присоединение к моим обычным — и без того довольно хлопотливым и утомительным — занятиям еще нескольких экстраординарных, из которых упомяну хотя бы трехдневное ассистентство на экзаменах в Университете¹, где один раз, напр(имер), мне пришлось сидеть с 10 час(ов) утра до 10 ½ вечера,

и переход со старой квартиры на новую. Пишу Вам пока среди хаоса и разрушения; подробное письмо напишу на днях, а пока спешу успокоить Вас, что всё от Вас получил и устроил согласно Вашему *последнему* желанию, ибо до этого еще ничего не успел предпринять. Новый адрес мой: Москва, Хамовники, Оболенский пер., д. Зарубиной.

Анатолий Александров.

⟨На открытом письме⟩

В г. Белый

(Смоленск(ой) губ(ернии))

в Прогимназию

Его Высочородию

Василию Васильевичу Розанову

Ответ на п. 7.

¹ О лекции Александрова в Московском университете, состоявшейся 27 марта 1891 г., рассказал один из присутствовавших на ней студентов: «Что-то новое, с небес всеявшее, слышалось вчера в его вступительной лекции в Университете („Слово о полку Игореве“). Он читал по записке. Интересно: разнообразно, полно, художественный, образный язык. А для нас главное — что везде теплое упоминание о летописце, об иноке, о соли земли русской. Народу было очень немного, но иного и ждать было нельзя. Словесное отд(еление) филол(огического) фак(ультета) — самое маленькое. Студенты к тому же работают дома к экзамену. Бывшие же слушали внимательно. Аплодировали громко и искренно. Я слышал вскользя: „язык хороший!“» (цит. по: [Фетисенко, 2012а, с. 542].

9

Александров — Розанову

31 мая 1892 г. Москва

Москва.

31 мая 1892 г.

Дорогой Василий Васильевич!

Наконец-то дела мои и всяческие суеты начинают, по-видимому, выпускать меня мало-помалу из своих железных тисков, и я получаю возможность написать Вам.

За Ваше доброе и сочувственное слово о моей статье в «Русск(ом) вестн(ике)»¹ сердечно благодарю Вас и с большим удовольствием принимаю Ваше милое предложение обменяться photographиями; не посылаю своей сейчас же только потому, что не знаю наверное, всё ли Вы еще в Белом или уехали куда-нибудь на лето. Буду поэтому ждать сначала Вашего ответа с Вашей photographией. Что касается меня, то мне всё лето, по-видимому (или почти всё), придется оставаться в Москве, и летний адрес мой будет всё тот же, который я сообщил Вам в своем предыдущем (открытом) письме (т. е. *Москва, Хамовники, Оболенский пер., д. Зарубиной*).

Телеграмма Ваша (как я Вас уже извещал) пришла вóвремя, и в Петербург поэтому я ничего не писал. *В половине* мая Третий Иванович² был в Москве, и мы с ним виделись два раза; о Вас было говорено вскользь, случайно, но с заметным сочувственным оттенком.

Ваше описание Белого полно и добродушного юмора, и неподдельной, трогательной грусти. Очень был бы рад, если бы Вам удалось устроить поскорей свой перевод, и всего лучше бы, конечно, в Москву. А раз удастся устроить перевод, тогда, конечно, можно будет пристроиться и при Университете, что было бы очень и очень желательно. Невозможного тут ничего нет, и даже — мне кажется, устроить это Вам будет не трудно. Более обыкновенный путь — так называемые магистерские экзамены, но можно — и через *pro venia legendi*, хотя последнее время это почему-то, по-видимому, мало практикуется.

Если бы Вам Бог помог устроиться при университете — и в особенности при нашем, — я был бы чрезвычайно рад: нашего полку прибыло бы, а то чувствовать себя бойцом почти одиноким среди людей во многом чуждых и далеких по духу, а часто и прямо-таки враждебных, — положение не из легких...

Вы спрашиваете, в Московском ли университете кончил я курс и когда... Да, в Московском, пять лет тому назад, т. е. в 1887 г. Вы же кончили курс, вероятно, ранее еще, чем я поступил в университет³... Я, кажется, встретил одного из Ваших товарищей по университету среди учителей гимназии в Ярославле, а именно Конст(антина) Фед(оровича) Гордеева; он, кажется, и был первый, от кого я услышал о Вас...

Вы спрашиваете еще, что я в настоящее время пишу... Пока не пишу еще ничего, но собираюсь написать, если Бог поможет, небольшой отзыв о брошюре «О. Амвросий», написанной одним из наших студентов и напечатанной ранее в «Душеполезн(ом) чтении»⁴, а также небольшую статью по поводу помещенной в 12 книге «Вопрос(ов) филос(офии) и психол(огии)» статьи архимандрита Антония «Необходимо ли для личного спасения слу-

жение общественному благу», где встречаются нехорошие выходки против покойного К. Н. Леонтьева⁵.

Кстати, здесь собираются издать Сборник⁶, посвященный памяти покойного Оптинского иеросхимонаха о. Амвросия в пользу основанного им и ныне осиротевшего Шамординского общежития⁷; в этом Сборнике будет кое-что и мое, обещался дать нечто и общий наш с Вами приятель Юр(ий) Николаев(ич) Гов(оруха)-Отр(ок) и Иван Щеглов (автор рассказа «Около истины», — «Рус(ский) вест(ник)»; февр.)⁸ и нек(оторые) др(угие)... Главные инициаторы издания Сборника просят меня обратиться и к Вам с покорнейшей их просьбой, не дадите ли чего-либо своего и Вы в этот сборник. Предметом статьи может служить и не исключительно о. Амвросий, а и что Вам угодно (конечно, лучше, если что-нибудь несколько подходящее, но это не обязательно); авторского гонорара, ввиду благотворительной цели издания, не будет.

Напишите, какой ответ от Вас мне передать им.

Не будете ли Вы летом в Москве? *Очень* был бы рад видеть Вас у себя.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш всей душой
Ан. Александров.

Москва, Хамовники, Оболенский пер., д. Зарубиной.

P. S. Нетерпеливо жду скорого ответа, чтобы убедиться, что письмо мое еще застало Вас.

Ответ на п. 6.

¹ Речь идет о статье Александрова «К. Н. Леонтьев (по поводу статьи о нем в „La Nouvelle Revue“)» [Александров, 1892с, с. 274–285].

² Т. И. Филиппов.

³ Розанов окончил историко-филологический университет Московского университета в 1882 г.

⁴ Имеется в виду брошюра Е. Поселянина «Отец Амвросий» (М., 1892; впервые: Душеполезное чтение. 1892. Январь. С. 33–49; Февраль. С. 365–378; Апрель. С. 639–653). Е. Поселянин (наст. имя и фам. Евгений Николаевич Погожев; 1870–1931) — церковный писатель, публицист, в 1892 г. заканчивал юридический факультет Московского университета, его духовным наставником был старец Амвросий.

⁵ Речь идет о статье ректора Московской духовной академии архимандрита Антония (Храповицкого) «Как относится служение общественному благу к заботам о спасении своей собственной души», где автор упрекал К. Н. Леонтьева в «холодно-христианской любви», ссылаясь на его книгу «Восток, Россия и Славянство», и дал ему следующую характеристику: «Один подобного направления литератор говорил мне, что будучи весьма большим любителем удовольствий в молодые годы, он смертельно заболел и, потеряв надежду на врачей, обратился с молитвой к Божией Матери, дав обет, в случае выздоровления, постричься в одной из Афонских обителей. Постричься он, конечно, не постригся и продолжал по выздоровлении срывать цветы удоволь-

ствия, но страх смерти у него остался, а также и несчастное убеждение, будто отныне он призывается быть *апологетом* своей насильственной религии, — и вот отсюда ряд его статей о личном спасении и страхе Божиим» [Архимандрит Антоний (Храповицкий), 1892, с. 72–73].

⁶ Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812–1891) — иеросхимонах, старец, духовный наставник К. Н. Леонтьева и Александрова. Сборник в связи с кончиной старца Амвросия был собран (Тяжелая утрата: Оптин. старец Амвросий + / Сост. Ф. П. Ч(уфри)н. М., 1892). В него вошли статьи Ф. П. Чуфрина, ученика К. Н. Леонтьева, Е. Поселянина, Александрова и др. Во втором издании брошюры, вышедшем в том же году, были добавлены изречения старца (М., 1892).

⁷ Неподалеку от Оптиной пустыни, в селе Шамордино, в 1884 г. была основана по благословению о. Амвросия Казанская женская община, преобразованная позже в монастырь. В ней и скончался старец 10 октября 1891 г.

⁸ Упомянется повесть И. Л. Щеглова «Около истины. Повесть в трех письмах»: [Щеглов, 1892, с. 80–139].

10

Розанов — Александрову

Июнь 1892 г. Елец Орловской губернии

Многоуважаемый и дорогой

Анатолий Александрович!

Простите, что давно не отвечал Вам — только что приехал в Елец¹, а ранее всё был или в дороге, или в сборах в дорогу. *Во всякое другое время* — непременно бы и радостно бы написал об еп(ископе) Амвросии, который как для Вас, так и для меня есть равно образец духовного вождя русского народа, и о нем я знаю много трогательного². Но вот в чем дело, нынешнее лето почти наверное я перехожу на службу в С(анкт)-П(етербург)³, — а с этим связана бездна хлопот по распродаже имущества, переписке и пр.; далее, я все откладывал и уже летом обещал наверное разбор книги Страхова — „*Мир как целое*“ — и, ***держа свое слово***, не могу ранее этого разбора приступить ни к какой другой литературной работе. На всякий же случай почему Вы мне не сообщили, когда должен выйти сборник статей в память отца Амвросия?⁴ Если летом — ни в каком случае не могу в нем участвовать; если еще зимой — верно найду возможность. Такой поток работы, что ночью это и пишу Вам.

Вам преданный

В. Розанов

Мой адрес: г. Елец, Орловск(ой) губ(ернии), против церкви Введения, д. Рудневой, В. В. Розанову.

Ответ на п. 9.

¹ Летние каникулы в 1892 г. Розанов проводил в Ельце, в доме тещи, А. А. Рудневой.

² К. Н. Леонтьев, приглашая Розанова в Оптину пустынь, очень хотел познакомить его со старцем Амвросием, своим духовным наставником. Розанов писал Леонтьеву: «Мне *бесконечно* хочется быть там, увидеть, посмотреть искося, из-за угла на о. Амвросия, его удивительный рот и глаза, *что-нибудь прочитать в них, беседовать я даже боюсь...*» [Розанов и Леонтьев, 2014, с. 280]. С о. Амвросием была тесно связана семья жены Розанова. Будущая теща Розанова приехала в Оптину пустынь ради общения со старцем. Прежде чем дать согласие на брак дочери с Розановым, она обращалась к старцу Амвросию.

³ Речь шла о переезде Розанова в Петербург и о службе при Св. Синоде под началом К. П. Победоносцева. Ходатайствовал за него С. А. Рачинский. Обсуждая переезд в столицу с семьей (женой и тещей), находящейся в Ельце, Розанов писал ему летом 1892 г.: «В случае, если мое пребывание в Белом может продолжиться *не дольше конца августа*, их, конечно, брать не следует — они прямо и отдельно приедут в Петербург» (письмо от конца июля 1892 г. [Розанов, 2010, с. 490]. Рачинский 5 августа 1892 г. известил Розанова о полученном им письме Победоносцева по поводу предполагаемого переезда в Петербург: [Розанов, 2010, с. 420].

⁴ См. примеч. 6 к п. 9.

11

Александров — Розанову
5 августа 1892 г. Москва

Москва.
5 августа 1892 г.

Дорогой и многоуважаемый
Василий Васильевич!

С первых же строк моего нынешнего письма мне предстоит Вас, вероятно, очень удивить, а может быть, и... обрадовать.

Дело в том, что письмо Ваше к редактору «Русского обозрения», вероятно, совершенно для Вас неожиданно, попало ко мне, так как заведование редакцией этого журнала, по случаю разрыва с ним князя Цертелева¹, поручено в настоящее время мне, а если Богу будет угодно, в непродолжительном времени я буду утверждён в звании редактора².

Если это осуществится, то — с помощью Божией — хотелось бы сделать из этого журнала что-нибудь хорошее и, так сказать, посвятить его памяти нашего общего друга К. Н. Леонтьева.

Сильно рассчитываю в этом деле и на Вашу помощь, как единомышленника и брата по оружию. Статью Вашу «О трех фазисах в развитии нашей критики»³, разумеется, сейчас же отдал в типографию набирать и, разумеется, умоляю Вас о деятельном сотрудничестве и на будущее время. Очень жалею, что, по-видимому, капитальная статья Ваша о Страхове уже попала, сколько я знаю, к Бергу⁴...

Если будете проезжать через Москву, очень буду рад видеть Вас у себя, познакомиться и поговориться с нами... Как бы хорошо было, если бы Вам удалось перевестись в Москву и совсем поселиться здесь!..

Будьте здоровы и счастливы. Храни Вас Господь! Супруге Вашей — мой заочный, но сердечный привет!

В Ельце ли Вы теперь и долго ли еще пробудете?.. Пишите.

Искренне любящий и уважающий Вас
Анатолий Александров.

Москва, Хамовники, Оболенский пер., д. Зарубиной.

¹ Князь Д. Н. Цертелев — первый редактор журнала «Русское обозрение» (1890–1892). Весной 1892 г. начались разногласия Цертелева с официальным издателем журнала Н. М. Боборыкиным. Цертелев подал пространное заявление в Главное управление по делам печати: «Так как издание „Русского обозрения“ разрешено было под моей личной ответственностью, то, оставляя редакцию, считаю долгом объяснить следующее. До начала издания Н. М. Боборыкин был мне лично неизвестен, и я согласился принять редактирование издаваемого им журнала только под условием полного его невмешательства в дела редакции и ручательства за него Д. И. Морозова, как лица вполне состоятельного. Издательство Н. М. Боборыкина оказалось, однако, только номинальным, так как сам он никакого участия в ведении дел не принимал» (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. 1889 г. Л. 51). После ухода из журнала Цертелева Боборыкин обратился с заявлением в Главное управление по делам печати с просьбой утвердить в звании главного редактора журнала «Русское обозрение» Александрова (Там же. Л. 46). Также было приложено заявление приват-доцента Императорского Московского университета магистранта Александрова о принятии на себя заведования журналом, составленное 20 июля 1892 г. в Петербурге у нотариуса по адресу Невский пр., д. 56 (Там же. Л. 48). См.: [Медоваров, 2020, с. 98–107].

² Решение о редакторстве Александрова было принято только в октябре 1892 г. Номера журнала за июнь — август 1892 г. подписывал в печать Н. М. Боборыкин.

³ О том, что статья ранее была отправлена в «Русское обозрение», Розанов писал С. А. Рачинскому 18 августа 1892 г.: «Я действительно получил от Александрова предложение сотрудничать, и он, верно, примет мою маленькую работку, ранее его смены Цертелева посланную в „Рус(ское) Обозр(ение)“» [Розанов, 2010, с. 493]. Статья «О трех фазисах развития нашей критики» была опубликована в «Русском обозрении» (1892. № 8. С. 576–584) под названием «Три момента в развитии русской критики».

⁴ Речь идет о статье Розанова «Идея рационального естествознания» (Русский вестник. 1892. № 8. С. 196–221), посвященной книге Н. Н. Страхова «Мир как целое» (СПб., 1892).

Литература

Александров, 1891a — А. А. [Александров А. А.] На могиле К. Н. Леонтьева // Московская иллюстрированная газета. 1891. № 311, 21 нояб. С. 2–3.

Александров, 1891b — Александров А. А. «Не знаете, какого Вы духа...»: (К вопросу об универсальном христианстве) // Московские ведомости. 1891. № 297, 27 окт. С. 2–3.

Александров, 1892a — [Александров А. А.] К вопросу о том, «где же они?» // Гражданин. 1892. № 19, 19 янв. С. 1 (без подписи).

- Александров, 1892b — Александров А. А. Константин Николаевич Леонтьев // Нива. 1892. № 2. С. 42–44.
- Александров, 1892с — Александров А. А. К. Н. Леонтьев: (По поводу статьи о нем в «La Nouvelle Revue») // Русский вестник. 1892. № 4. С. 274–285.
- Александров, 1912 — Александров А. А. Стихотворения. М.: Тип. В. М. Саблина, 1912. 152 с.
- Александров, 1915 — Александров А. А. I. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову / Предисл. и примеч. А. А. Александрова. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1915. 129 с.
- Алексеева, 2008 — Алексеева С. И. «Ржевский мещанин во дворянстве»: История семьи Тертая Ивановича Филиппова (по данным отечественных архивов) // Вестник ПСТГУ. 2008. Вып. 2 (27). С. 7–27.
- Архимандрит Антоний (Храповицкий), 1892 — Архимандрит Антоний (Храповицкий). Как относится служение общественному благу к заботам о спасении своей собственной души? // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 12. С. 72–73.
- Волженский, 1887 — Волженский П. Еще русский мыслитель: (Восток; Россия и славянство. Сборник статей К. Н. Леонтьева) / [Предисл. С. Ф. Шарапова] // Русское дело. 1887. № 19, 5 дек. С. 12–13; № 20, 12 дек. С. 6–8; № 21/22, 19–26 дек. С. 14–15.
- Иеросхимонах Амвросий, 1891 — Иеросхимонах Амвросий † // Московские ведомости. 1891. № 285, 15 окт. С. 2–3.
- Леонтьев, 1886 — Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: Сб. ст. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и К^о, 1885–1886. Т. 1–2.
- Леонтьев, 1891 — Леонтьев К. Н. Оптинский старец Амвросий: (Из письма к редактору «Гражданина») // Гражданин. 1891. № 305, 3 нояб. С. 2; № 313, 11 нояб. С. 2.
- Леонтьев, 1914 — Леонтьев К. Н. Письма к Анатолию Александрову // Богословский вестник. 1914. № 1. С. 450–467; № 2. С. 275–303; № 3. С. 832–864; № 4. С. 771–792.
- Леонтьев, 2003 — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2003. Т. 6, кн. 1. 824 с.
- Леонтьев, 2004 — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. Т. 6, кн. 2. 576 с.
- Леонтьев, 2009 — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2009. Т. 8, кн. 2. 1408 с.
- Медоваров, 2020 — Медоваров М. В. Д. Н. Цертелев как первый редактор журнала «Русское обозрение» (1890–1892 гг.) // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 2 (49). С. 98–105.
- Розанов, 1891 — Розанов В. В. Европейская культура и наше к ней отношение // Московские ведомости. 1891. № 225, 16 авг. С. 2–3.
- Розанов, 1892a — Розанов В. В. Эстетическое понимание истории // Русский вестник. 1892. № 1. С. 156–188.
- Розанов, 1892b — Розанов В. В. Теория исторического прогресса и упадка // Русский вестник. 1892. № 2. С. 7–35; № 3. С. 281–327.

- Розанов, 1892с — *Розанов В. В.* В. О. Ключевский о Древней Руси: В пользу пострадавших от неурожая // *Русский вестник*. 1892. № 7. С. 213–227.
- Розанов, 2001 — *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М.: Республика; СПб.: Росток, 2001. [Кн. 1]. 480 с.
- Розанов, 2009 — *Розанов В. В.* Юдаизм: Статьи и очерки 1898–1901 гг. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. 846 с. (Собр. соч.; [Т. 28]).
- Розанов, 2010 — *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. Кн. 2. 960 с.
- Розанов, 2011 — *Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. В. Ломоносова. М.: Скимень, 2011. 520 с.
- Розанов и Леонтьев, 2014 — В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги. СПб.: Росток, 2014. 1086 с.
- Русские писатели, 1989 — *Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь* / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. 692 с.
- Сергеев, 2008 — *Сергеев С. М.* Анатолий Александров // *Розановская энциклопедия* / Сост. А. Н. Николюкин. М.: Росспэн, 2008. Стб. 57–58.
- Фатеев, 2013 — *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2013. 1056 с.
- Фетисенко, 2006 — *Фетисенко О. Л.* Из предыстории переезда В. В. Розанова в Петербург // *Русская литература*. 2006. № 4. С. 131–137.
- Фетисенко, 2012а — *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
- Фетисенко, 2012б — «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2012. 752 с. (Прил. к Полному собранию сочинений и писем К. Н. Леонтьева: в 12 т.; Кн. 1).
- Фетисенко, 2012с — Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2012. 728 с.
- Фудель, 1895 — *Фудель И.* Культурный идеал К. Н. Леонтьева // *Русское обозрение*. 1895. Т. 31. Янв. С. 262–268.
- Щеглов, 1892 — *Щеглов И. Л.* Около истины: Повесть в трех письмах // *Русский вестник*. 1892. № 2. С. 80–139.
- Южный, 1892 — *Южный М.* Еще о К. Н. Леонтьеве // *Гражданин*. 1892. № 28, 28 янв. С. 4.
- Tchernoff, 1889 — *Tchernoff A.* Un portrait littéraire russe: M. Constantin Léontiev // *La Nouvelle Revue*. 1889. Т. 58, № 2, 15 Juin. P. 754–764.

References

- A. A. [Aleksandrov, A. A.] (1891). 'Na mogile K. N. Leont'eva', *Moskovskaya illyustrirovannaya gazeta*, 2–3, 21 nov.
- Aleksandrov, A. A. (1891). 'Ne znaete kakogo Vy dukha... (K voprosu ob universal'nom khris-tianstve)', *Moskovskie vedomosti*, 297, 27 oct., 2–3.
- [Aleksandrov, A. A.] (1892). 'K voprosu o tom, gde zhe oni?', *Grazhdanin*, 19 Jan., 19, 1.

- Aleksandrov, A. A. (1892). 'Konstantin Nikolaevich Leont'ev', *Niva*, 2, 42–44.
- Aleksandrov, A. A. (1892). 'K. N. Leont'ev. (Po povodu stat'i o nem v *La Nouvelle Revue*)', *Russkii vestnik*, 4, 274–285.
- Aleksandrov, A. A. (1912). *Stikhotvoreniya*. Moscow: Tipografiya V. M. Sablina. 152 p.
- Aleksandrov, A. A. (1915). *I. Pamyati K. N. Leont'eva. II. Pis'ma K. N. Leont'eva k Anatoliyu Aleksandrovu*. Sergiev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi lavry. 129 p.
- Alekseeva, S. I. (2008). "'Rzhevskii meshchanin vo dvoryanstve": Istoriya sem'i Tertiya Ivanovicha Filippova (po dannym otechestvennykh arkhivov)", in: *Vestnik Pravoslavno-go Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Iss. 2 (27), 7–27.
- Arkhimandrit Antonii (Khrapovitskii) (1892). 'Kak odnositsya sluzhenie obshchestvennomu blagu k zabotam o spasenii svoei sobstvennoi dushi?', *Voprosy filosofii i psikhologii*, 12, 72–73.
- Fateev, V. V. (2013). *Zhizneopisanie Vasiliya Rozanova*. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 1056 p.
- Fetisenko, O. L. (2006). 'Iz predystorii pereezda V. V. Rozanova v Peterburg', *Russkaya literatura*, 4, 131–137.
- Fetisenko, O. L. (2012). "Geptastilisty". *Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki: (Idee russkogo konservatizma v literaturno-khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroi poloviny XIX — pervoi chetverti XX veka)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 784 p.
- Fetisenko, O. L. (2012). "Preemstvo ot ottsov". *Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel'. Perepiska. Stat'i. Vospominaniya*. (Prilozhenie k Polnomu sobraniyu sochinenii i pisem K. N. Leont'eva, 12 Vols, 1). St. Petersburg: Izdatel'stvo "Vladimir Dal". 752 p.
- Fetisenko, O. L. (2012). *Proroki Vizantizma. Perepiska K. N. Leont'eva i T. I. Filippova (1875–1891)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Vladimir Dal". 728 p.
- Fudel', I. (1895). 'Kul'turnyi ideal K. N. Leont'eva', *Russkoe obozrenie*. Vol. 31, 1, 262–268.
- 'Ierokhimonakh Amvrosii + (1891), *Moskovskie vedomosti*, 15 oct., 285, 2–3.
- Leont'ev, K. N. (1885–1886). *Vostok, Rossiya i slavyanstvo: Sbornik statei*. Moscow: Tipo-litografiya I. N. Kushnerev i K^o. Vols. 1–2.
- Leont'ev, K. N. (1891). 'Optinskii starets Amvrosii. (Iz pis'ma k redaktoru "Grazhdanina")', *Grazhdanin*, 305, 2; 313, 2.
- Leont'ev, K. N. (1914). 'Pis'ma k Anatoliyu Aleksandrovu', *Bogoslovskii vestnik*, 1, 450–467; 2, 275–303; 3, 832–864; 4, 771–792.
- Leont'ev K. N. (2003). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem, 12 vols.*, O. L. Fetisenko, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Vladimir Dal". Vol. 6, 1. 824 p.
- Leont'ev K. N. (2004). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem, 12 vols.*, O. L. Fetisenko, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Vladimir Dal". Vol. 6, 2. 576 p.
- Leont'ev K. N. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem, 12 vols.*, O. L. Fetisenko, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Vladimir Dal". Vol. 8, 2. 1408 p.
- Medovarov, M. V. (2020). 'D. N. Tsertelev kak pervyi redaktor zhurnala *Russkoe obozrenie* (1890–1892)', *Vestnik Permskogo universiteta*, 2 (49), 98–105.
- Nikolaev, P. A., ed. (1989). *Russkie pisateli, 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, T. 1. 672 c.
- Rozanov, V. V. (1891). 'Evropeiskaya kul'tura i nashe k nei otnoshenie', *Moskovskie vedomosti*, 16 avg., 225, 2–3.
- Rozanov, V. V. (1892). 'Esteticheskoe ponimanie istorii', *Russkii vestnik*, 1, 156–188.

- Rozanov, V. V. (1892). 'Teoriya istoricheskogo progressa i upadka', *Russkii vestnik*, 2, 7–35; 3, 281–327.
- Rozanov, V. V. (1892). 'V. O. Klyuchevskii o Drevnei Rusi: V pol'zu postradavshikh ot neuroz-haya', *Russkii vestnik*, 7, 213–227.
- Rozanov, V. V. (2001) *Literaturnye izgnanniki*. Moscow: Respublika; St. Petersburg: Respublika; St. Petersburg: Rostok, 480 p.
- Rozanov, V. V. (2009). *Yudaizm. Stat'i i ocherki 1898–1901 godov* (Sobranie sochinenii. [Vol. 28]). Moscow: Respublika; St. Petersburg: Rostok, 846 p.
- Rozanov, V. V. (2010). *Literaturnye izgnanniki*. Vol. 2. Moscow: Respublika; St. Petersburg: Rostok. 960 p.
- Rozanov, V. V. (2011). *Mimoletnoe. 1915 god*. Izdanie polnogo teksta. A. V. Lomonosov, ed. Moscow: Skimen. 520 p.
- V. V. Rozanov i K. N. Leont'ev. *Materialy neizdannoï knigi*. (2014). St. Petersburg: Rostok. 1086 p.
- Sergeev, S. M. (2008). 'Anatolii Aleksandrov', in: *Rozanovskaya entsiklopediya*. A. N. Nikol'yukin, ed. Moscow: Rosspen. 2420 stb.
- Shcheglov, I. L. (1892). 'Okolo istiny. Povest' v trekh pis'makh', *Russkii vestnik*, 2, 80–139.
- Tchernoff, A. (1889). 'Un portrait littéraire russe: M. Constantin Léontiev', *La Nouvelle Revue*. T. 58, 2, 15 Juin, 754–764.
- Volzhenskii, P. (1887). 'Eshche russkii myslitel': (Vostok; Rossiya i slavyanstvo. Sbornik statei K. N. Leont'eva)', *Russkoe delo*, 19, 5 dec., 12–13; 20, 12 dec., 6–8; 21/22, 19–26 dec., 14–15.
- Yuzhnyi, M. (1892). 'Eshche o K. N. Leont'eva', *Grazhdanin*, 28, 28 yanv., 4.

В. Н. Быстров

«ВСЁ ЭТО БЫЛО ТАК НЕДАВНО...»
Стихотворение Вл. В. Гиппиуса «России»

Резюме

Сообщение посвящено анализу стихотворения Вл. Гиппиуса «России» (в рукописи первой редакции неизданного сборника «Затмения звезд» — «Слово о полку Игореве»). Оно написано в начале Первой мировой войны, предположительно осенью 1914 г. Текст воспроизведен по публикации в сборнике «Война в русской поэзии» (1915). Привлечен материал лекции Вл. Гиппиуса о «Слове о полку Игореве», которую он читал для воспитанников Тенишевского училища. Текст стихотворения представляет собой художественное осмысление древнего памятника с элементами вольного переложения некоторых фрагментов. Отмечено, что в тексте немало реминисценций и переключек с первоисточником. Он сопоставлен с переводами других поэтов (В. А. Жуковского, Л. А. Мея, А. Н. Майкова). Особое внимание уделено своеобразию образов и метафор Вл. Гиппиуса. Указаны, например, такие отличия от предшествующих текстов: в других переложениях не встречается выражение «прозрачный Дон» (в подлиннике: «синий Дон»); у Вл. Гиппиуса солнце в затмении — добрый знак, открывает путь Игорю, а не преграждает; лисицы не «лают», а «поют». Отмечены переключки со стихотворениями цикла А. Блока «На поле Куликовом». В заключении кратко охарактеризовано неопубликованное стихотворение Вл. Гиппиуса «К чему мне шум оружий бранных?..»; оно в первой редакции сборника «Затмения звезд» следует сразу за «Словом о полку Игореве» и подспудно связано с ним. Также было написано осенью 1914 г.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, «Слово о полку Игореве», переводы, автограф, В. А. Жуковский, А. А. Блок, интерпретация

Vyacheslav N. Bystrov

"IT WAS ALL SO RECENT ..."

The Poem "To Russia" by Vladimir Gippius

Abstract

The author presents an analysis of Vladimir Gippius's poem "To Russia" (in the manuscript of the first redaction of the unpublished collection "Eclipses of Stars", the poem has the title *The Lay of Igor's Campaign*). The poem was written at the beginning of World War I, presumably in the autumn of 1914. The text is reproduced from the publication in the collection *War in Russian Poetry* (1915). The analysis involves materials of a lecture on *The Lay of Igor's Campaign* that Vladimir Gippius gave to his students at the Tenishev School. The poem is an artistic interpretation of the ancient text with free paraphrasing of some fragments. The poem contains a considerable number of references to its source and echoes of it. Gippius's poem is compared with translations of other poets (V. A. Zhukovsky, L. A. Mei, A. N. Maykov). Special attention is paid to the original images and metaphors of Gippius's text. For example, in other renderings there is no such expression as "the clear Don" (in the original: "the blue Don"). In Gippius's poem, an eclipse of the sun is a good sign that opens rather than block Igor's path, and foxes do not "bark" but "sing". Gippius's text also echoes poems from the cycle "On the Field of Kulikovo" by Alexander Blok. A short discussion of Gippius's unpublished poem "What is the noise of military weapons to me?" completes the analysis. In the first redaction of the collection "Eclipses of Stars", this poem immediately follows *The Lay of Igor's Campaign* and is latently associated with it. This poem was also written in the autumn of 1914.

Keywords: Vladimir Gippius, *The Lay of Igor's Campaign*, translations, autograph, Vasily Zhukovsky, Alexander Blok, interpretation

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-180-191

Поэт, прозаик, известный педагог Владимир Васильевич Гиппиус (1876–1941), печатавшийся чаще всего под псевдонимами Вл. Бестужев и Вл. Нелединский, оставил после себя довольно внушительное творческое наследие, огромная часть которого до сих пор не опубликована¹.

В рукописи стихотворение имеет заглавие «Слово о полку Игоре» и входит в состав раздела «Стук» 1-й редакции неизданного поэтического сборника Вл. В. Гиппиуса «Затмения звезд»². 2-я редакция сборника также хранится в РО ИРЛИ³. Первая версия книги представляет собой рукопис-

¹ О Вл. В. Гиппиусе и его творчестве, в частности, см.: [Русские писатели, 1989, с. 565–566] (статья А. В. Лаврова); [Русская литература XX века, 2005, с. 480–482] (статья В. Н. Быстрова); [Биневич, 1993, с. 121–125]; [Гиппиус, 1996, с. 119–132].

² РО ИРЛИ. Архив Вл. В. Гиппиуса. Ф. 77. Ед. хр. 7. Л. 178–183 об.

³ РО ИРЛИ. Архив Р. В. Иванова-Разумника. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 8.

ные тексты (беловые автографы с правкой) и машинопись (с авторской правкой). Вторая — целиком рукописный сборник; стихи аккуратно переписаны черными чернилами мелким почерком. На стадии формирования 2-й редакции Вл. Гиппиус исключил ряд стихотворений, в том числе и «Слово о полку Игореве». О мотивах исключения можно только догадываться, но очевидно, что вторая версия сборника, которую поэт, видимо, готовил к печати, имела другую структуру и воплощала какой-то иной художественный замысел. Впервые стихотворение было опубликовано под заглавием «России» в журнале (иллюстрированной летописи) «Отечество» [Отечество, 1914, с. 125—126], под псевдонимом Вл. Бестужев. Затем оно вошло под теми же названием и псевдонимом в сборник «Война в русской поэзии» [Война в русской поэзии, 1915, с. 103—107]. Рукописный и печатные тексты имеют лексические и, главным образом, пунктуационные расхождения. Приведем текст последней прижизненной публикации в сборнике (с указанием в сносках лексических разночтений с автографом и текстом первой публикации):

РОССИИ

Всё это было так недавно:
Баян⁴ отпел — и сталиной,
Чтобы размеренно и плавно
Воспеть печаль страны немой, —

Чтобы — не соколы погнались
За лебедями, но сама
Струна летела, звуки мчались,
Скликая птиц — и пела тьма.

Тебе бы петь, Баян, походы,
Чтобы испить прозрачный Дон, —
Как ты воспел в былые годы
Призывы дедовских времен!..

Звал брата брат: пойдем на стражу,
Пойдем испить прозрачный Дон, —
Нам птицы ночи путь укажут,
Нам прозвенит их вещей стон!

⁴ В автографе и журнале: Боян

О милый брат, мой конь оседлан,
Мои бойцы уж в стремях, —
Чего ж нам ждать? уже сегодня
Измерим вольный путь в степях!

И видит Игорь — солнце гаснет
В полуденный и томный час,
Но тем свободней, тем бесстрашней —
Еще один сразиться раз!

Стекайтесь к морю, копья вражды, —
Идем к пустынным берегам:
Нам солнце тьмой наш путь укажет —
По вещим птичьим голосам.

Они пошли — и волки выли,
И на щетинах их орлы
Уселись грозно — и томили⁵
Своим рыданьем вздохи мглы;

Лисицы пели в иступленье,
И совы знали наперед, —
В каком неведомом сраженье
И кто на верное падет.

Но в смутных снах холодной ночи
Четыре солнца вдаль текли,
И пламенно смотрели очи —
Туда, где тучи залегли...

О Русь! ты за холмом случайным,
Но к волнам путь открыт тебе —
Ты к новым и заветным тайнам
Идешь наперекор судьбе.

⁵ В автографе первоначально было: Уселись грозно и будили

Пусть битвы были раньше стра́шны,
Теперь завещаны страшней;
Пусть солнца жаркие погасли
За той бескрайностью степей, —

О Русь! ты за холмом случайным!
Твой путь всё гневней и темней, —
Тебя навек взманили тайны —
Через степи, реки — до морей...

Но в пятницу — еще в надежде
Томил и разливался бой, —
Ты победила вновь, как прежде,
Ты снова справилась с судьбой;

Но в пятницу — еще надежда
Была с тобой, — ты разнесла
По стéпи трупы и одежды,
Ты кровь по вóдам разлила;

Ты девушек влачила к стану,
Ты золото взяла себе —
Назло пустынному туману,
Назло надежде и судьбе!

О Русь! ты за холмом случайным —
В какую мглу каких путей —
Навек — к безмерным и бескрайным
Пределам роковых степей?

Но в воскресенье снова битва, —
Таких не будет никогда —
Теперь молись! теперь молитва,
Теперь печаль, теперь страда!

Трава поникла от печали,
Иссохли нивы — ночь мутна;
Не молнии затрепетали,
Не тучей грозной даль страшна, —

Ты побежденная уходишь,
Взят Игорь в плен — ты спасена, —
Назад домой полки уводишь,
Глухой судьбе обречена...

Всё это было так недавно:
Не Святославу ль снится сон,
И грустно плачет Ярославна
Среди неуголенных жен?

Не Святославу ль снится горе, —
И ноет верная струна —
О море, о раздольном море,
Где сила Божья сожжена?

И верит Ярославна чуду,
Зовет неверного домой:
Иные сны и ночи будут
Томить под кровлею родной —

И не в объятьях, не в приветях!..
Настал ли невозможный час —
Свершить последние⁶ заветы:
Сразиться — но в последний раз!

Там, за степями, за лесами,
За молниями всех ночей —
Пройти бесследными путями
Навстречу роковых морей!

Пусть Святослав не верит встрече,
Пусть Ярославна ждет домой, —
Неистовые — Божьи сечи
Нам гневной суждены судьбой:

⁶ *Вариант автографа, наряду с основным: безумные*

Испить моря — узнать бескрайность
Еще таинственных морей, —
О Игорь, не одна случайность
Был твой поход во мгле степей,

Где солнце тмилось, волки выли,
Лисицы пели под грозой, —
Но где орлы тоской томили —
И звали в беспредельный бой⁷.

В связи с этим стихотворением определенный интерес для нас представляют довольно пространные размышления поэта о «Слове о полку Игореве» в его лекции под названием «Допетровская литература». Лекции воспроизведены по записям учащихся Тенишевского училища, преподавателем которого был Вл. Гиппиус. Они были изданы в Петрограде, поэтому очевидно, что вышли в свет не ранее августа 1914 г. В тексте лекций немало разного рода мелких ошибок и опечаток, но с точки зрения содержания он в целом достаточно достоверен, аутентичен.

Существенно восприятие Вл. Гиппиусом композиции и стиля повествования «Слова»: «Способ изложения отрывочный, живой; автор набрасывает ряд ярких картин, следуя полету своей фантазии» [Гиппиус, с. 56]. Вероятно, аналогичным образом поэт стремился выстроить и свой текст.

Какаясь «языка и слога» памятника, Вл. Гиппиус отметил: «...язык занимающего нас произведения певуч», сходен с былинным [Гиппиус, с. 53–54]. Не случайно и в зачине стихотворения поэт указал, что автор «Слова» «размеренно и плавно» «воспевал печаль страны немой». Вл. Гиппиус также подчеркивал, что в «Слове» «говорится о думах и печалях русского народа, страдавшего от междоусобий и половецких набегов. Автор „Слова“ был поэтом по призванию, но несомненно, что он был проникнут глубоким патриотическим чувством, хорошо знал князей и половцев и их отношение к Руси» [Гиппиус, с. 50].

Вл. Гиппиус привел план, «порядок изложения фактов» произведения, состоящий из восьми пунктов. При этом он утверждал, что «центральная мысль „Слова о полку Игореве“ выражена в сне Святослава, в рассуждениях о политическом строе Руси и обращении к князьям. Сам поход является для автора лишь поводом, чтобы высказать свои мысли» [Гиппиус, с. 56–58].

⁷ В автографе и журнале: И звали в запредельный бой! (то есть в битву за пределами родины, за границей).

Вполне возможно, что Вл. Гиппиус знал «Слово о полку Игореве» и в подлиннике, и в переводах-переложениях: Н. М. Карамзина (1816), В. А. Жуковского (опубл. в 1882 г.), Л. А. Мея (опубл. в 1850 г.), А. Н. Майкова (опубл. в 1870 г.) и др. При сопоставлении текстов нами будет взят за основу перевод В. А. Жуковского, признанный одним из лучших.

Стихотворение Вл. Гиппиуса представляет собой художественное осмысление памятника древнерусской литературы с элементами вольного поэтического переложения некоторых эпизодов.

Текст, безусловно, изобилует реминисценциями. Но поэт стремился совершенно иначе, по-своему воспроизвести хрестоматийные строки. К примеру, он так передает фрагмент о пении древнего Бояна (Баяна): *«Чтобы — не соколы погнались / За лебедями, но сама / Струна летела, звуки мчались...»* Ср. в переводе Жуковского: «Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал! / Он вещие персты свои на живые струны вскладывал...» [Жуковский, 1950, с. 102]. Кстати, в своей лекции Вл. Гиппиус обратил особое внимание на данный фрагмент, акцентируя его семантику: «Автор „Слова“ говорит, что Боян помнил первые усобицы и, воспевая их, „пускал десять соколов на стадо лебедей“, но, чтобы не озадачить своих слушателей этим изречением, он тотчас же прибавляет: „это пальцы его так скоро бегали по струнам“, что их можно сравнить с соколами» [Гиппиус, с. 54–55].

Ни в одном из известных Вл. Гиппиусу текстов не встречается его выражение *«испить прозрачный Дон»*. В подлиннике: «...да позрим синего Дону (...) искусити Дону великого», «испити шеломом Дону»; у Жуковского: «...Да посмотрим синего Дона! (...) Или испить шеломом Дона» [Жуковский, 1950, с. 103].

Своеобразно, как видим, отражена и картина солнечного затмения, послужившего князю Игорю знамением: *«И видит Игорь — солнце гаснет / В полуденный и томный час (...) Нам солнце тьмой наш путь укажет...»* Ср. у Жуковского: «Тогда Игорь воззрел на светлое солнце, / Увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых... (...) Солнце дорогу ему тьмой заступило...» [Жуковский, 1950, с. 103–104]. У Вл. Гиппиуса солнце в затмении указывает путь Игорю (как добрый знак), а не преграждает.

Начало похода Игоря, сопровождавшееся и другими дурными предзнаменованиями, передано с применением необычных, даже загадочных поэтических трансформаций: *«Они пошли — и волки выли, / И на щетинах их орлы / Уселись грозно — и томили / Своим рыданьем вздохи мглы; / Лисицы пели в исступленьи, / И совы знали наперед, — / В каком неведомом сраженьи / И кто на верное падет»*. Ср. у Жуковского: «И волки

угрозою воют по оврагам, / Клёктом орлы на кости зверей зовут, / Лисицы брешут на червленные щиты...» [Жуковский, 1950, с. 104–105]. Во-первых, следует отметить парадоксальное сочетание: «...волки выли, / И на щитах их — орлы...» Единственным отдаленным источником образа можно считать перевод А. Н. Майкова: «Воют волки по крутым оврагам, / Ощетинаясь, словно бурю кличут...» [Майков, 1977, с. 425]. Во-вторых, в подлиннике и во всех переложениях лисицы не «поют», а «брешут» (или «лают») на щиты воинов. В-третьих, во всех текстах не упомянуты в данном контексте вещие «совы», всё знавшие наперед; они, видимо, и упомянуты выше в тексте: «Нам птицы ночи путь укажут». Можно предположить здесь подспудную связь с образом «дива», под которым понимали некое мифическое существо, в частности, вещую птицу. Ср. у Жуковского: «Див кличет на верху древа: / Велит прислушать земле незнаемой...» [Жуковский, 1950, с. 104].

В стихотворении Вл. Гиппиуса собирательный образ «четыре солнца», олицетворявший Игоря и его князей-соратников, является в начале похода, тогда как в других источниках он возникает перед второй битвой; ср. у Жуковского: «Черные тучи с моря идут, / Хотят прикрыть четыре солнца...» [Жуковский, 1950, с. 105].

Особое внимание следует обратить на восклицание в подлиннике: «О Русская земле! уже за шеломянем еси!» Поэты-переводчики передавали его по-разному. Жуковский: «О Русская земля! Уж ты за горами / Далеко!» [Жуковский, 1950, с. 105]; А. Н. Майков: «А уж в степь зашла ты, Русь, далеко! / Перевал давно переступила!» [Майков, 1977, с. 426]; Л. А. Мей: «...земля Русская, / За холмами ты схоронилась!» Подразумевается гористая граница (по мнению исследователей, Изюмский курган), за которой простирается Половецкая степь. Вл. Гиппиус придал данному фрагменту неожиданный смысловой нюанс: «О Русь! ты за холмом *случайным!*» (в тексте, как рефрен, он фигурирует трижды; выделено мною — В. Б.). Что означает здесь метафора «холм случайный»? Казалось бы, это одна из многочисленных загадок нередко иррационального поэтического мышления Вл. Гиппиуса. Однако в заключительных строках стихотворения выясняется, что речь идет о том, случаен или не случаен, предрешен был поход Игоря в половецкие земли, оправданны или напрасны все усилия и жертвы: «О, Игорь, не одна случайность — / Был твой поход во мгле степей, / Где солнце тмилось, волки выли, (<...>) Но где орлы тоской томили / И звали в беспредельный бой». Таков, по мысли автора, исконный исторический жребий Руси: «Неистовые Божьи сечи / Нам гневной суждены судьбой! / Испить моря — узнать бескрайность / Еще таинственных морей! (<...>»

*Твой путь всё гневней и темней, — / Тебя навек взманили тайны — /
Чрез степи, реки — до морей!»*

Несомненно, стихотворение было прямо и ассоциативно связано с современностью, с началом Первой мировой войны, с обрушившимися на Россию испытаниями. Не случайно Вл. В. Гиппиус, сопрягая разновременные события, дважды акцентировал: «Всё это было так недавно...» Об этом красноречиво свидетельствуют и публикации стихотворения в патристическом журнале «Отечество», почти всецело посвященном военным батальонам, и в сборнике «Война в русской поэзии». Поэт убежден: *«Пусть битвы были раньше страшны, / Теперь завещаны — страшней...»* По сути, это близко знаменитому блоковскому из цикла «На поле Куликовом»: «И вечный бой! Покой нам только снится...»⁸ Не суждено России сразиться «в последний раз». Тут слышны нотки не только неизбежности, но и тревоги, предостережения... В тексте больше вопросов, чем ответов, о будущем России...

Важно отметить, что другим непосредственным откликом на войну послужило недатированное стихотворение Вл. Гиппиуса, которое в 1-й редакции сборника «Затмения звезд» следовало непосредственно за «Словом о полку Игореве» и также было исключено из состава 2-й редакции:

К чему мне шум оружий бранных?
Не верю в их победный крик:
Опять огонь остер в туманах,
Опять огонь бесцельно дик!

Не может быть, чтобы надежда
Влекла к насилью и беде...
Сними последнюю одежду,
Всесильно помоги в нужде!

Не может кровь из ран струиться, —
Не может быть на свете — ран!
Кто смел пронзить? Кто смел пролиться
Опять в бесчувственный туман?

⁸ Кстати, в тексте Вл. Гиппиуса есть очевидная переключка со стихотворением Блока «Опять над полем Куликовым...» (1908), ср. у Вл. Гиппиуса: «*Но в воскресенье снова битва... (...) Теперь молись! теперь молитва...*», у Блока: «Теперь твой час настал. — Молись!» [Блок, 1997, с. 173].

Не смеем! Восходить по трупам,
Не смеем! — и разим, разим...
Еще пять тысяч, пять!.. и тупо
Душа уходит в ярый дым.⁹

С большой долей вероятности можно утверждать, что стихотворение было написано приблизительно в то же время, в последние месяцы 1914 г. Безусловно значимы здесь настойчивые мотивы возврата к прошлому, повторения: «*Опять огонь остер в туманах, / Опять огонь бесцельно дик!* (...) *...Кто смел пролиться / Опять в бесчувственный туман*»¹⁰. Вл. Гиппиус, не поддавшись всеобщему энтузиазму, прозревал в «бесчувственном тумане» войны грядущие беды и страдания русского народа...

Литература

- Биневич, 1993 — Биневич Е. ...Тайный автор замечательных стихов // Новый журнал (СПб.). 1993. № 3. С. 121–125.
- Блок, 1997 — Блок А. А. Полное собрание сочинений: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. 994 с.
- Война в русской поэзии, 1915 — Война в русской поэзии / Сост. Ан. Чеботаревская, предисл. Ф. Сологуба. Пг.: Книгоизд-во бывш. М. В. Попова, 1915. 119 с.
- Гиппиус — Гиппиус Вл. В. Записки по истории русской литературы / Сост. учениками Тенишевского училища. Пг.: Типография А. Маркова, [б. г.].
- Гиппиус, 1996 — Гиппиус В. В. О самом себе / Публ. Евг. Биневича // Петрополь 96: Лит. панорама, 1993–1996. СПб.: Санкт-Петербург, 1996. С. 119–132.
- Жуковский, 1950 — Жуковский В. А. Переложение «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 102–118. (Литературные памятники).
- Майков, 1977 — Майков А. Н. Избранные произведения / Сост., подгот. текста и примеч. Л. С. Гейро. Л.: Советский писатель, 1977. 912 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
- Отечество, 1914 — Отечество: Еженед. иллюстрир. журнал. 1914. № 7, 25 дек.
- Русская литература XX века, 2005 — Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиогр. словарь: В 3 т. М.: Олма-Пресс Инвест, 2005. Т. 1: А–Ж. 733 с.
- Русские писатели, 1989 — Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. 692 с.

References

- Binevich, E. (1993). '...Tainyi avtor zamechatel'nykh stikhov', *Novyi zhurnal* (St. Petersburg), 3, 121–125.
- Blok, A. A. (1997). *Polnoe sobranie sochinenii, 20 vols.* Moscow: Nauka. Vol. 3. 994 p.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 7. Л. 184–184 об.

¹⁰ Ср. в цикле Блока «На поле Куликовом»: «Опять с вековой тоскою / Пригнулись к земле ковыли»; «Опять над полем Куликовым / Взошла и расточилась мгла» [Блок, 1997, с. 172, 173].

- An. Chebotarevskaya, F. Sologub, eds. (1915). *Voina v russkoi poezii*. Petrograd: Knigoizdatel'stvo byvsheye M. V. Popova. 119 p.
- Gippius, Vl. V. *Zapiski po istorii russkoi literatury*. Petrograd: Tipografiya A. Markova.
- Gippius, V. V. (1996). 'O samom sebe'. Evg. Binevich, ed., in: *Petropol' 96. Literaturnaya panorama, 1993–1996*. St. Petersburg: Sankt-Peterburg, 119–132.
- Maikov, A. N. (1977). *Izbrannye proizvedeniya*. (Biblioteka poeta. Bol'chaya seria). L. S. Geiro, ed. Leningrad: Sovetskii pisatel'. 912 p.
- Otechestvo. Yezhenedel'nyi illyustrirovannyi zhurnal* (1914), 7, 25 dec.
- Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskii slovar', 3 vols* (2005). Moscow: Olma-Press Invest. Vol. 1. 733 p.
- Russkie pisateli, 1800–1917. Biograficheskii slovar'* (1989). P. A. Nikolaev, ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1. 692 p.
- Zhukovskii, V. A. (1950). 'Perelozhenie Slova o polku Igoreve', in: V. P. Adrianova-Peretts, ed. *Slovo o polku Igoreve*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 102–118.

Л. В. Павлова, И. В. Романова

«АВРААМИЕВСКАЯ СЕДМИЦА»
(Смоленск, 19 сентября 2020 г.)

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-192-201

19 сентября 2020 г. в Смоленске состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Авраамиевская седмица». Эта конференция стала традиционной и проводится в пятый раз, однако в этом году она была вынужденно переведена в онлайн-формат. Ее организаторами выступили Смоленский государственный университет, Смоленская митрополия Русской Православной Церкви и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Участниками «Авраамиевской седмицы» этого года стали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Орла, Томска, Северодвинска, Смоленска, Витебска (Республика Беларусь).

Пленарное заседание открыли традиционные приветственные слова ректора Смоленского государственного университета М. Н. Артеменкова, а также митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора, который в своем выступлении отметил значимость этого совместного научно-просветительского проекта.

Научную часть заседания открыл доклад А. М. Ранчина (Москва) на тему «Мотив красоты святого Бориса в „Сказании о Борисе и Глебе“». Ис-

следователь обратил внимание на не вполне традиционный для агиографии мотив *подчеркивания* красоты старшего из святых братьев, его идеальный портрет, упоминаемый из всех памятников Борисоглебского цикла только в Сказании и в приписке к основному тексту Жития. Объяснение этому факту находится, по мнению докладчика, на проводимой в данном Житии параллели-сравнении Бориса и праотца Иосифа, о красоте которого говорится в Книге Бытия. В «летописных» чтениях красота лица и зора Бориса и Глеба трактуется как атрибут праведника. Так, А. Г. Кравецкий соотнес этот фрагмент с библейскими Притчами (17: 22), к которым докладчик добавил стих 15: 13, однако в обоих местах библейской книги речь идет о веселии сердца, но нигде нет лексемы «красота» и ничего не сказано собственно о красоте лица и «свѣтлости» «очей и зоров». А. М. Ранчин предполагает, что эта деталь характеристики добродетельного и благочестивого мужа восходит именно к Сказанию. Указанная переключка, свидетельствующая о зависимости паремийного чтения от Сказания, приводится как косвенный аргумент в пользу гипотезы А. А. Гиппиуса о поздней в сравнении с другими памятниками цикла датировке паремий.

Три других пленарных доклада традиционно были посвящены Житию преподобного Авраамия Смоленского, составленного его учеником Ефремом. А. А. Шайкин (Орел) в докладе «Автор, герой, жанр Жития Авраамия Смоленского» подробно остановился на жанровом своеобразии этого домонгольского памятника литературы. Он обратил внимание на то, что Ефрем, сохраняя жанровую принадлежность преподобническому житию, в то же время выходит за его пределы. Связано это с тем, что автор имел перед собой цель не только представить земную жизнь святого, но и оправдать и прославить его. Поэтому его текст приобрел черты, сходные с иными жанрами, в том числе возникшими в античную эпоху, но усвоенными и христианской традицией — энкомием и апологией. Вследствие этого Ефрем Смоленский создает оригинальное произведение, выходящее за пределы агиографических повествований древнерусской словесности.

Смоленский исследователь Жития Авраамия игумен Хрисанф (Шадронов) в своем докладе «Творения Иоанна Златоуста и Житие Авраамия Смоленского» проанализировал заимствования из сочинений святителя Иоанна Златоуста, и прежде всего из «Слова о священстве». По убеждению автора, Авраамий не случайно уподобляется автором Жития Иоанну Златоусту — одному из вселенских святителей. Причина этого кроется не только в сюжетных совпадениях гонений, но и в глубоком знании и почитании Авраамием трудов Златоуста. В Житии краугольный камень разногласий

между смоленской церковной властью и Авраамием, как показал докладчик, заключается в неодинаковом понимании сути священнического служения, принципиально отличного от монашества (отшельничества), и позиция Авраамия в этом вопросе Ефремом, автором Жития, возводится к «Слову о священстве» Иоанна Златоуста.

Т. Б. Карбасова (Санкт-Петербург) в докладе «Житие Авраамия Смоленского в редакции Гурия Тушина: библейский контекст» рассмотрела корпус библейских цитат в той редакции Жития Авраамия Смоленского, которая была создана в начале XVI в. Гурием Тушиным, учительным старцем Кирилло-Белозерского монастыря, учеником Нила Сорского. В этой редакции использованы заимствования из текстов, посвященных Кириллу Белозерскому. Редактора более всего интересовали монастырские и богослужебные практики, кроме того, он осуществил последовательную уточняющую правку. Особое место занимают в этой редакции исправления отсылок к Священному Писанию. Первоначальная редакция Жития (Основная) была насыщена библейскими цитатами, которые читались в том числе и внутри богослужебных последований. Эти случаи не всегда отмечались комментаторами. Весь корпус библейских цитат, использованных в Основной редакции, переходит в редакцию Гурия Тушина. Редактор опознает их как цитаты, в некоторых случаях уточняя текст, а в других отсылая к источникам. Кроме того, в новой редакции Т. Б. Карбасова обнаружила две новые цитаты. Сопоставление и комментарий к новым цитатам позволили автору доклада предположить, что, используя библейский контекст, редактор Жития указывал на особенность подвига Авраамия Смоленского, который состоял в молитве за «изгоняющих его и оскорбляющих».

Увенчалось пленарное заседание презентацией видеолекции игумена Хрисанфа (Шадронova) об Авраамии Смоленском из цикла «Просветители земли Смоленской». Этот цикл — часть большого проекта «Смоленск просвещенный: информационно-образовательный портал», реализуемого ассоциацией «Смоленский центр гуманитарных исследований» при поддержке Фонда президентских грантов (руководитель проекта — профессор Л. В. Павлова).

Секционная часть конференции была посвящена вопросам древнерусской культуры и письменности.

Н. Ю. Налётова (Смоленск) в докладе «Учительная книжность Древней Руси» показала, как переплетенное с традициями славянской культуры православное мироощущение оказало решающее влияние на сферу просвещения. Изучение древнерусской книжности (летописей, житий, поучений,

учительных сборников и др.) показывает, что она антропологична. Для нее характерен акцент на постижении законов духовно-нравственной жизни, зримо представленных в образе русских святых, евангельских качеств смирения, аскетизма, жертвенного служения, милосердия, всепрощения.

Л. В. Соколова (Санкт-Петербург) сделала сообщение на тему «„Сказание о Мамаевом побоище“ как полемика с „Летописной повестью о Куликовской битве“». Докладчица подчеркнула, что по поводу взаимоотношения названных памятников существуют разные точки зрения, и в последнее время поддержана точка зрения М. А. Салминой о прямой зависимости «Сказания» от «Летописной повести». При этом, по мнению Л. В. Соколовой, «Сказание» написано не просто позже «Летописной повести» и на ее основе, — оно представляет собой полемику с ней, предлагает иной взгляд на Куликовскую битву, на роль участвовавших в ней русских князей и воевод. Если в «Летописной повести» великий князь Московский Дмитрий Иванович представлен, по сути дела, единственным героем битвы, то автор «Сказания» минимизирует и даже сознательно искажает роль Дмитрия Ивановича в сражении. При этом подчеркивается роль в битве Владимира Андреевича Серпуховского и его шуринов — князей Ольгердовичей. Вслед за А. А. Шахматовым и Б. М. Клоссом Л. В. Соколова полагает, что «Сказание» создано в Троицком монастыре, а его авторами или заказчиками были люди, связанные с удельным князем Владимиром Андреевичем, а также с литовскими князьями Ольгердовичами.

И. В. Федорова (Санкт-Петербург) представила результаты исследования «Топографии Святой Земли» Ансельма Поляка (Краковского) в русской рукописной традиции, осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-41003 «Святая Земля в малоизвестных паломнических описаниях XVII — нач. XVIII в. (исследование и тексты)». Изучаемый памятник содержит описание Палестины и рассказывает о библейских реликвиях Иерусалима и его окрестностей. В научный оборот произведение ввел А. И. Соболевский, установивший, что перевод осуществлен в XVII в. с польского издания «Топографии» 1595 г. В настоящее время известно четыре списка памятника: ГИМ, Синод. собр., № 745; РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 1309; РНБ, Q.XVII.14; РНБ, собр. СПбДА, № 262. Однако рукописная традиция древнерусского перевода «Топографии» не изучена, текст не опубликован. Предпринятое И. В. Федоровой текстуальное исследование списков показало, что они содержат один и тот же перевод, который в процессе его бытования в древнерусской книжности подвергся незначительной русификации. Наиболее близок архетипу

перевода список РНБ, Q.XVII.147, однако в нем есть ошибки и небольшие утраты текста, появившиеся, очевидно, в результате его копирования. Дальнейшее исследование рукописной традиции памятника позволит выстроить генеалогию списков, выбрать список для первой научной публикации текста «Топографии», а также поможет скорректировать представление о времени и месте ее перевода и понять причины интереса к содержанию произведения у книжников и читателей XVII—XVIII вв.

В докладе И. А. Лобаковой (Санкт-Петербург) «Повествователь — Редактор — Литературный персонаж (К вопросу об автобиографизме в Житии Иринарха Ростовского)» высказано мнение, что в большинстве житий-биографий фигуру повествователя корректнее рассматривать как художественный прием, который позволял автору, с одной стороны, дистанцироваться от своего героя, а с другой — оставлял возможность для проявления личностного отношения. Была отмечена уникальность авторской позиции Александра, составившего в 1620-х гг. Житие своего учителя Иринарха Ростовского — произведение, сюжет которого в значительной части определен событиями эпохи Смуты. В тексте Жития оказались сведены вместе художественные функции повествователя-очевидца (Александр вместе со своим учителем пробыл в затворе 30 лет, переживая все превратности жизни своего наставника), редактора (именно он отбирал факты для своего повествования и включил в текст те события, свидетелем которых он не был, но знал о них по рассказам Иринарха) и литературного персонажа (Александр оказался включен в житийный сюжет в качестве полноправного участника, ведя речь о себе в 3-м лице). Позже в рамках древнерусской литературы этот прием обнаруживается в Житии протопопа Аввакума. В литературе Нового времени каждый мемуарист выступает в качестве повествователя (отбор материала и выбор стиля), редактора (отбор эпизодов своей жизни) и литературного героя, которым он предстает на страницах своего текста.

Коллизии, возникшей в период «книжного исправления», проведенного при патриархе Никоне в связи со справой богослужебных текстов, был посвящен доклад Н. И. Сазоновой (Томск) «Устав „Око церковное“ и „исправление“ Служебника при патриархе Никоне (1653—1666 гг.): опыт текстологического анализа (на материале чина вечерни)». За достаточно небольшой период, как известно, изменениям подверглись все наиболее употребительные богослужебные книги Русской Православной Церкви. Однако справа церковного Устава, определяющего порядок совершения богослужения, проводилась позже справки богослужебных книг и была произведена уже после патриарха Никона, в 1682 г. Таким образом, до этого времени продол-

жал действовать прежний Устав, а именно наиболее известная его версия «Око церковное» — русская редакция Иерусалимского типикона, появившаяся в XV столетии (издавалась в 1610, 1633, 1641 гг.). При этом никоновские богослужебные тексты содержали изменения в порядке совершения богослужения, Уставом не предусмотренные. Возникшие противоречия были рассмотрены на примере sprawy Службника, изданного в 1655 г., который стал первой из новоисправленных богослужебных книг. На примере никоновского «исправления» чина вечерни в докладе были разобраны изменения, внесенные в богослужебные указания для священнослужителей никоновскими справщиками, а также рассматривалась проблема соответствия внесенных изменений действующему церковному Уставу, были выявлены происшедшие в результате sprawy трансформации в области порядка совершения богослужения. Н. И. Сазонова пришла к выводу, что ряд богослужебных указаний в новоисправленных службниках полностью взят из текста «Ока церковного», вместе с тем был внесен и ряд новшеств, направленность и характер которых также подробно освещены в докладе.

М. А. Федотова (Санкт-Петербург) проанализировала первое печатное собрание проповедей Димитрия Ростовского (1786 г.), изданное по инициативе частного лица — Я. А. Татищева — в контексте эдиционной практики его сочинений, как прижизненных («Руно орошенное», «Апология во утление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении», Четьи Минеи), так и вышедших после смерти ростовского митрополита («Келейный летописец», «Розыск о раскольнической брынской вере»). В докладе «Проповеди Димитрия Ростовского: о проекте научного издания» были сформулированы достоинства и недостатки первого издания; поставлен вопрос о целесообразности новой научной публикации ораторских сочинений святителя Димитрия, главной целью которой является решение вопросов атрибуции той или иной проповеди и определение авторитетных списков, по которым необходимо подготовить новое издание.

Доклад «Религионимы в русской афористике» представила А. В. Королькова (Смоленск). Исследовательница исходила из общего положения, согласно которому русская афористика отражает языковую и концептуальную картину мира народа в диахронии, учитывая при этом, что исторически русская культура основывается на духовной культуре православия. В афоризмах русских писателей начиная с XVIII в. отражается национальное самосознание, естественным образом включающее христианские постулаты в общекультурный вербальный контекст русского мира. Поэтому в корпусе русской афористики велико количество изречений, связанных с Библией.

Самым распространенным религиозным в русской афористике (как и в русском языке в целом) является лексема *Бог* (и словообразовательное гнездо в целом), которая может употребляться во фразеологически связанном и свободном значении; достаточно частотным в русской афористике является и религиозный *грех* и его словообразовательное гнездо. Русская традиция богоискательства всегда была связана не только с осмыслением христианских заповедей, но и с осмыслением греха, преступления против божественной природы человека. Докладчица показала, что корпус русской афористики наполнен изречениями о труде, терпении, милосердии, смирении, любви к Отечеству, о русском языке как душе русского народа и русской культуры, о любви в христианском ее понимании и т. д.

В исследовании А. В. Радионовой (Смоленск) «Поэтика стихотворений-молитв русских поэтов» рассмотрены особенности жанровой модели стихотворной молитвы XVIII—XX вв. Автор доклада приходит к выводу о динамике этой жанровой формы, о творческом переосмыслении ее в новой поэзии. Наиболее подробно А. В. Радионова остановилась на роли лирической ситуации *credo* в композиции стихотворений-молитв на примере поэтического наследия Б. А. Чичибабина.

К лирическому роду обратился в своем докладе «Проблема дефиниции религиозной лирики» А. А. Большаков (Калуга — Москва). Докладчик на ряде примеров продемонстрировал различия вариативных и инвариантных выражений религиозного опыта в лирике. В первом случае автор лирического произведения задействует религиозные образы и концепты для выражения внутреннего мира своего лирического героя, передавая индивидуальный опыт переживаний религии через концептосферу, усвоенную в опыте рецепции культуры. Во втором автор использует религиозные образы и концепты для манифестации внеиндивидуальных универсалий, коррелирующих с религиозной догматикой и канонами. Инвариант подразумевает некоторую несвободу осмысления религии, потому что в этом случае поэзия становится религиозной философией, которая ограничивает выражение мысли заданными догматикой рамками. В ситуации, когда религиозный компонент лирики представляет собой вариант, автор оставляет за собой право интерпретации и концептуализации согласно собственным эстетическим и мировоззренческим установкам, используя заимствования из религиозной сферы как художественный инструмент.

Целый блок докладов конференции был посвящен писателям Серебряного века русской литературы.

Творчество И. А. Бунина объединило доклады Г. Н. Ермоленко (Смоленск) и М. Л. Рogaцкиной (Смоленск). В докладе «Образ Креста в произ-

ведениях И. А. Бунина» Г. Н. Ермоленко обратила внимание на частотность образа *Креста*, рассмотрев его семантику в разных произведениях И. Бунина: от простой христианской символики до размышлений писателя о судьбах будущего человечества. Во втором докладе «Тема Христа в рассказах И. А. Бунина» (М. Л. Рogaцкина) рассматриваются контексты упоминаний Христа и связь Его образа с разным художественным пространством (русской деревней, Москвой, Палестиной).

В. С. Ковалева (Смоленск) представила вниманию участников конференции доклад «Божий мир И. Шмелева глазами ребенка». Докладчица проанализировала рассказ «Неупиваемая Чаша», строящийся на противопоставлении восприятия окружающего мира старым баринном и подростком Ильей, продемонстрировав это на характерном для прозы И. Шмелева языковом приеме — несобственно-прямой речи, в которой объективная оценка событий сочетается с восприятием персонажа.

Л. Г. Каяниди (Смоленск) представил доклад «Библейские мотивы в трагедии Вячеслава Иванова „Прометей“», в котором старался раскрыть разнообразные скрытые смыслы этого важнейшего произведения поэта, остановившись более подробно на двух коллизиях, имеющих библейский первоисточник. В первой два сына Прометея, Архат и Архемор, ассоциируются с антиклизированным вариантом Каина и Авеля, при этом сюжет первого убийства, по мнению докладчика, осмысливается Ивановым как утверждение богоборческого начала человеческой культуры. Во второй коллизии Пандора как протагонист третьего действия ивановской трагедии предстает у Иванова не столько по-гесиодовски, как посланная богами мстительница за богоборческую дерзость Прометея, сколько по-библейски, как его создание, античная Ева.

Советский период отечественной литературы на конференции был представлен докладами о А. Т. Твардовском, критике А. В. Македонове и неподцензурной поэзии.

Л. В. Павлова и И. В. Романова (Смоленск) представили вниманию слушателей доклад «„Язык свергнутой религии“ в поэзии А.Т. Твардовского», в котором напомнили, как эпоха соцреализма не благоволила глубокому вниманию к религиозным темам и образам, а исключение делалось лишь художественному представлению того, что так или иначе варьирует девиз «Бога нет», в силу частого его повторения приобретающий характер заклинания. Отречение от «старого мира» не предполагало вдумчивой «сортировки» его ценностей, даже тех, о существовании которых свидетельствовали классическая литература, декларируемо почитаемая, опыт отцов и матерей, предлагаемый как проверенные ориентиры в житейском море, собственные

впечатления детства и юности. Именно об этом «обрубании корней», как было представлено в докладе, напишет в поэме «По праву памяти» Твардовский — один из тех, кто познал путь и цену этого отречения. Язык Церкви, ее каждодневная жизнь были знакомы уроженцу смоленской глубинки, как и каждому человеку его времени, о чем свидетельствует его поэзия. Однако всё это, так хорошо знакомое и привычное, лишь приметы прошлого, отказ от которого — залог скорейшего торжества нового и прекрасного уклада. Одно из ярких проявлений этого отказа в поэзии Твардовского — низведение констант религиозного мышления русского человека до присказок и прибауток, чертыхания и поминания Бога всуе.

В молодые годы А. Т. Твардовский называл критика А. В. Македонова «смоленским Сократом», что во многом объяснялось интересом начинающего критика к философским проблемам. В докладе Э. Л. Котовой (Смоленск) «Религиозно-философские вопросы в сознании А. В. Македонова» последовательно показано, во-первых, как изучение критического наследия В. Г. Белинского привело Македонова к серьезному знакомству с идеалистической философией Гегеля, эстетические взгляды которого навсегда остались для него незабываемыми, и во-вторых, как в зрелые годы на религиозно-философское сознание А. В. Македонова повлияло учение Тейяра де Шардена об эволюционно-космическом христианстве, отразившееся на характере его поздних литературоведческих исследований.

Противоположное, неофициальное крыло русской литературы сер. — второй пол. XX в. представил Б. Ф. Колымагин (Москва) в докладе «Теологические и философские аспекты религиозной поэзии 1960–1980 гг.». Докладчик показал, что в неподцензурной поэзии 1960–1980 гг. нередко ставились богословские и философские вопросы, а поэтика и теология вступали в поэзии андеграунда в сложное взаимодействие, благодаря которому появился ряд оригинальных произведений.

Последний блок докладов конференции был посвящен религиозным аспектам новейшей русской литературы и отражен в докладах «Псалмы иеромонаха Василия (Рослякова)» Е. А. Балашовой (Калуга) и «Избранный или раскаивающийся: житийный сюжет в диалогии С. Лукьяненко „Искатели неба“» И. В. Марусовой (Смоленск).

В первом докладе была затронута теоретико-этическая проблема: можно ли православным заниматься творчеством, — и в качестве положительного ответа на этот вопрос докладчик представил духовное и творческое наследие нового автора — иеромонаха Василия (Рослякова), поэзия которого была одинаково интересна мирянам и насельникам монастыря. Само бого-

служение иеромонаха Василия было творчеством, а творчество — богослужением: в своих псалмах, говоря о священном, он не изменял его, но давал ему новую, сообразную с веком форму выражения.

Второй доклад выдвинул не менее дискуссионный вопрос об отношениях религии и фантастики. И. В. Марусова показала, что мир современного фэнтези преимущественно политеистичен, а «космическая» фантастика предполагает, по меньшей мере, неканонический взгляд на вопросы религии, но вместе с тем современные писатели-фантасты обращаются к христианским образам, сюжетам и мотивам, зачастую переосмысляя и трансформируя их. В качестве примера были рассмотрены сочинения современных отечественных и зарубежных писателей: братьев Стругацких, Г. Л. Олди, Дж. Роулинг, — но особенно подробно проанализирована дилогия С. Лукьяненко «Искатели неба» (романы «Холодные берега» и «Близится утро»).

Материалы конференции составят V выпуск сборника «Авраамиевская седмица», который увидит свет в 2021 году.

Список сокращений

АРГО	— Научный архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)
АРЭМ	— Архив Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГЛМ	— Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (до апреля 2017 г. Государственный литературный музей) (Москва)
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ОР ГЛМ	— Отдел рукописей ГЛМ
РГАВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел ИРЛИ
СУС	— Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979

Наши авторы

- Букреева Елена Михайловна** — канд. ист. наук, старший научный сотрудник ГИМ (Москва). izogim@yandex.ru
- Быстров Вячеслав Николаевич** — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург). bysvn@mail.ru
- Ветловская Валентина Евгеньевна** — д-р филол. наук, главный научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). idmmspb@yandex.ru
- Власова Марина Никитична** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). mrsteelheart@yandex.ru
- Гончарова Елена Ивановна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). el-goncharova@yandex.ru
- Обатнина Елена Рудольфовна** — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). lena.eo@mail.ru
- Павлова Лариса Викторовна** — д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского гос. университета. pavlar@inbox.ru
- Романова Ирина Викторовна** — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой литературы и журналистики Смоленского гос. университета. irina.romanova@bk.ru
- Руднев Дмитрий Владимирович** — канд. ист. наук, д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка СПбГУ, ведущий научный сотрудник РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). rudnevd@mail.ru
- Фатеев Валерий Александрович** — канд. филол. наук, эксперт Издательства «Пушкинский Дом» (Санкт-Петербург). vfateyev@gmail.com
- Фетисенко Ольга Леонидовна** — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). betsy98@mail.ru

Authors

- Elena M. Bukreeva** — State Historical Museum. Moscow, Russia
- Vyacheslav N. Bystrov** — Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia
- Valery A. Fateev** — Pushkinskij Dom Publishers. St. Petersburg, Russia
- Olga L. Fetisenko** — Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia
- Elena I. Goncharova** — Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia
- Elena R. Obatnina** — Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia
- Dmitrii V. Rudnev** — St. Petersburg State University. Herzen State Pedagogical University of Russia. St. Petersburg, Russia
- Valentina E. Vetlovskaya** — Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia
- Marina N. Vlasova** — Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-778000 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Адрес редакции: 199034 Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д. 4
Телефон +79213354409
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста З. Н. Исидорова
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

Подписано к печати 14.12.2020.
Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 16,51. Тип. зак. №

Отпечатано в типографии «АртПроект»
Санкт-Петербург, Выборгская наб., д. 29